

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Самарский государственный технический университет»

На правах рукописи

Анисимова Светлана Юрьевна

Историческая память: онтологические и ценностные основания

09.00.11 Социальная философия

Диссертация на соискание учёной степени кандидата философских наук

Научный руководитель:
доктор философских наук,
профессор Т.В. Борисова

Самара – 2021

Оглавление

Введение.....	3
Глава 1. Проблема социально-онтологических измерений исторической памяти.....	19
§1. Экспликация социально-онтологических оснований исторической памяти в философском дискурсе.....	19
§2. Онтологический статус и методологические аспекты исторической памяти	41
Глава 2. Социально-философские и ценностные измерения исторической памяти общества	61
§1. Методологический ресурс исторической памяти как социально-философская проблема	61
§2. Классификационная структура и содержание исторической памяти общества	83
§3. Ценностные координаты исторической памяти общества	102
Заключение.....	124
Список литературы.....	130

Введение

Актуальность исследования социально-онтологических и ценностных оснований исторической памяти обусловлена, прежде всего, той ситуацией, которая сложилась в гуманитаристике и философии истории. Границы проблемного поля исторической памяти остаются открытыми, и споры о ее статусе, специфике, способах и формах репрезентации не утихают в научном сообществе. Накал дискуссий об исторической памяти связан с теоретико-методологической необходимостью включения её в общую теорию памяти, а также напряженной геополитической ситуацией современного мира, в котором драматически сталкиваются разные экономические, политические и культурные интересы.

Перспективность философского осмысления феномена исторической памяти, анализа вариативности ее определений наиболее ярко проявляется в междисциплинарном аспекте, в рамках которого каждая наука демонстрирует эффективность собственного подхода. При этом метафизические границы в исследованиях исторической памяти существенно раздвигаются. Однако вопрос о статусе исторической памяти в общей теории памяти по-прежнему остается открытым. Очевидно, что теоретико-методологическая задача концептуализации исторической памяти не завершена и поэтому остается актуальной. Сказанное обосновывает необходимость продолжения анализа исторической памяти во всех ее аспектах. А учитывая, что в современном гуманитарно-философском дискурсе критериальное основание категориального аппарата исторической памяти весьма условно и четко не прописано, необходимо продолжить работу в этом направлении.

С учетом существующей теоретико-методологической ситуации, в рамках которой онтологическая проблематика все чаще заменяется гносеологической, актуальным становится возвращение к исследованию социально-онтологических оснований исторической памяти, что открывает ученому новые перспективы в изучении не только онтологических, но и ценностных оснований исторической памяти.

Тема исторической памяти вот уже второе десятилетие остается актуальной не только для России, но и для стран европейского сообщества. Связано это, прежде всего, с вопросами самоидентификации гражданских наций в тех странах, ступивших на самостоятельный путь развития. Яркий пример тому – мемориальные войны. «Историческая память – не только один из главных каналов передачи опыта и сведений о прошлом, но и важнейшая составляющая самоидентификации индивида, социальной группы и общества в целом, ибо оживление разделяемых образов исторического прошлого является таким типом памяти, который имеет особенное значение для конструирования и интеграции социальных групп в настоящем»¹.

В современном противоречивом глобальном мире ценностный аспект исторической памяти имеет не столько теоретическую, сколько практическую значимость в плане сохранения ментальной безопасности общества. В этом плане историческая память выступает своеобразным ориентиром не только для сохранения, но и для избирательного выбора системы ценностей, имеющих цивилизационную значимость, что усиливает актуальную составляющую проблематики исторической памяти.

Степень научной разработанности проблемы. Неоспоримо то, что современный дискурс исторической памяти был бы невозможен без историко-философского наследия, оставленного классиками философской мысли. Усилиями таких философов, как Парменид, Пифагор, Платон, Аристотель, Августин, А. Бергсон, Ф. Ницше, З. Фрейд, Э. Гуссерль, П.Л. Лавров и др., была разработана серьезная теоретико-методологическая база для дальнейшего исследования теории памяти. И хотя содержание этого богатого философского наследия в постмодернистских исследовательских программах деструктируется, тем не менее сформированное философско-гуманитарное наследие зарядило творческим импульсом дальнейшее развитие теории памяти в современных дискурсах.

---

¹ Репина Л.П. История и память: историческая культура Европы до начала Нового времени, М.: Круг, 2006. С. 24.

Тематика исторической памяти общества возникла в западной интеллектуальной традиции на рубеже XIX–XX вв. Её обозначил М. Хальбвакс² в своей знаменитой работе «Социальные рамки памяти», в которой он сделал вывод о том, что память – это не только индивидуальный процесс хранения и обработки полученных впечатлений, но и деятельный процесс общества. Этот вывод привел учёного к исследованию коллективной памяти общества в рамках заложенного им функционального подхода, где социальная память отдельных групп исследовалась с точки зрения той роли, которую она играла в сохранении целостности группы. В пространстве группы задаётся познавательный функционал социальной памяти, и в группе же нивелируется дезинтегрирующая функция «коллективных представлений».

Исследования и анализ исторической памяти в современном философско-гуманитарном дискурсе проводятся по разным теоретико-методологическим основаниям. Сразу же отметим, что большой блок исследований посвящён анализу классификационных признаков, с помощью которых можно выстроить классификацию исторической памяти. Исследователями были выбраны конкретные признаки такие как мифологический (Н.С. Вольская), эпический (М. Блок), системно-генетический (В.А. Колеватов) и др. На основании этих признаков были разработаны соответствующие модели типологизации исторической памяти.

Большое значение в разработке различных типов памяти имеет проблематика соотношения понятий: коллективная память, историческая, культурная, память мира и др. Эту проблематику активно разрабатывают учёные Л.С. Выготский, А.Р. Лурия, А.Н. Леонтьев, М.В. Соколова, Л.П. Репина, Е.В. Романовская, В.Б. Устьянцев и др.

Особый интерес вызывает проблематика концептуализации исторической памяти через призму пространственно-временных констант с последующим анализом социально-культурного контента. В этом направлении можно отметить работы зарубежных аналитиков, таких как П. Хаттон, П. Рикёр, Ж. Ле Гофф, Л. Штайндорфф и др.

---

²Хальбвакс М. Социальные рамки памяти / Пер. с фр. и вступ. ст. С.Н. Зенкина. М.: Новое издательство, 2007.

Российские учёные вносят существенный вклад в данную проблематику, акцентируя при этом внимание на анализе содержания и характеристик исторической памяти в рамках темпоральных представлений картин мира европейской и отечественной истории. Особо отметим фундаментальную монографию И.М. Савельевой, А.П. Полесова «Теория исторического знания» (2008 г.), а также труды М.А. Барга, Ю.М. Лотмана А.Л. Шапиро, О.М. Ломако, Б.В. Маркова, Т.В. Борисовой и др. Работа в данном направлении продолжается и в перспективе выводит на фундаментальную тематику онтологических оснований исторической памяти. Артикуляция этой тематики связана с запросом научного сообщества на построение «новой онтологии», в основании которой можно рассмотреть и признать фундаментальный статус исторической памяти и её роль в познании и реконструировании реалий прошлого. Формированию «новой онтологии» и ресурсной роли в ней исторической памяти посвящены работы А.В. Дахина, А.Т. Лойко, Ф. Спира, М. Хагса-Варрингтона и др.

Отметим, что пласт исследований исторической памяти в рамках «новой онтологии» выводит на тематику «живой» памяти как свойства любой социальной системы воспроизводить и актуализировать опыт и информацию³. В современном исследовательском поле исторической памяти приобретает научный авторитет постулат коэволюционной парадигмы, в рамках которой осуществляется поиск единого онтологического основания памяти в системах природы и общества. Несмотря на специфику содержательного различия природных и социокультурных систем, коэволюционная парадигма выводит на теоретическое обоснование бытийной общности этих систем. Это расширяет исследовательские границы проблематики исторической памяти и позволяет постулировать её онтологические основания, определяющие способность продолжения бытия общества в полифонической многомерности прошлого, настоящего и будущего. Перспективность данного направления связана не только с анализом процесса актуализации памяти, но и с междисциплинарностью, позволяющей привлечь в исследовательское поле

---

³Sukhoverkhov A.V. Memory, Sign Systems, and Self-Reproductive Processes // Biological Theory. 2010. Vol. 5. № 2. P. 161–166.

исторической памяти как можно больше аспектов. В этом русле можно упомянуть работы А.И. Коротяева, С.А. Бабичева, А.В. Суховерхова, М.В. Ежова, В.П. Шестакова, В.Н. Поруса, В.А. Лекторского, Б.И. Пружинина и др.

Сегодня в научном сообществе активно обсуждается «дорожная карта» трансдисциплинарности, которая актуализирует необходимость анализа праксиологических практик деятельности человека. Эти практики приобретают эффективность через взаимодействие друг с другом. И хотя трансдисциплинарный подход в социальной философии не приобрёл широкую научную востребованность, в его рамках можно исследовать практики, коммуникации и репрезентации живой исторической памяти, такие как научные факты, мифологические практики и т. д. В рамках этого направления работают учёные Р.В. Шольц, М. Кеестра, Б.Г. Юдин, В.А. Луков, А.П. Огурцов и др.

Используя методологию герменевтики и феноменологии известных философов Э. Гуссерля, А. Шютца, П. Бергера, Т. Лукмана, трансдисциплинарные исследования способны выйти на анализ роли исторической памяти в социальных практиках людей и механизмов индивидуальных воспоминаний и психологических травм в пространстве жизненного мира.

Проблематика памяти активно осмысливалась и в рамках других исследовательских подходов. Так, в пространстве культурно-семиотического подхода, разработанного Ю.М. Лотманом, Я. Ассманом, Ю.Г. Эксле, Й. Рюзенем, акцентировалось внимание на изучении текстов как носителей социальной памяти, способов их кодирования и декодирования. Для описания культурологического аспекта рассматриваемого феномена Я Ассман вводит понятия культурной и коммуникативной памяти. Исследования в русле данного направления, как правило, ограничиваются рамками конкретной культуры или субкультуры.

Структуралистский подход, получивший обоснование в работах К. Леви-Стросса, М. Фуко, Ж. Лакана и Р. Барта, делает акцент на поиске устойчивых социальных структур, в том числе структур общественного сознания и коллективно-бессознательного. Этот подход позволяет выявить взаимосвязь различных элементов социальной реальности, делает возможной разработку методологии срав-

нительного анализа социальной памяти различных обществ. Однако излишняя статичность и игнорирование роли социальных изменений делают познание в рамках структуралистского направления неполным.

На современном этапе историческая память как способность «памятования» о прошлом начинает исследоваться в рамках так называемого «технологического детерминизма», который выступает как «...общая ориентация исследований, тематизирующая значение технологических и научно-технических систем, определяющих качество жизни общества»⁴. Данный аспект расширяет границы феномена исторической памяти и позволяет не только трактовать её в психолого-нарративном варианте, а связывать с опытом предметной и технологической деятельности людей.

В последнее время проблематика исторической памяти исследуется по разным конкретным направлениям: учёными Е.А. Ростовцевым, Д.А. Сосницким изучаются источники формирования массовых представлений о прошлом; А.Н. Алексеевым, А.М. Уткиной, В.П. Светловым, В.А. Федотовым и др. исследуются семейная память, мифы и традиции. Проблематикой культурно-символических материальных носителей исторической памяти в форме государственных наград, знаков отличия, мемориальных досок, коммеморации, монументальной скульптуры, учебников, литературы, библиотек занимались российские учёные Б.А. Божченко, Б.Н. Буринская, В.Н. Грусман, Н.А. Гусева, А.Н. Малинкин, Б.И. Колоницкий, В.Н. Попова, мемуаристы С.И. Эрлих, Ф.С. Расаева, Р.В. Шульгина, О.И. Сгибнева, М.И. Лыскова и др.

Последнее время российские учёные всё больше исследуют историческую память на манер *memory studies*. Работы в этом направлении посвящены теории и практике мемориальных исследований и роли исторической памяти в истории России, истории западных сообществ в период Средних веков и Нового времени. Здесь можно отметить работы Л.П. Репиной, М.С. Бобковой, А.В. Дорониной, И.Н. Ионова, З.Ю. Метлицкой и многих других.

---

⁴Мелюхин И.С. Информационное общество: истоки, проблемы, тенденции развития. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1999.

С выходом на передний план гуманитарно-философской проблематики информационных процессов современности стал востребованным информационный подход, предметом которого является анализ механизмов передачи информации в фокусе социокультурных изменений. Преимущество информационного подхода для изучения динамики социальной памяти в масштабах всего социума тематизировали в своих работах Б.С. Афанасьев, В.А. Илизаров, В.А. Колеватов. Саратовской школой рискологии В.Б. Устьянцева, Д.А. Аникина и др. исследование исторической и социальной памяти осуществлялось также в рамках институционального, деятельно-ценностного подхода.

В глобальном мире существенно трансформируются многие культурные процессы общества, что привело к тематизации проблематики социального пространства. В теории исторической памяти на первый план выходит тематика топоса исторической памяти. Топос памяти растворяет ее временные характеристики, и на первый план выдвигаются пространственные маркеры. Эти процессы подробно рассматриваются в рамках так называемой акторно-сетевой теории, те или иные аспекты которой рассматриваются в работах Б. Латура, А. Адорно, П. Нора, А.Г. Санина, Д.А. Аникина и др.

Эпоха массовых коммуникаций привела к созданию масштабированного медиапространства. Его социально-культурный эффект привел к появлению феноменов постпамяти, интернет-памяти, сетевой/ризомной памяти. Проблематика этих феноменов представлена широким спектром исследований как в зарубежной литературе работами Дж. Бургесса, Дж. Хартли, К. Миллнера, так и в отечественной работами Д. Галкина, Е. Козловой, К. Прасоловой. Российский учёный В.И. Сыров активно исследует проблематику постпамяти, а феномен интернет-памяти, сетевой/ризомной памяти представлен в работах Н.Л. Соколовой, О. Горюновой, Л. Горалик, С.В. Тихоновой и др.

В силу того, что современный мир переживает информационную революцию, роль ценностных ориентаций в нем переформатируется. Если классики аксиологии Платон, М. Шелер, Н. Гартман, Н. Бердяев, Н. Лосский транслируют идею онтологического основания бытия ценностей, то в связи с современными

социальными трансформациями тематика ценностей решается или в русле теории познания, на что обращал внимание ещё Г. Риккерт, или в рамках выработки методологических критериев для творчества общественных практик в работах П.Л. Лаврова, И.С. Нарского, М.А. Розова, В.С. Стёпина и др.

Аксиологическая проблематика продолжает развиваться российскими философами П.Е. Матвеевым, В.П. Тугариновым, А.И. Юдиным, Д.И. Заровым и др.

Наиболее трудной в методологическом плане является разработка критериальных оснований ценностных ориентаций на том или ином этапе развития общества. Большую роль в решении этой проблемы сыграл Г. Риккерт, который предложил логическую ранжировку роли ценностей в теории познания, выдвинув на первый план формы и нормы эмпирического познания прошлого. На этом же моменте, роли ценности в теории познания, заостряет внимание И.В. Дёмин.

Другое классификационное обоснование ценностей было разработано В.П. Тугариновым, который в качестве критерия ранжирования ценностей предложил приватные формы бытия человека.

Сегодня проблематика ценностей рассматривается многими философами в рамках теорий информационных процессов, частным случаем которых является акторно-сетевая теория. В рамках этих теорий работают зарубежные учёные, такие как Э. Дарли, Дж. Доуви, Б. Петерс, А. Брунс, С. Фьючс, К. Миллнер и др. Среди российских исследователей над статусом исторической памяти в информационных процессах работают философы Н.Л. Соколова, Д.А. Аникин, С.В. Тихонова, А.В. Рязанов, Р.Ю. Порозов, В.Н. Сыров и др.

Во всемирной интернет-паутине ценностные основания исторической памяти трансформируются. Ценностью исторической памяти выступают уже не формы знания или новые мифологемы национальной безопасности, а любительский опыт сетевых контентов. Влияние медиапространства на ценностные трансформации исторической памяти требует дальнейших исследований.

Существующий на сегодня накопленный богатый теоретико-методологический материал по феномену исторической памяти, по выявлению её онтологических и ценностных оснований нуждается в дальнейшем философском

осмыслении и требует серьёзного анализа в рамках философии истории, социальной философии и медиафилософии.

Объектом исследования выступает историческая память как специфический феномен социального бытия.

Предметом исследования являются онтологические и ценностные основания исторической памяти в социокультурном контексте.

Целью исследования является философское осмысление онтологических и ценностных оснований исторической памяти в процессе социальной трансформации.

Достижение сформулированной цели связано с решением следующих **исследовательских задач**:

1. Эксплицировать проблематику социально-онтологических оснований исторической памяти в рамках историко-философского дискурса.

2. Уточнить социально-онтологический статус исторической памяти общества в междисциплинарных исследованиях, а также содержание и границы понятия «историческая память».

3. Проанализировать способность методологического ресурса исторической памяти, адаптировать понятийный аппарат к социально-онтологическим схемам общества.

4. Уточнить классификационную структуру исторической памяти с целью эффективной работы с понятийным аппаратом памяти и её таксонами.

5. Выявить динамику ценностной базы исторической памяти в ракурсе социокультурных трансформаций общества. Провести анализ репрезентаций исторической памяти в фокусе ценностных предпочтений общества.

Методологические основания исследования. Теоретическую и методологическую базу исследования составляют труды зарубежных и отечественных учёных в области социальной философии, аксиологии, философии истории, социологии, отечественной и зарубежной истории, медиафилософии и коэволюционной эпистемологии.

Для решения поставленных задач применён социально-философский анализ, в рамках которого применяются методы исторической конструкции и реконструкции и компаративный метод (сравнительно- исторический). Применён междисциплинарный подход в русле конкретизации комплексного подхода, что позволил не только выявить онтологические составляющие исторической памяти, но и философски осмыслить фундаментальные характеристики исторической памяти как социального феномена.

В диссертации была использована исследовательская программа коэволюционной эпистемологии с опорой на теорию генно-культурной эволюции. Зарубежные учёные Дж.Е. Робинсон, Д. Христиан, Ф. Спир, М. Варингтон и др. вместе с российскими коллегами Е.М. Князевой, А.И. Коротяевым, А.В. Дахиным, С.А. Бабичевым, А.В. Суховерховым и др. в рамках этой теории исследуют взаимосвязи информационных систем живой природы и общества. Результаты этих исследований можно использовать для поиска онтологической общности бытия исторической и биологической памяти, что существенно расширяет границы онтологического статуса исторической памяти. Для социально-философского осмысления ценностных оснований исторической памяти был применён аксиологический подход. В его рамках возможен не только анализ онтологической основы бытия ценностей, но и выявление динамики ценностной базы исторической памяти как в русле теории познания, так и через призму социокультурных трансформаций общества.

Научная новизна диссертации состоит в следующем:

1. Выявлены фундаментальные социально-онтологические основания исторической памяти: социальное пространство и время, бытийность, со-знание, процедурные нормы и стандарты предметных и духовных видов деятельности. Доказано, что социально-онтологические основания исторической памяти не только определяют картину мира прошлого, но и формируют отношение человека к настоящему и будущему.

2. С позиции авторского подхода обоснован социально-онтологический статус исторической памяти через определение её границ и содержания как актуализированного действия человеческого бытия и способа продления жизни.

3. Проанализирована способность методологического ресурса исторической памяти адаптировать собственный понятийный аппарат к социально-онтологическим схемам общества, которые представлены исследовательскими программами социальной философии. Аргументировано, что использование интегрального опыта и концептов при анализе событий прошлого усиливает возможности методологического ресурса исторической памяти эффективно работать в условиях философского плюрализма.

4. Доказано, что классификационная структура памяти организует не только работу исследователя с понятийным аппаратом классификационных таксонов памяти, но и сами мыслительные процедуры памяти по восстановлению прошлого. В качестве измерительных единиц предложен опыт духовных и материальных форм деятельности, содержание которых транслирует историческая память.

5. Выяснено, что ценностным основанием исторической памяти выступает совокупность смыслообразующих ориентиров, с помощью которых память диктует вектор избирательности в транслировании и актуализации социального прошлого. Проанализированы формы репрезентации исторической памяти: факт, миф, художественный образ в ценностном аспекте.

Положения, выносимые на защиту:

1. Множественность определений исторической памяти в экспликации историко-философского дискурса связана с философским различием социально-онтологических оснований исторической памяти. Выявленные онтологические составляющие исторической памяти такие как пространство и время, бытийность, со-знание, процедурность норм и стандартов любых форм деятельности определяют специфику социокультурного контекста конкретной эпохи, а также векторную направленность практического функционала памяти. В ходе обсуждения проблематики социально-онтологических оснований исторической памяти конкрети-

зируются именно те её онтологические составляющие, на основе которых формируются образы прошлого, настоящего и будущего. На современном этапе междисциплинарных исследований актуализируется поиск общих онтологических оснований в структурах «памятования» природы и общества. Это позволяет трактовать функционал исторической памяти как актуализированную трансляцию исторической взаимосвязи между обществом и природой.

2. Онтологический статус исторической памяти позволяет определить специфику её проявления на различных уровнях бытия. На уровне социального бытия историческая память выступает как способность общества фиксировать этапы взаимодействия с окружающей средой, онтологизируя процесс присвоения человеком природного материала. На институциональном уровне историческая память закрепляет собственное содержание в системе социальных институтов, с помощью которых выполняются функции государственной политики, эффективного управления и воспитания. На экзистенциальном уровне историческая память сохраняет и продолжает жизнь рода, семьи, индивида в пространственно-временных координатах: прошлое – здесь; прошлое – здесь и теперь; прошлое – здесь и там. Выявленная в междисциплинарных исследованиях онтологическая общность структур «памятования» природы и общества позволила придать категориальному статусу исторической памяти характер фундаментальности. В рамках этого статуса уточняется определение исторической памяти как актуализированного действия в продлении социального бытия.

3. Методологические ресурсы исторической памяти – это совокупность теоретических установок, которые, не абсолютизируя правомерность существования только одной исследовательской позиции, допускают равноценность инвариантных трактовок исторического прошлого и способов работы с ним. Проведённый анализ методологического ресурса исторической памяти продемонстрировал его способность адаптировать категориальный инструментарий к исследованию социокультурных трансформаций и роли исторической памяти в этих процессах. С помощью категориального ряда *процесс – состояние – свойство* артикулируются исторические пласты исторической памяти, а также выявляется специфика взаи-

модействия памяти и забвения через призму социальных изменений. Использование категорий *общее – особенное – единичное* усиливает потенциал методологического ресурса исторической памяти в обосновании когнитивных границ между различными видами памяти. Для социально-философского осмысления «феномена избирательности» исторической памяти используется операционный опыт концептов, с помощью которых исследуется смысловое разнообразие исторических сюжетов и образов, а также причины «экзистенциального ухода» людей от своего прошлого.

4. Классификационная структура есть эффективный способ работы с исторической памятью. С помощью измерительных единиц классификации – таксонов (ячеек памяти) можно регламентировать взаимодействия между различными видами памяти (социальной, исторической, культурной и т. п.) и статусными местами. Статусное место определяет содержание конкретного вида памяти и её ресурсный потенциал. В ячейках классификации накапливается опыт исторической памяти по освоению предметной, научной и художественной форм деятельности исторического прошлого, который актуализируется в настоящем. Классификационная структура исторической памяти не только организует процедуры интерпретаций, конструирования и реконструирования исторических событий, но параллельно формирует новые методологические стандарты работы с прошлым. Например, при исследовании содержания функционала интернет-памяти активно используется методология акторно-сетевой теории. Необходимо учитывать, что новые нормативы не полностью отрицают накопленную теоретическую базу работы с прошлым, но на первый план выдвигаются те методологические «опции», которые рефлексивно не осмысляют, а лишь описывают опыт переживаний прошлого. В результате классификационная структура исторической памяти пополняется новыми таксонами, в ячейках которых формируются новые виды памяти: постпамять, интернет-память, библиотечная память и т. д. Анализ взаимосвязи между традиционными и новыми ячейками исторической памяти можно осуществлять с помощью системы категорий, которые охватывают сущностные признаки бытия в разных его контекстах.

5. Ценностное отношение к миру предполагает освоение прошлого через оптику смыслообразующих ориентиров. Система этих ориентиров, коррелируя соотношение объекта и ценности, выступает ценностным основанием исторической памяти. Ценностное основание исторической памяти позволяет ей активизировать свою избирательность в актуализации исторических событий. В рамках социального пространства и времени ценностные измерения исторической памяти регистрируют ранговую значимость всего спектра взаимодействия ценности и исторической памяти в разных контекстах. В контексте социального бытия ценность жизни оправдывается существованием исторической памяти, а историческая память, в свою очередь, сама становится ценностью жизни. В процессе развития общества сами формы репрезентации исторической памяти выступают в качестве разнообразных ценностей. Исторический факт является ценностью исторического познания, позитивный миф выступает ценностью политического и государственного управления, а с помощью художественных образов историческая память формирует ценностное отношение к конкретным историческим событиям и персоналиям. Современные трансформации общества изменили не только трансцендентные статусы бытия, такие как жизнь, смерть, время и т. д., но и саму нормативную систему ценностей, которая пропагандирует значимость любительского опыта сетевых акторов в личностных трактовках истории.

Теоретическая и практическая значимость исследования. В теоретико-методологическом плане исследовательская проблематика социально-онтологических и ценностных оснований исторической памяти расширяет исследовательское поле исторической памяти как социального феномена, что вносит существенный вклад в разработку общей теории памяти.

В практическом плане основные положения диссертационного исследования могут быть использованы при разработке практик мифологической безопасности государства, особенно при планировании и организации воспитания молодежи в духе патриотизма, уважения к традициям и историческому наследию, где ценностные основания исторических событий, преемственность поколений, сохранение

традиций формируют самосознание молодого человека. Знать, понимать, приобщаться – необходимые составляющие сохранения исторической памяти.

Отдельные положения и выводы диссертации могут быть использованы при составлении материалов для лекционных и семинарских занятий по социальной философии.

Степень достоверности и апробация диссертационного исследования. Достоверность результатов диссертационного исследования определяется комплексным анализом большого числа философских, психологических, социологических, естественнонаучных концепций исторической памяти; соответствием достигнутых результатов известным философским и научным представлениям; логичностью и непротиворечивостью полученных в исследовании выводов.

Основные положения и выводы, полученные в ходе работы над диссертационным исследованием, представлены в выступлениях автора на заседаниях кафедры философии Самарского государственного технического университета. По содержанию исследования автором сделаны доклады и научные сообщения, представлены тезисы выступлений на региональных, общероссийских и международных научных конференциях: Российская научно-практическая конференция «Философия современности: от постмодернизма к...?» (Самара, 4–5 июня 2015 г.); VII Российский философский конгресс «Философия. Толерантность. Глобализация. Восток и Запад – диалог мировоззрений» (Уфа, 6–15 октября 2015 г.); Международная научная конференция «Историческая память: символические ресурсы и цивилизационные риски» (Саратов, 20 мая 2016 г.); Всероссийская научно-практическая конференция «Кинематограф и философия: в ознаменование года кино в России» (Самара, 2–3 июня 2016 г.); Всероссийская научная конференция «Человек во времени: философский и естественнонаучный аспекты» (Самара, 18–19 мая 2017 г.); Всероссийская научная конференция «Историческая память: травмы прошлого, противоречия настоящего, перспективы будущего» (Саратов, 19 мая 2018 г.); Всероссийская научная конференция с международным участием «История. Семиотика. Культура», посвящённая 250-летию Ф. Шлейермахера (Самара, 23–24 ноября 2018 г.); Всероссийская научно-практическая конференция молодых

учёных «Социальная онтология культуры» (Саратов, 28 ноября 2018 г.). По теме диссертации опубликовано 13 научных работ общим объёмом 4,1 п.л., в том числе пять статей, которые входят в «Перечень российских рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание учёных степеней доктора и кандидата наук».

Структура работы. Диссертационное исследование состоит из введения, двух глав (пяти параграфов), заключения, списка литературы.

Глава 1. Проблема социально-онтологических измерений исторической памяти

§1. Экспликация социально-онтологических оснований исторической памяти в философском дискурсе

Для обоснования методологических подходов, в рамках которых будет эксплицироваться дискурсивная проблематика социально-онтологических оснований исторической памяти, необходимо обозначить общие правила работы со всем имеющимся массивом историко-философского наследия по исторической памяти. Во-первых, необходимо учитывать весь совокупный контекст социальной жизни, который скрыто присутствует в каждом образе и инструментарии исторической памяти. Во-вторых, историческая память, как феномен социального бытия не только пребывает в прошлом, но и существует в настоящем и будет существовать в будущем. Поэтому в аналитическом поле феномен исторической памяти и поиск её социально-онтологических оснований присутствует не только в границах гуманитарного знания, но и в проблематике междисциплинарных исследований. Данное обстоятельство значительно расширяет горизонты методологических подходов в анализе историко-философского дискурса исторической памяти и её социально-онтологических оснований. Историческая память не ограничивается рамками «большого исторического нарратива», не сводится к следам прошлого разнообразных знаковых систем. Содержание исторической памяти содержит и передаёт опыт предметной деятельности человека и способы эффективного взаимодействия сложных систем. Поэтому, существующие традиционные психологические подходы, в рамках которых исследуется историческая память, а также современную парадигму «большого исторического нарратива» необходимо дополнить комплексным подходом. При использовании этого подхода появляются ресурсные возможности междисциплинарных исследований, что позволит изучать феномен исторической памяти не только с позиций многочисленных «образов прошлого».

Например, теория генно-культурной коэволюции⁵ значительно расширяет содержательные границы феномена исторической памяти. Учёный А.В. Суховерхов полагает, что анализ исторической памяти в рамках коэволюции придаст этому феномену онтологический статус. Это изменяет функционал памяти, память может работать в любых живых системах. Учёный полагает, что: «...процессы метаболизма, забота о потомстве, приготовление пищи, проведение сезонных аграрных работ, государственных и религиозных праздников, политических выборов, спортивных мероприятий не только основаны на памяти, но и сами являются живой памятью и актуальной трансляцией памяти»⁶.

Предложенный методологический поворот в исследовании исторической памяти выявляет не только её жизненные основания как процесса актуализации, самопроизводства и саморазвития. В этом ракурсе историческая память выступает не только механическим отражением в «следах прошлого», а сложным процессом взаимодействия социальных форм жизни, влияющих на содержание и структуру исторической памяти. В контексте общества образы памяти существуют в надеждах, традициях, смыслах, эмоциях. Они включены и существуют в информационных процессах живых систем. При этом, необходимо учитывать влияние институционального функционала исторической памяти, миссия которого связана с ценностным отбором соотношения памяти и забвения с позиций геополитических интересов государства и политических групп.

На протяжении своего развития культура общества сформировала две основные темпоральные картины мира, в каждой отражалась специфика мировоззрения, ментальности и научной рациональности. На каждом этапе развития общества историческая память выступала интересантом актуализации темпорального процесса, в рамках которого регулировалось соотношение вечности и времени. Античная цивилизация через призму темпоральности фиксировала соотношение времени и вечности. Таким учёным, как Парменид, в этом алгоритме

---

⁵См.: Cycles of Contingency: Developmental systems and Evolution. Edited by Susan Oyama, Paul E. Griffiths and Russell D. Gray. Cambridge, MA: The MIT Press, 2001; Durham W.H. Coevolution: Genes, Culture and Human Diversity. Stanford, California: Stanford University Press, 1992.

⁶Суховерхов А.В. Общая теория биологической и социальной памяти: семиотический и процессуальный подходы // Научный журнал КубГАУ. 2011. № 74 (10). С. 2.

соотношение холода и тепла, света и тьмы включалось им в содержание памяти. Парменид включал меры бытия в структуру памяти. Он говорит, что «стоит только нарушить равновесие бытия, как память исчезает и начинает действовать забвение»⁷.

Структуру и содержание памяти исследовал Платон (Аристокл). Он включал память в физиологические структуры мозга. При этом, философ считает память рассматривает память специфической мыслительной формой деятельности человека. С её помощью организуется прошлое посредством разнообразных форм знания. В основном это относилось к мыслительным формам знания. В своём философском наследии Платон (Аристокл) рассуждает: «...чем мы мыслим – кровью, воздухом или огнём? Или же ни тем, ни другим и ни третьим, а это наш мозг вызывает чувство слуха и зрения, и обоняния, а из них возникает память и представление, а из памяти и представления, когда они приобретут устойчивость, возникает знание...»⁸.

Таким образом, в античной философии и медицине начинает формироваться функционал памяти как формы знания. Например, это встречается в трудах римского врача Галена(II в. н.э.) и других учёных – естествоиспытателей: Д. Гартли (1705–1757 гг.), Ш. Бонне (1720–1793) и др. Сегодня образ памяти как естественно-научного знания используется в истории науки и теориях системного процесса.

Другой знаковый мыслитель античности Пифагор не хранил знание, а хранил память⁹. Именно он включил память в структуру педагогического процесса: учитель – слово – ученик. Это был новый поворот в развитии теории памяти. Параллельно Платон и Парменид продолжают эксплицировать образ памяти-знание в процесс соотношения вечности и время. Они считают, что память-знание сохраняет вечность. Древние греки, как известно, не имели линейного понятия истории. Но, тем не менее, у героев античной мифологии всегда присутствовала метафизи-

---

⁷ См.: Парменид. Антология мировой философии. В 4 т. Т. 1. Философия древности и Средневековья. Ч. 1. Псевдо-Плутарх. Stom 5. М.: Мысль, 1969.

⁸ Платон. Философское наследие. Сочинения в 3 т. Т. 2. Федон. 96 в. М.: Мысль, 1970. С. 66.

⁹ Ломако О.М. Социальная память как делящаяся актуальность // Философия времени: онтологические начала и ценностные дискурсы: сб. научных трудов Всероссийской конференции VII «Аскинские чтения» / под ред. В.Б. Устьянцева. Саратов: КУБиК, 2017. С. 52.

ческая боязнь небытия¹⁰. Они прекрасно осознавали соотношение жизни и смерти. Это было зафиксировано античными философами. Многие известные герои античного мира, например, Ахилл, считал, что с помощью памяти он останется в вечности. Но Платон и Пифагор способ продления жизни во времени и метод воспитания души человека отождествляли с функционалом памяти. Платон рассуждает так: «...мало остаётся таких душ, у которых достаточно сильна память. Они всякий раз, когда увидят что-нибудь, подобное тому, что было там, бывают поражены и уже не владеют собою»¹¹. Далее философ рассматривает способы воспитания души человека. Письменный текст, по его мнению, является самым доступным для воспитания человека. Но Платон критикует этот способ, считая его мнимым. Он говорит, что « В душе научившись им, они вселяют забывчивость, так как будет лишена упражнения память: припоминать станут извне, доверяясь письму, но посторонним знакам, а не изнутри, сами собою. Стало быть, ты нашёл средства не для памяти, а для припоминания. Ты даёшь ученикам мнимую, а не истинную мудрость»¹².

Только созерцание Прекрасного, по мнению Платона, связано с формированием мудрой памяти. Платон говорит, что «...соединяя тело и душу в единстве красоты, мы оставляем бессмертную память... бессмертие – вот чего все жаждут»¹³.

Сделаем вывод, что в мировоззрении древних греков жизнь и бессмертие, время и вечность диалектически взаимодействуют.

Так как ментальные картины мира меняются, то только память сберегает всё то, что разрушает время. И в этом плане, память оберегает от забвения. Саратовский учёный Ломако О.М. обращает внимание на то, что у античных философов у памяти и забвения существует единая онтологическая платформа. Эту мысль Ло-

---

¹⁰ См.: Борисова Т.В., Анисимова С.Ю. Онтология концепта исторической памяти в философском дискурсе // Вестник Тверского университета. Серия: Философия. № 2. С. 66–76.

¹¹ Платон. Философское наследие. Сочинения в 3 т. Т. 2. Федр. 250 b. М.: Мысль, 1970. С. 186.

¹² Платон. Философское наследие. Сочинения в 3 т. Т. 2. Федр 275b. М.: Мысль, 1970. С. 216–217.

¹³ Платон. Философское наследие. Сочинения в 3 т. Т. 2. Пир 210 d-e. М.: Мысль, 1970. С. 141–142.

мако О.М. подтверждает словами, о том, что: «...это отразилось в их языке. Знание и память – одно слово *мнемэ*. Поэтому богиню памяти зовут Мнемозина»¹⁴.

Аристотель продолжает исследовать феномен памяти, делает попытку её систематизации. Память он включает в когнитивные структуры человека, работа которых заключается в том, чтобы соотносить разум и предметы внешнего мира. Философ считает, что «...Память же, в том числе и о мыслимом, не может обойтись без представления, представление же есть состояние общего чувства, так что уму память будет свойственна по совпадению... какой части души принадлежит память, ясно: той, которой и воображение. И предметами памяти в собственном смысле являются те, которые можно вообразить, а уже по совпадению – те, которые не связаны с воображением»¹⁵.

Философы античного мира изучают память через призму темпоральной картины мира. При этом, знаменитый Аристотель (Стагирит) актуализирует репрезентацию памяти как знания. С помощью памяти–знания осуществляется и продолжается собственный процесс познания мира. В процессе познания мира память в форме знания о настоящем обращается к прошлому и выходит на будущее. Аристотель (Стагирит) считает, что «...если же мы приобретаем способность (познание) не имея их раньше, то как мы можем познавать... не имея предшествующего знания»¹⁶.

Аристотель считает, что память во временном фокусе объединяет историю и поэзию: «Ибо историк и поэт различаются не тем, что один пишет стихами, а другой прозой... различаются они тем, что один говорит о том, что было, а другой – о том, что могло бы быть»¹⁷ – утверждает философ. Аристотель делает интересный вывод о том, что поэзия ближе к истории, чем история к философии, т.к. поэзия схватывает общее, а история единичное. Вывод, сделанный Аристотелем, сделал проблематику исторической памяти как важную в историческом познании.

---

¹⁴Ломако О.М. Социальная память как делящаяся актуальность. С. 51.

¹⁵Аристотель. О памяти и воображении / пер. С.В. Месяц // Вопросы философии. 2004. № 7. С. 162.

¹⁶Аристотель. Вторая аналитика. Книга вторая. Глава девятнадцатая. Познание начал. 99 b. 25. Сочинения в 4 т. Т. 2. М.: Мысль, 1978. С. 345.

¹⁷Аристотель. Сочинения в 4 т. Т. 4. Поэтика. М.: Мысль, 1984. С. 665.

В психологическом аспекте о памяти высказывался философ Плотин, который в своём трактате «Об ощущении и памяти»¹⁸ говорил о роли ощущений в процессах памяти.

В целом, античные философы внесли большой вклад в развитие общей теории памяти. Они рассматривали память не только как транслятор при передаче знания, но и как актуализатор в процессе развития различных видов знания. Они стояли у истоков традиции междисциплинарности.

Выскажем предположение, что античные философы память рассматривали не только в рамках философских теорий, но считали её формой жизнедеятельности древнегреческого полиса. Они представляли память фрагментом социального организма. С помощью памяти транслируются хронотипы хозяйственной деятельности через попытки осмыслить свою судьбу. Так в своей статье Анисимова С.Ю. отмечает, что «... знаменитый Фукидид в своих трудах актуализирует циклический характер времени, полагая, что события прошлого в том или ином виде повторяются в будущем. Другой историограф – Полибий обращает внимание на связь исторической памяти с судьбой человека, он утверждает, что знания прошлого способны примирить нас с собственной судьбой. Другой историограф Плутарх тематизирует воспитательную функцию исторической памяти. «История» Геродота дает начало новой функции исторической памяти – функции формирования идентичности: память делает нас теми, кто мы есть»¹⁹.

Можно сделать вывод о том, что античная философская мысль внесла существенный вклад в разработку общей теории памяти. Они сумели разработать схемы памяти и соотнести их с образами знания. Они включили процесс сопоставления памяти с образами знания в темпоральную картину мира вечности и времени, что в последствие, вывело учёных на анализ возможностей и стандартов классической рациональности. В целом, исследования античных философов выводят на поиски онтологических оснований исторической памяти.

---

¹⁸См.: Плотин. Об ощущении и памяти / пер. Д.В. Бугай // Вопросы философии. 2004. № 7. С. 169–173.

¹⁹ Анисимова С.Ю. Историческая память в историографии античной Греции: философский анализ взаимодействия // Аспирантский вестник Поволжья. 2015. № 3–4. С. 13–17.

В средневековой философии тематика исторической памяти рассматривается в рамках вечности, которая отождествляется со временем Бога. В средневековой картине мира время Бога было разорвано грехопадением человека. Поэтому, в рамках «земного града» присутствовало физическое время и время природы, которое определялось земными хронологическими ориентирами: аграрные циклы, власть, религиозная жизнь. В повседневной жизни средневекового человека присутствовало время церковного колокола, время хозяйственной деятельности, время рыцарских турниров. Поэтому память определяла хронологическую последовательность действий и событий. Например, память крестьянина хранила последовательность сельской жизни: трудовые будни и праздники. Память рыцаря хранила сцены военных походов, светской жизни с любовными похождениями и рыцарскими турнирами. Память священника хранила правила церковной жизни и сценарии вечной битвы добра и зла. При этом память священника охраняла средневекового человека от желаний плоти, высокомерия и гордыни – всё то, чем искушал человека Дьявол.

Жан Ле Гофф, французский историк, обращал внимание на то, что «...мера времени оставалась в течение большей части Средневековья достоянием власти верхов. Народные массы не владели собственным временем и были неспособны определять его... Время было ставкой в борьбе...»²⁰.

Сделаем предположение, что философская мысль средних веков конструировала генеалогическую память рода в структуру политической власти. Известно, что важной чертой средневековой картины мира было деление бытия на два уровня: уровень Земной жизни, которая была греховной, и уровень Божественной жизни, которая была правильная и идеальная. В рамках этой модели постепенно формируется двойственное измерение памяти. С одной стороны, память сохраняет и транслирует то, что было в прошлом: тексты, памятники культуры, искусство и т.д. С другой стороны, память начинает измерять настоящее, а главное, судьбу будущего мира, правда, в рамках Божественного замысла. Память расширяет свой функционал: она запоминает, реализует, прогнозирует. И в этом смысле можно

---

²⁰ Ле Гофф Ж. Цивилизация средневекового Запада. С. 167.

сделать предположение, что в отличие от античного мира, память становится реально исторической: она расширяет горизонты темпоральности и сознание самого человека. Об этом говорит Августин: «...Правильнее было бы, пожалуй, говорить так: есть три времени – настоящее прошедшего, настоящее настоящего и настоящее будущего... настоящее прошедшего – это память; настоящее настоящего – его непосредственное созерцание; настоящее будущего – его ожидание»²¹.

Выскажем предположение, что в двойственной темпоральности средневековой картины мира закладывается иное измерение памяти, которое не связывает память с прошлыми событиями, контекст которых память выявляет через истолкование символов и письменности культуры. Через память человек постепенно осознаёт себя участником истории, которая позволяет ему включиться в неё и осознать своё участие в ней. Таким образом, память приобретает экзистенциальный смысл, посредством измерения прошлого, настоящего и будущего. Память становится действительно исторической, она не только отражает прошлое, но и включает человеческую деятельность в процесс временной темпоральности. Его идеи развивали другие средневековые философы, например, Фома Аквинский.

Сделаем выводы. В средневековой жизни память усиливает своё содержание: она выводит божественное творение на траекторию взаимосвязи прошлого с настоящим и будущим. В земной жизни историческая память начинает хранить и передавать схему опыта поколений, организует непрерывность и стабильность деятельности человека, закрепляет её стандарты.

Выскажем предположение, что появляется новая платформа исторической памяти – онтология однотипных схем практической деятельности человека. Это онтологическое основание исторической памяти сосуществует с её темпоральной процессуальностью. В позднем Средневековье «новая онтология» исторической памяти конкретно проявлялась в разнообразных процедурах обобщения «...стабильности, традиционности, повторяемости»²². Эти алгоритмы обобщения

---

²¹Августин. Исповедь. Кн. XI, гл. 27 // Творения Божественного Августина, пер. с лат. 2.1. Изд. 2. Киев, 1901.

²²Гуревич А.Я. Категории средневековой культуры. М.: Искусство, 1972. С. 138.

позволяют сформировать стандартные образцы для любых видов деятельности – материальной и духовной.

Высказанную позицию необходимо объяснить. Наглядно процесс онтологизации стандартов и норм деятельности прослеживается в рамках истории техники. В процессе исторического развития было выяснено, что для эффективного развития технологий необходимо использовать так называемую «техническую схему», придающую процессу производства технических объектов характер устойчивой стандартизации, алгоритмы которой используются для дальнейшего продолжения рабочих циклов. Без существования технической схемы процесс производства невозможно развивать дальше. В результате «техносхема» становится автономной и начинает претендовать на характеристику бытия в качестве необходимой основы технологических процессов. В этих условиях историческая память получает возможность сравнивать технологические циклы, проводить параллели между ними, способствовать их творческим изменениям. Например, технологическая схема производства таблеток (римских табличек из воска) заложила основу для развития технологии ксерокопирования, а также эта схема используется при разработке карманных компьютеров и портативных машин семейства Tablet P.S.²³

Известно, что в период Нового времени произошёл важный социальный процесс: интересы общества и зарождающегося класса предпринимателей (буржуазии) совпал. Это дало толчок развитию науке, технике и философии. Начался процесс развития массового производства товаров и вещей. Массовое производство требовало развития дальнейших процедур стандартизации и нормирования алгоритмов деятельности человека. Поэтому платформа онтологизации стандартов деятельности, начатая в эпоху Средних веков, продолжала расширяться.

Параллельно, философская мысль нового времени продолжала разрабатывать идею античных философов о том, что память развивается и презентует себя в форме знания. Теперь, в условиях эпохи Нового времени, функционал трансляции памяти действовал не в рамках Божественного замысла, а в рамках конкретной жизни человека и природных, сельскохозяйственных циклов. Подчеркнём,

---

²³ См. подробнее: Надеждин Н.Я. История науки и техники. Ростов н/Д: Феникс, 2006. – С. 22–27.

что эпоха Нового времени продолжила процесс онтологизации стандартов деятельности человека. Стандартизация деятельности соответствовала целям класса предпринимателей, которые были заинтересованы в развитии науки и техники. Успехи математики и механики ещё в эпоху Возрождения обосновали идею взаимосвязь природы и разума человека, что способствовало формированию целостной картины мира. В этих условиях становится необходимым уточнить новые границы и функционал памяти как организатора и классификатора научных знаний. Известный философ Нового времени Френсис Бэкон классифицирует знания по разным основаниям. Он классифицирует знание: «... на науки разума – «философия», или «чистая наука», науки памяти – «история» и науки воображения – «поэтика»²⁴. Философ считает, что история и память имеют общее основание. И, поэтому, Ф. Бэкон рассматривает память в инструментальном аспекте: память планирует и организует деятельность человека. «История, – подчёркивает он, – ...собственно говоря, имеет дело с индивидуумами, которые рассматриваются в определённых условиях места и времени»²⁵.

Подход, предложенный Ф. Бэконом, соответствовал запросам эпохи Нового времени, так как предлагал измерять вектор темпоральности не сценарием Бога или циклом природы, а стандартами тех видов деятельности, которые направлены на развитие науки и техники. Поэтому время стало измеряться часовыми механизмами. Время часов фиксировало точный этап суток, что повышало значимость личного времени в планировании деятельности человека и способствовало согласованию своих действий с действиями другого человека. Выскажем предположение, что Ф. Бэкон тематизирует новый аспект памяти, её инструментальность, которая помогает получить новое знание. При этом письмо и запоминание как средство памяти Ф. Бэкон оценивал не очень высоко. Об этом он пишет в работе «О достоинстве и приумножении наук»²⁶. В этой же работе Ф. Бэкон предварительное знание и эмблемы включает в функционал памяти. Он подчёркивает,

---

²⁴ Бэкон Ф. О достоинстве и приумножении наук. Кн. Вторая. Посвящение королю. Гл. I. Соч. в 2 т. М.: Мысль, 1971. Т. 1. С. 156.

²⁵ Бэкон Ф. О достоинстве и приумножении наук. С. 156.

²⁶ Бэкон Ф. О достоинстве и приумножении наук. Кн. вторая. Посвящение королю. Гл. I. Соч. в 2 т. М.: Мысль, 1971. Т. 1. С. 326–329.

что «предварительным знанием (praenotio) мы называем своего рода ограничение бесконечности исследования; ведь когда мы пытаемся вызвать в памяти что-то, не обладая при этом никаким представлением о том, что мы ищем, то такого рода поиски требуют огромного труда и ум не может найти правильного направления исследования, блуждая в бесконечном пространстве. Но если ум обладает каким-то определённым предварительным знанием, то тем самым бесконечность немедленно обрывается и память действует уже на более знакомом и ограниченном пространстве, что напоминает охоту на лань в ограде парка. По этой же причине беспорную помощь памяти оказывает и порядок. Ибо в этом случае существует предварительное знание того, что предмет нашего исследования должен отвечать данному порядку»²⁷. При этом Ф. Бэкон оценивает предварительное знание как первый этап формирования искусственной памяти: «...предварительное знание является первым элементом искусственной памяти. Ведь в искусственной памяти мы обладаем определёнными местами, уже заранее подготовленными и приведёнными в систему... эмблема (чувственный образ. – выделено мною) формируется мгновенно, в соответствии с обстоятельствами»²⁸.

С точки зрения другого философа Рене Декарта, память приобретает инструментальный характер. Память может приводить в порядок измерительные единицы и геометрические фигуры. Философ считает: «...бесчисленные измерения... важно сохранять в памяти... таким образом, чтобы они легко представились всякий раз, когда в них будет нужда. По-видимому, для этой цели природа и создала память»²⁹.

Сделаем вывод, что Ф. Бэкон и Р. Декарт актуализируют именно функционал памяти как инструмента, способного включать определённые процедуры классификации знания по соответствующим основаниям. Определяется порядок и место предварительного знания и чувственных образов.

---

²⁷ Бэкон Ф. О достоинстве и приумножении наук. С. 328–329.

²⁸ Бэкон Ф. О достоинстве и приумножении наук. Кн. вторая. Посвящение королю. Гл. I. Соч. в 2 т. М.: Мысль, 1971. Т. 1. С. 329.

²⁹ Декарт Р. Правила для руководства ума. Правила XVI / пер. с фр. М.: Политическая литература, 1950. С. 156–157.

Подчёркивая инструментальную роль памяти, Ф. Бэкон пишет: «В естественной истории рассматриваются явления и факты природы, в гражданской – деятельность людей. Естественная история – это история природы... её исключительных явлений... взаимоотношений природы и человека»³⁰. Таким образом, Бэкон впервые разделил историю на историю природы и историю общества. К их мнению присоединяется Томас Гоббс, который пишет, что «имеются два рода знания, из которых первое есть знание факта... Первый ряд знания есть не что иное, как... память, является абсолютным знанием, например, когда мы наблюдаем совершившийся факт, или вспоминаем, что он совершился... Запись знания факта называется историей, которая имеет два вида: один называется естественной историей и является... явлением природы... другой называется гражданской историей и является историей произвольных действий людей в государстве»³¹.

Таким образом, в идеях философов Нового времени высказывается интересная мысль, что природа имеет свою историю, а вместе с ней, и свою память. Содержательный функционал памяти расширяется. Память не только транслирует историю общества, но и транслирует историю развития знания о природе.

Обобщая результаты философской мысли Нового времени по проблематике памяти, сделаем выводы. Первое: роль памяти, как феномена социального бытия, усилилась в инструментальном аспекте. Второе: была окончательно сформулирована новая онтологическая составляющая исторической памяти – процедурность и стандартизация предметных и духовных видов деятельности, которые играли большую роль в развитии науки и техники. Третье: была актуализирована идея о связи памяти природы и общества в формах научного знания, что сыграло важную роль в развитии общей теории памяти.

Таким образом, философы-классики Античности, Средневековья и Нового времени рассматривают историческую память в контексте социальной системы, а значит, выводят её на уровень социального бытия. Поэтому появилась возможность концептуализировать память на различных уровнях: социально-

---

³⁰ Бэкон Ф. О достоинстве и приумножении наук. С. 158–159.

³¹ Гоббс Т. Избранные произведения в 2 т. Т. 2. Левиафан или материя, форма и власть государства церковного и гражданского. Гл. IX. О различных предметах знания. М.: Мысль, 1964. С. 113.

онтологическом, гносеологическом и экзистенциальном. При концептуализации феномена памяти на этих уровнях учёному необходимо учитывать влияние различных теоретических схем, существующих в социальной философии и влияющих на конечный результат по изучению исторической памяти.

По мере дальнейшей индустриализации общественной жизни границы несогласованности между заданными стандартами и нормами производства и стремлением отдельных субъектов самостоятельно форматировать рамки своего поведения и приспосабливать схемы классического знания к индивидуальным проектам – всё больше расширяются. Происходит ценностно-эпистемологический сдвиг в сторону новой субъективности. Её задачи больше не связаны со стремлением выстраивать формы жизнедеятельности по ранжированной субординации, в основание которой была заложена трансцендентная схематика истории как всеобщего, единого процесса. История выстраивается теперь как вариативность разных способов культурного освоения мира: религиозного, художественного, морального, научного и повседневного. Системы наук активно завоёвывают независимый статус в своих притязаниях на разработку индивидуальной картины мира. В результате бытие мира и культуры стало конструироваться, по меткому замечанию А. Моля, мозаично и фрагментарно, а система образования корреспондируется не знанием, а средствами массовой информации³². В познавательной деятельности образцы классического знания утрачивают привилегированное положение. Они больше не соответствуют «заказам» новой субъективной рациональности. Эпистемологическая активность субъективной рациональности определяется теперь не онтологическим основанием процессуальности, а смещается в сторону фрагментации действительности, которая познаётся в рамках сформированного нового интуитивистско-экзистенциального подхода. В его пределах динамика бытия трактуется не как естественно-исторический процесс, а как процесс актуализации самостановления человека. Поэтому проблематика исторического процесса как детерминация закономерности и случайности трансформируется в проблематику становления человека в потоке его переживаний и вечного возвращения того

---

³²См.: Моль А. Социодинамика культуры / пер. с фр. М.: Прогресс, 1973. С. 43–50.

же самого. Наиболее чётко содержание новой субъективной рациональности почувствовал Ф. Ницше, который писал, что «...человек удивляется... самому себе, тому, что он не может научиться забвению; как бы далеко и как бы быстро он ни бежал... не чудо ли, что мгновение, которое столь же быстролётно появляется, как и исчезает, которое возникает из ничего и превращается в ничто, что это мгновение тем не менее возвращается снова, как призрак, и нарушает покой другого, позднейшего мгновения... человек снова перестаёт быть человеком... всякий деятель чужд знанию, он забывает всё остальное, что достигнуто... он несправедлив к тому, что лежит позади его, и знает только одно право – право того, что в данную минуту должно совершиться... он видит спасение не в процессе, а в каждом отдельном мгновении...»³³. Исключив себя из процесса, человек, по мнению Ф. Ницше, отличается от животного тем, что сохраняет знание, что такое вчера и сегодня. Но в конечном итоге человек всё равно приходит к трагическому результату, о котором говорит Ф. Ницше: «...прошлое и настоящее – это одно и то же... одинаковое постоянное повторение... неподвижных образов неизменных ценностей и вечно одинакового значения»³⁴. Но так хочется уйти за горизонт! И сверхчеловек Ф. Ницше, эта деятельная натура, устремляется в будущее, желая встать «по ту сторону добра и зла». Но его память продолжает неумоимо вращаться «...всё в том же круге»³⁵. Чтобы наконец-то исполнить предназначение «яркого величия», память должна, как считает Ф. Ницше, сохранять минувший момент жизни в монументальной истории произведений и творений, синтезируя в них черты и образы прошлого. Начинает формироваться традиция монументалистики памятников и мемориалов. В её рамках память параметрирует пространственные характеристики, что позволило гносеологии заложить основу для исследования экзистенциальных характеристик памяти. Методологический ракурс этого процесса положил начало существованию онтологии не только времени, но

---

³³ Ницше Ф. Сочинения в 2 т. Т. 1. О пользе и вреде истории для жизни. М.: Мысль, 1990. С. 161, 164–167.

³⁴ Там же. С. 167.

³⁵ Там же. С. 165.

и пространственных оснований памяти. В пространственном измерении память ламинирует смысловые топосы истории.

Но аналитическая линия исследования онтологических оснований памяти в ракурсе темпоральности не исчезает и находит своё продолжение в контекстах феноменологической субъективной рациональности. Философский феноменологический дискурс в соответствии с собственными установками «помещает» память в структуру интенционального сознания. Интенционально двигаясь от знака к памяти, от впечатления к объекту, память в своём «интерсубъективном» напряжении актуализированно разводит в разные стороны бытия позиции: то, в чём мы живём, и то, о чём мы знаем. Память в собственной интенции охватывает настоящее, прошлое и будущее относительно любой точки, любого момента «личного времени», взаимоувязывая разные пласты внутренней бытийности. В соотносительности первичного пласта памяти (ретенция – «удержание памяти») и вторичного пласта (репродукция – «воспроизведение в памяти») память субъекта организует и упорядочивает направленность протенции – устремлённость в будущее. Э. Гуссерль пишет, что: «...к «впечатлению» присоединяется первичная память, или, как мы говорили, ретенция... Мы назвали первичную память, или ретенцию, хвостом кометы, который присоединяется к каждому восприятию. От этого строго нужно отделять вторичную память, воспоминания. После того как первичная память исчезла, может появиться новая память этого движения, этой мелодии...»³⁶.

Таким образом, результатом интенционального усилия памяти является удержание точек соприкосновения смысла и реальности в рамках личного времени субъекта. В целом феноменологическая программа Э. Гуссерля тематизировала разнообразие способов представления прошлого в ракурсе внутреннего сознания темпоральности субъекта.

Включившись в интенциональные структуры сознания, примерив на себя одежды трансцендентальной субъективности, память стала претендовать на само-

---

³⁶ Гуссерль Э. Лекция по феноменологии внутреннего сознания. Собр. соч. Т. 1. Феноменология внутреннего сознания времени. М.: Гнозис, 1994. С. 32, 33–38.

стоятельную роль в конституировании интенциональных объектов³⁷. Правда, память в своих притязаниях оказалась неспособной «вспомнить» о том, что может напомнить объективное время.³⁸

Отметим, что программа экзистенциальной аналитики М. Хайдеггера пошла по другому пути, отказавшись решать проблему временности на языке сознания. Когнитивные путешествия хайдеггеровского Dasein (здесь: бытие) по лабиринтам «бытия в мире» вывели на анализ онтологического способа бытия как «экзистенциальной предструктуры понимания». Горизонты экзистенциалов варьировали между жизнью и смертью целостность сущего. Поэтому история, по мнению М. Хайдеггера, есть процесс свершения, в котором прошедшее обладает бытием, совмещённым с настоящим, и само передаётся, переходит в будущее³⁹. Память в данном процессе «делает эпоху» – она в настоящем определяет будущее. Таким образом, память выводится на уровень экзистенции «возможного», где сущее сводится к «уже – былому», к тому, что оно уже способно быть.

Суммируем сюжетность «новой рациональной субъективности» рефлексивным выводом. Новая рациональная субъективность вынесла на повестку дня проблематику фрагментарности мира, лишённого устойчивых измерений и соответствий. Она не только критически отнеслась к классическим типам философствования, в рамках которых история бытия понимается как процесс, развёртывающийся во времени. Соответственно, роль памяти в этом процессе заключается не только в актуализации транслирования и воспроизведения прошлого, но и в педагогизации онтологизации человеческих ресурсов. Этими ресурсами выступают экзистенциалы индивидуальной реализации человеком ритмики и профессиональной стандартизации деятельности. Память в заданном контексте выступает не в качестве временного процессуала, а в качестве действия, аккумулирующего

---

³⁷См.: Слинин Я.А. Трансцендентальный субъект. Феноменологическое исследование. СПб.: Наука, 2001. С. 137–191.

³⁸См.: Дёмин И.В. Реальность исторического прошлого как онтологическая проблема: автореф. дисс. ... канд. филос. наук: 09.00.11 / Дёмин Илья Вячеславович. Самара, 2008. С. 11–26.

³⁹Хайдеггер М. Бытие и время / пер. с нем. В.В. Бибихина. Харьков: Фолио, 2003.

в себе энергию, которая направлена на реализацию intersubъективных возможностей человека.

При анализе дальнейших перспектив ресурсных возможностей исторической памяти в ситуации фрагментарного мира заострим внимание на характеристиках амбивалентной сущности этого мира. С одной стороны, фрагментация мира – это бренд масштабированной хаотичности. В её пространстве, как верно заметил М. Фуко, история перестаёт служить антропологии, и ее задача сводится к описанию ситуации фрагмента, к которому принадлежит человек. Если прежде «памятник был носителем информации о прошлом, то теперь любой документ – есть состоявшаяся и устоявшаяся самооценочность. Теперь историк описывает мир памятников как самооценочную данность. В итоге место единой мировой истории занимает множество различных историй, а когнитивно-теоретическим мемом исторического процесса становится понятие прерывности». Интересом историка, с точки зрения М. Фуко, является разведение «...границ того или иного процесса, точек изломов, нарушений привычного хода вещей, амплитуды колебаний, порогов функционирования, разрывов причинно-следственных связей...»⁴⁰. В рамках парадигмальной установки отсутствия единой истории человек оказывается беспомощным перед бытием чуждых, неподвластных ему других историй. И память в этой ситуации способна лишь «...к рассеиванию принципов, смыслов, духа, видения мира...»⁴¹ через призму повседневности. В сферах повседневности коммуницируют варианты различных интерпретаций, конечные продукты которых могут сильно отличаться от первоначальных замыслов целеполагания, принципов, картин мира и т. д. В итоге появляются «ансамбли» новых историй и биографий. Далее образованные «новоязы» по цепочке могут существовать друг с другом как синхронно, так и диахронно – сменяя друг друга, выстраивая иллюзорные трактовки истории. Здесь историческая память способна лишь обнаруживать «разрыв» между культурами, каждая из которых претендует на собственный образ мира. В методологическом плане новый статус исторической памяти определялся структуралистскими

---

⁴⁰Фуко М. Археология знания. Киев: Ника-Центр, 1996. С. 15–16.

⁴¹Там же. С. 13.

и постструктуралистскими установками, которые переформатировали исследовательские усилия на анализ топосов (мест) исторической памяти. Классическая проблематика единой пространственной процессуальности исторической памяти отодвигается на задний план. В итоге теоретическое поле памяти стало заполняться множеством сюжетов, посвящённых *memory studies*, начало которым положила известная классическая работа Б. Гене «История и историческая культура средневековья Запада»⁴² и не менее знаменитый проект Пьера Нора⁴³.

Но мозаичность культурного топоса ещё позволяет «держат» формат единого пространства (хотя бы в рамках фрагмента), в котором идентичность субъекта, как личного, так и коллективного, подтверждается «...постоянно возобновляемой способностью вырабатывать и воспроизводить модели взаимодействия с Другим»⁴⁴ – семьёй, родом, нацией, группой и т. д. Это позволило Морису Хальбваксу в рамках онтологического структурализма легитимировать концепт «историческая память», который коммуницирует горизонты мысли и опыта устойчивыми измерениями коллективного времени и пространства⁴⁵. При этом коллективная память акцентирует свой функционал на реконструкцию национальных событий (содержащих уникальные факты) в соответствии с запросами социальных групп и государства. А индивидуальная автобиографическая память конструирует представления «Я – Прошлое» зачастую в отрыве от реальных исторических событий, но при этом использует позитивные ресурсы прошлого, чтобы не ощущать свою потерянность в современном мире.

В постиндустриальном обществе, существенными признаками которого являются техника, технологии, информация, произошло трансформационное смещение «временных структур мира». Природные процессы и явления замещаются техно-искусственными. Например, с помощью артефактов техносферы изменяются суточные границы дня и ночи. Благодаря компьютерным технологиям человек,

---

⁴² Гене Б. История и историческая культура средневекового Запада. М.: Языки славянской культуры, 2002.

⁴³ Нора П. Франция-память. СПб.: Изд-во С.-Петербург. ун-та, 1999.

⁴⁴ Кемеров В.Е. Классическая, неклассическая, постклассическая. Социальная философия. Словарь. М.: Академический проект, 2002. С. 203.

⁴⁵ Хальбвакс М. Коллективная и историческая память [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://magazines.russ.ru/nz/2005/2ha2.html>, дата обращения 20.05.17.

наконец, осуществляет заветную мечту управления пространственными и временными характеристиками бытия, правда, ещё только в сетевом варианте. Сеть способна изменять любые пространственно-временные измерения. При этом цепь временной последовательности теряет свою линейную направленность, что позволяет играть с точками пространства и времени, разрывая при этом цепь временной последовательности, игнорируя объективные характеристики времени. В этих условиях границы начала и конца личного «Я – Сам» размываются: человек уже не субъект истории – он допускается в историю как продукт дискурсионных интерпретаций или как узелок в сплетении «хорошо согласованной сборки»⁴⁶ текстов, репортажей с мест событий, ток-шоу, круглых столов и т. д.

Теперь онтологизация деятельности как стандартизация алгоритмов процессов редуцируется «пересборкой социального действия»⁴⁷, в рамках которого любые объект или субъект могут выступить в качестве одного и того же актора и опосредовать действия друг друга. В результате подвижных согласований возникает некая интерактивная двойственность. С одной стороны, расслаивается суверенность человеческого Я в отношении Другого и Иного – тем самым размываются границы между внутренним миром и реальностью. С другой стороны, возникает абсолютизация суверенитета внутреннего мира личности, зачастую – иллюзорная.

Философская мысль постмодернизма отрефлексовала эту двойственность полной ликвидацией субъектно-объектных отношений в познании, которые хоть как-то позволяли сохранять иерархическую организованность категориального аппарата философии и предметность знания. Предпочтение стало отдаваться «призрачным», динамичным, операционным единицам познания, неким флуктуациям, каждая из которых «здесь и сейчас» отличается от других и выражает то же самое. В этом новом гносеологическом сценарии, стимулирующем исследователя не к анализу деятельных форм бытия, а к анализу действий «акторов», функционал мышления уже не выступает операционной техникой с понятиями, не отража-

---

⁴⁶См.: Латур Б. Переборка социального действия. Введение в акторно-сетевую теорию / пер. с англ. И. Полонской. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2014. С. 20.

⁴⁷Латур Б. Переборка социального действия. Введение в акторно-сетевую теорию. С.20

ет объективную реальность в сознании человека. Этот функционал лишь обеспечивает субстанциональное тождество мыслей и восприятия. Вполне естественно, что в рамках «новой гносеологии», названной гносеологическим структурализмом, была создана акторно-сетевая теория, в которой памяти отводилась роль «сетевой матрицы». В создании сетевой матрицы участвуют все акторы: люди и не-люди. При этом упраздняется когнитивная разница между коллективной и личной автобиографической памятью. По мнению Саратовского учёного Д.А. Аникина любой «...тип воспоминаний становится лишь одной из возможных траекторий отношения к прошлому... любое историческое событие трансформируется, если меняется сеть взаимоотношений»⁴⁸. В данном разрезе историческая память есть не процесс организации хранения и передачи опыта прошлого, а лишь функциональный манипулятор событиями прошлого в геополитических целях, сублиматор страхов, скрытых надежд, притязаний и амбиций. Наглядным подтверждением этому являются события на Украине и в США, связанные с «борьбой памятников». В целом отказ от субъектно-объектных отношений в теории социального познания и абсолютизация роли субъектно-субъектных связей в моделировании нужной реальности в духе акторно-сетевой схемы окончательно хоронит «в пространстве памяти дихотомию прошлого и настоящего»⁴⁹. При этом сводятся на нет как реконструкция любых объективных ситуаций прошлого в настоящем, так и релевантность эффективных форм их освоения.

Известно, что философия, выполняя критическую миссию, не только «схватывает» методологические ограничения, наложенные той или иной теорией, но и артикулирует достоинство, вынесенное на суд общественности концептуального сюжета. Поэтому согласимся с тем статусом «исторической памяти», что предлагает «новая методология» акторно-сетевой теории. Напомним, что пересборка действий акторов в сети сводится к непрерывному реформатированию границ между прошлым и настоящим с навязчивым тематизированием символи-

---

⁴⁸ Аникин Д.А. Динамика социальной памяти: сетевые основания [Электронный ресурс]. 2016. № 3, 4. С. 4–11. – Режим доступа: www.volsu.ru, DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu7>

⁴⁹ Аникин Д.А. Динамика социальной памяти: сетевые основания С. 7.

ческой структурности настоящего. Играя с исторической памятью в «культурном лаге» существующего сейчас, социальная память перестаёт вести диалог с прошлым Другим или Иным, а лишь коррелирует желаемую историчность внутри фрагмента сетевого взаимодействия. Например, сетевое взаимодействие позиционирует в обществе концепты гламура. Следуя «заказу сети», они формируют гламурные образы княгинь Древней Руси или индианок из племени апачи с распущенными, тщательно завитыми крутыми кольцами волосами и серебристым лаком на ногтях. Но эти образы – лишь представления о прошлом современников, живущих «сейчас – в настоящем», это проектирующие конструкции. Можно согласиться с данным результатом действия акторов в пересборке социального, но только в рамках сетевого, а не реального деятельного взаимодействия, так как в рамках сети любой объект рассеивается и представляется в действиях как коллективный, субъективный Абсолют. Но субъективная реальность коллективного Абсолюта не отменяет наличие прошлого как деятельной реальности, имеющей объективную основу существования. Логика онтологизации деятельности, содержащая процессуальный алгоритм объектно-субъектных и субъектно-объектных отношений, включает не только систему эвристических мемов воображения и фантазий. Процессуальная деятельность включает необходимость как самого формирования образов, так и создания режима функционирования этих образов, что предполагает наличие не только субъектов, но и объектов. Поэтому режим функционирования образов обеспечивается со-существованием в социальной системе объективной событийности прошлого, настоящего и будущего, а также соотносительностью с природными системами как объектами. Сюжетность этих направлений сегодня разрабатывается научными подходами синергетики, эволюционного универсализма, биологической и физиологической активности и т. д.⁵⁰ Эти подходы не только участвуют в формировании «новой постклассической парадигмы», ставящий онтологический заслон субъективному абсолютизму, но и выводят

---

⁵⁰См.: Cycles of Contingency: Developmental systems and Evolution. Edited by Susan Oyama, Paul E. Griffiths and Russell D. Gray. Cambridge, MA: The MIT Press, 2001.

проблематику исторической памяти в русло междисциплинарных исследований, в рамках которых уточняется её содержание и статус.

Суммируем сказанное в кратких выводах:

1. Историко-философский экскурс проблематики исторической памяти позволяет высказать предположение, что динамика философского дискурса исторической памяти скрывает определённые теоретико-методологические допущения. Известно, что история философии – это процесс развёртывания философского знания во времени. Рефлексивная стабильность этого процесса обеспечивается механизмом памяти, который, запуская процедуру воспроизводства философского знания, наделяет его статусом актуализатора изменений и трансформаций социального бытия. Трансформации социального бытия всегда историчны. Опыт историко-философского осмысления социального бытия в аспекте его прошлого и перспектив будущего возможен только в рамках исторического познания, где ресурсы исторической памяти выполняет гносеологическую функцию. Поэтому в рамках данного контекста правомерно понятие «память» эксплицировать коннотацией «историческая память» и использовать эти концепты как взаимозаменяющие.

2. Проведённая экспертиза историко-философского дискурса показала, что философская мысль актуализирует те онтологические основания памяти, которые определяют её содержание, статус и функционал на каждом конкретном этапе развития общества. К онтологическим основаниям исторической памяти относятся характеристики социального пространства и времени, бытийности, со-знания, онтологизированных схем стандартизации воспроизводства форм деятельности. В рамках онтологической платформы историческая память конкретизирует смыслы пространства и времени, координирует границы забвения, позиционирует свою обучающую роль в процессах воспитания. Через репрезентации научного знания историческая память заложила основы формирования междисциплинарного подхода в познании.

3. Современные трансформации социального мира переформатируют содержание онтологической базы исторической памяти. Вектор пространственных топосов и сетевых матриц изменяет структуру диалога памяти с прошлым. Зада-

чей исторической памяти становится согласование текстов и событий прошлого с желаемыми коррелятами истории внутри сетевых сообществ.

§2. Онтологический статус и методологические аспекты исторической памяти

Содержательное разночтение трактовок «исторической памяти», объемно представленное историографическим дискурсом, объясняется не только результатом философского выбора той или иной онтологической составляющей исторической памяти, но и отсутствием чётких методологических установок в общей теории памяти. С одной стороны, так называемая методология классического знания, раскрывающая динамику человеческих изменений и развития общества в терминах историософии, окончательно не исчезла. Она продолжает работать в фокусе цивилизационного подхода – его реализация показала неплохие результаты⁵¹, которые можно использовать для анализа феномена «историческая память». С другой стороны, эпистемологические установки постмодернистских концепций, постулирующие идеологию техногенной цивилизации, окончательно запутывают ситуацию с исторической памятью. Оказалось, что технологическое отношение к миру вообще исключает понятие «память» в качестве временной характеристики, т. к. в отличие от природы техносфера не имеет собственной истории, а значит, и темпоральной бытийности. В итоге возникла «метафизическая озабоченность» по поводу того, что память как социально-культурный феномен рассеивается в техносфере. Ситуация осложняется еще и тем, что в исследовательском поле исторической памяти существует непримиримая оппозиция разных методологических установок исторического познания: установка на замену онтологии гносеологией и установка на их демаркационное разведение. Эпистемологическим результатом стало размывание теоретико-методологических границ в историческом познании самого статуса реальности прошлого, с которым работает историческая

---

⁵¹См.: Устьянцев В.Б., Орлов М.О., Данилов С.А. Очерки социальной философии: пространственные структуры, порядок общества, порядок глобальных систем: коллективная монография. Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 2010; Борисова Т.В., Ключникова О.С. Гламур под знаком техногенной цивилизации: монография. Самара: Инсома-пресс, 2016; и др.

память. Соответственно содержательные дефиниции исторической памяти всё больше размываются в современных философских дискурсах, специфика проявления исторической памяти на различных уровнях социального бытия становится теоретически неуловимой.

Для эпистемологического осмысления выявленных трудностей обратимся к апробированной традиции взаимосвязи онтологии и гносеологии в познании, и в частности в историческом познании. Актуализация этой взаимосвязи поможет не только сфокусировать аналитические усилия на анализе смысловых дефиниций исторической памяти, но и выявить всю палитру « сетевого партнёрства » категориальных рядов памяти, презентация которых всегда реферируется интеллектуальным сообществом.

Сопоставительный анализ содержательно-смысловых единиц исторической памяти в топонимике её категориального ряда обнаруживает прежде всего экспликативные различия как в логическом, так и в эвристическом плане. С точки зрения формальной логики содержательные единицы понятийного аппарата исторической памяти могут использоваться как взаимозаменяемые. Но в процессе развёртывания исследовательской деятельности обязательно включаются эвристические ресурсы, позволяющие наполнить « историческую память » смысловыми нагрузками, которыми можно варьировать. Следуя известной установке « бритва Оккама », тематизируем наиболее типичные, на наш взгляд, определения « исторической памяти ». Например, Л.П. Репина чётко разводит историческое знание и память, определяя при этом историческую память как то, что « ...запомнилось, помнится... »⁵². Другой автор, М.В. Соколова, отождествляя историю и историческую память, подчёркивает, что память – это объективное и точное отражение прошлого⁵³. По мнению В.Н. Бадмаева, « ...историческая память характеризуется как устойчивая система представлений о прошлом, бытующих в общественном сознании... »⁵⁴. С точки зрения известного российского социолога-обществоведа Ж.Т. Тощенко, « историческая память, по сути дела, является выражением процес-

---

⁵²Репина Л.П. Историческая наука на рубеже XX–XXI вв. М.: Круг, 2011.

⁵³Соколова М.В. Что такое историческая память // Преподавание истории в школе. 2008. № 7. С. 37.

⁵⁴Бадмаев В.Н. Ментальность и историческая память // Вест. КалмГУ, 2012. № 1 (13). С. 79.

са организации, сохранения и воспроизводства прошлого опыта народа, страны, государства для возможного его использования в деятельности людей или для возвращения его влияния в сферу общественного сознания»⁵⁵. Не отстают и молодые российские исследователи. Так, Е.А. Прихотько и С.О. Лебедева пишут: «...историческая память означает, что определённая группа сохраняет присутствующие в её сознании и в культурных памятниках воспоминания о некоторых явлениях и событиях, которые являются носителями её идентичности и её судьбы»⁵⁶.

Резюмируя сказанное, подчеркнём, что представленные определения памяти «хорошо работают» в методологическом поле парадигм классического знания. Интересный поворот в исследовании исторической памяти предлагается философскими программами экзистенциальной аналитики. Так, М. Хайдеггер, оставляя за исторической реальностью право модуса удерживания в бытие, подчёркивает, что историческая память – это удерживание в памяти прошлого⁵⁷.

В методологических исследованиях зарубежных авторов наблюдается смещение эпистемологического акцента трактовки «исторической памяти» в сторону герменевтических и психологических подходов, что позволяет включить историческую память в контекст исторических нарративов и переживаний. Например, широко известна точка зрения американского историка Аллана Мегилла, связывающего историческую память с опытом реальных переживаний людей, «...которые на самом деле участвовали в обсуждении исторических событий»⁵⁸. В рамках данного контекста корреспондируется мемориальная тематика, где историческая память становится проектантом отдельного места в сменяемых картинках прошлого. Например, Пьер Нора не только подчёркивает, что «...память вцеп-

---

⁵⁵ Тощенко Ж.Т. Историческое сознание и историческая память: анализ современного состояния // Новая и новейшая история. 2000. № 4. С. 3.

⁵⁶ См.: Прихотько Е.А., Лебедева С.О. Историческая память и историческое сознание // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2010. № 1(5). С. 132–135.

⁵⁷ См.: Дёмин И.В. Реальность исторического прошлого как онтологическая проблема: автореф. дисс. ... канд. фил. наук: 09.00.11 / Дёмин Илья Вячеславович. Самара, 2008.

⁵⁸ Мегилл А. Историческая эпистемология / пер. с англ. М. Кукарцевой, В. Кашаева, В. Тимонина. М.: Канон+РООИ «Реабилитация», 2007. С. 112.

ляется в места, как история в события...»⁵⁹, но и в своём знаменитом четырёхтомнике «Места памяти» предлагает собственную классификацию мест памяти. Позицию Пьера Нора поддерживают и российские философы, развивая дальше принципы нового исторического мышления французского философа⁶⁰.

Процесс «умножения» понятийного аппарата «исторической памяти» можно продолжить и дальше, доведя его до ситуации «дурной бесконечности». При сопоставлении наиболее типичных, на наш взгляд, понятийных единиц исторической памяти отформатируем тот методологический ландшафт, в пространстве которого артикулируются онтологические константы, задающие вариативность смысловых различий памяти. На наш взгляд, онтологические константы памяти – это те «предельно философские матрицы», что организуют формосмысловую «штамповку», выражаясь техническим языком понятийного аппарата исторической памяти. Подчеркнём, что в этом процессе штамп исторической памяти всегда занимает конкретное место таксона⁶¹ в социокультурных контекстах.

Заметим, что экспликация таксомирования содержательных единиц исторической памяти имманентно содержит вопрос: «А что отражает, схватывает, сохраняет и передаёт историческая память – историческую реальность, следы прошлого, историческую действительность, фактологичность, повседневность, нарративность или личную биографичность?». Ответ на заданный вопрос – суть импликации проблематики онтологического статуса реальности. К сожалению, приходится констатировать, что проблематика онтологии в целом и реальности в частности отошла сегодня на последний план то ли в силу модного увлечения постмодернизмом, то ли в силу нежелания многих коллег по философскому цеху серьёзно заниматься фундаментальными проблемами мира. Признаем, что в гносеологическом плане действительно существуют познавательные сложности, связанные, по мнению В.Н. Сагатовского, с тем, что многие философские исследовательские

---

⁵⁹ Нора П. Проблематика мест памяти. Франция-память / П. Нора, М. Озуф, Ж. де Пюимеж, М. Винок. СПб.: Изд-во С.-Петербург. ун-та, 1999. С. 17–50.

⁶⁰ См.: Заклинский П.А. История и память (философские аспекты проблемы исторической памяти). Социальная философия и философия политики. Т. VI. Первый российский философский конгресс, СПб.: Изд-во СПбГУ, 1997. С. 74–76.

⁶¹ Подробнее о роли и значении таксонов как классификационной единицы в познании см.: Митрофанова С.С. Классификационная проблема в современной науке: монография. Новосибирск: Изд-во Новосибир. гос. ун-та, 1989.

программы, например, феноменология «...не в силах справиться с проблемой объективной реальности (о постмодернизме всерьёз говорить не приходится), а материалисты не в силах преодолеть свою рациональную ограниченность»⁶².

Ограниченность позиции материалистов связана с бинарной установкой на противостояние материи и сознания, в результате чего игнорируются те сферы бытия, которые не поддаются строгому научному инструментарию, например экзистенция или трансценденция. Особо подчеркнём, что признание реальности как онтологической атрибутивности объективного существования подспудно обнаруживается во многих исследованиях современности. Наиболее ярко эта позиция присутствует в дискурсе философского естествознания, где тематизируется признание объективно существующих фундаментальных явлений типа материи: физической, живой и культурной⁶³.

Даже в теоретическом поле виртуально-смысловой реальности присутствует некий водораздел между естественной виртуальностью, содержащей объекты физического мира, и культурной виртуальностью, созданной человеком. При этом подчёркивается, что тенденция виртуализации общества уводит человека от объективной константной реальности⁶⁴. Примеры можно продолжать и дальше. Обобщая сказанное, зафиксируем наличие своеобразного философского «когнитивного диссонанса»: с одной стороны, признаки объективной реальности и её существования отрицаются, с другой стороны, в неявной форме существование объективной реальности и её признаков не отрицается. На наш взгляд, наличие этого диссонанса во многом объясняется методологическим замещением онтологической проблематики проблемами гносеологии, в результате чего на первый план выдвигается теоретическая работа исследователя с объектами, представленными и функционирующими лишь в идеальной или знаковой форме. Именно это обстоятельство позволяет каждый раз при обнаружении новой реальности, которая не укладывается в рамки теории классической объективности, причинности

---

⁶² Сагатовский В.Н. Смерть онтологии? // Вестник РФО. 2010. № 4. С. 95.

⁶³ См.: Курс лекций F. Spier. The Structure of Big History, 1996.

⁶⁴ Тягунова Л.А. Концептуальные основания реальности // Гуманитарные проблемы социального и экономического развития России. М.: Новый индекс, 2004. С. 34–39.

и детерминизма, вести разговор о смерти объективной реальности, а значит и «смерти» тех онтологических моделей, которые её описывают. Обратимся к примеру квантовой теории физики, которая зафиксировала наличие «неуловимой квантовой реальности», где возможна призрачность действия на расстоянии, что проявляется в явлении квантовой телепортации. Попутно отметим, что это явление уже активно применяется в квантовых компьютерах⁶⁵. Однако то обстоятельство, что в квантовой реальности не были обнаружены признаки «классической реальности», как то: однозначная причинность, локальность и т. д., не приводит к выводу о том, что реальность отменяется раз и навсегда. Объективная заданность наличной реальности продолжает сосуществовать одновременно с новыми обнаруженными реальностями. Например, закон всемирного тяготения продолжает существовать в качестве закона «классической реальности», которая отражает эмпирическую повторяемость связей между явлениями. Даже доминирующая в современной науке абсолютизация зависимости наблюдаемого явления от условий и способа проведения эксперимента и методологической роли экспериментатора не отменяет результата наблюдения того, что при нагревании вода переходит в новое объективное состояние – пар. Как нам кажется, открытие науками всё «новых и новых реальностей» не означает того, что «добрая объективная реальность» исчезла. Эти открытия подтверждают лишь то, что процесс познания мира неоднозначен и сложен и не следует забывать последствий уроков знаменитой революции физики на рубеже XIX–XX веков. Великая миссия познания заключается в том, чтобы суметь исследовать собственные свойства объекта или явления, которые познаются человеком только в субъективных формах человеческой деятельности.

Гораздо сложнее обстоит дело с ментально-культурными явлениями, к которым отнесём «историческую память». С одной стороны, исследователь учитывает сложившуюся философскую традицию трактовки исторической памяти (инвари-

---

⁶⁵ См.: Иванов Е.М. Природа субъективного и квантовая физика // Философия культуры и философия науки: проблемы и гипотезы. Саратов: Изд-во Саратов. гос. ун-та, 1999. С. 190–196; Севальников А.Ю. Спор о проблеме квантовой реальности // Вестник РФО. 2013. № 4. С. 121–123.

ант социальной памяти) в качестве эвристического принципа научного познания⁶⁶. В этом аспекте феномен исторической памяти выступает в методологическом ключе, с помощью которого можно исследовать когнитивные пласты исторической и социальной памяти. С другой стороны, историческая память является социокультурным феноменом и как любое явление социума имеет сложную природу смысловой структурности. В широком смысле все социальные объекты в отличие от природных имеют иные основания презентации в обществе и научном познании. Эти основания были заданы известным всему философскому сообществу элеатом Парменидом, который сформулировал когнитивную установку: бытие непосредственно, но мыслимо. Можно утверждать, что Парменид заложил «архетип» специфического способа мышления, которое конституирует себя независимым от собственного основания. Появление данного архетипа послужило гносеологической причиной рассеивания как объектно-субъектных, так и субъектно-объектных границ предметности в структуре познавательной деятельности. Результатом этого рассеивания стало сведение онтологической проблематики к различным аспектам гносеологии. А знаменитая формулировка неокантианцев, согласно которой предмет не «дан», а «задан», окончательно санкционировала поворот дискуссии о предметности знания сначала в русло абстрактного теоретизирования, а потом в тематику замены познавательных аспектов предметности знания конструктивным моделированием знания.

Возникла новая эпистемологическая тематика познавательной деятельности, базирующаяся на принципах конструирования, в рамках которого возможны вариативные интерпретации одного и того же, а картина мира выступает игровой площадкой для жонглирования дискретными элементами мира, которые непрерывно меняют своё месторасположение. Когнитивный вектор новой эпистемологии стала активно корреспондировать специфику исследовательской работы учёного таким образом, что аналитические процедуры изучения разнообразных форм бытия человека конституировались теми формами знания, которые интенциональ-

---

⁶⁶Ребане Я.К. Принцип социальной памяти // Философские науки. 1977. № 5. С. 94–104.

но не зависели от любой эмпирической базы. При этом схема аналитических процедур задавалась уже существующими теоретическими схемами и конструктами. В этих условиях зародилась «очередная гносеологическая революция», в недрах которой возникла «стратагема соблазна» замены онтологической проблематики гносеологией с превращением первой в «...разновидность антропологии»⁶⁷.

Не обошёл сей соблазн историософию, которая в своём постмодернистском варианте позиционировала эпистемологическую установку: философия и история «...теперь формируется как теория познания, а не как онтология»⁶⁸.

Заметим, что в сюжете так называемого эпистемологического переворота успешно акцентируются существующие трудности процесса познания, которые давно известны учёному сообществу. При смене любой эпистемологической парадигмы всегда обостряется тематика предметности знания. Соответственно, в историческом познании тоже обыгрывается сценарий демаркационного водораздела между исторической реальностью и знанием об исторической реальности. Абсолютизация этой границы приводит исследователя в конечном итоге к полному разведению реальности и знания о ней в познавательной деятельности. В итоге на передовые рубежи научных исследований выдвигается доминирующая роль презентации гносеологического тождества предметного и метапредметного (рефлексивного) уровней познания. Это тождество признаёт статусную однозначность операционных единиц познания: знания о предмете – предмет знания – действия с первым и вторым (нарративность и интерпретация). А так как указанная статусная однозначность в гносеологическом плане подводит исследователя к ситуации неопределённости, в современном социальном и историческом дискурсе всё чаще встречается мысль, что «...современная онтология мира – это онтология возможного. В силу этого учёный должен трактовать мир как совокупность, связку шансов, явно ещё недоопределившихся и никогда до конца не детерминированных»⁶⁹.

---

⁶⁷ Бубер М. Проблемы человека // Бубер М. Два образа веры. М.: Республика, 1995. С. 197–212.

⁶⁸ См. подробнее: Коллингвуд Р.Дж. Идеи истории. Автобиография. М., 1980; Лооне Э.Н. Современная история философии. Таллин, 1980.

⁶⁹ Гусева И.И. Ценность индивидуального в новых «форматах схватывания» социального: сб. научных трудов. Материалы VI «Аскинских чтений». Ценности. Риски. Коммуникации в изменяющемся мире. Саратов: КУБиК, 2012. С. 147.

Данная исследовательская стратегия становится генеральным маркером в трудах российских учёных, работающих в области исторического познания. Например, О.В. Герасимов на основании того, «...что историческая реальность выступает своего рода вещью в себе», отказывает реальности в возможности познания. С его точки зрения, объектом исторического познания выступает лишь то, что обнаруживается в бытии (для – нас – событие), и на этом основании можно отождествить знания о действительности с самой действительностью. И только в этом случае, считает О.В. Герасимов, историческое прошлое как историческая реальность обретает свой онтологический статус⁷⁰.

Подчеркнём, что операционная тождественность знания о действительности и самой действительности в познании социокультурных объектов возникла не случайно. Причины связаны с реально существующими «гносеологическими ловушками». Известно, что природа социокультурных объектов по своей структуре семантическая. Эти объекты могут содержать многослойный спектр смыслов и презентатируются только в деятельности человека. Поэтому они всегда включены в «живую ткань» социума и образуют механизмы собственной фактуальной представленности в формах объектированного опредмечивания, которые самостоятельно имплементируют себя процедурами интерпретации, символизации и текстуальности в качестве истинно сущего бытия. На это обстоятельство тонко обратил внимание М.К. Мамардашвили: «В социально-исторических исследованиях... очагом и реальной движущей силой истории, т. е. «объективным событием», «фактом»... истории является интерпретированное бытие, в применении к которому нельзя отдельно выделить анализом «интерпретацию» бытия его субъектами... и «истинное бытие», которое складывалось и действовало бы помимо своей интерпретированности»⁷¹. Таким образом, мир как социально-исторический процесс оказывается концептуален не посредством научного знания, которое обобщает существенные свойства и отношения, а другими мыслительными формами типа: образ, схема, фрейм, концепт, гештальт и др. Все эти формы «экси-

---

⁷⁰Герасимов О.В. Историческое познание: опыт исторической эпистемологии: монография. Самара: Изд-во Самар. гос. техн. ун-та, 1997. – С. 4–8.

⁷¹Мамардашвили М.К. Как я понимаю философию. М.: Прогресс, 1996. С. 280–281.

стенциально избыточны» (по выражению М.К. Мамардашвили) и имеют дело с представлениями о мире и способами его символического или знакового замещения. Согласимся, что в данном когнитивном ракурсе всеми красками бытия раскрывается мини-история, которая сводит историческое прошлое к исследованию биографии, повседневной жизни и экзистенциальных состояний человека, символической избыточности артефактов. Это прекрасно, так как развёртывается вся панорама исторического прошлого как личной сопричастности и «звёздных часов человечества». В пространстве микроистории прошлое не отражает наличие существующих констант реальности, а содержит архитектуру конструкторов действительности, где биологический режим существования человека переведен в режим социального бытия человека. Никто с этим и не спорит! Но заметим, что методологическая база развёртывания микроистории исторически проходила в эпистемологической борьбе за претворение в научную жизнь известного всем позитивистского проекта, который подгонял историческое знание под стандарты естественных наук. Эта борьба завершилась победой идеографических методов (баденская школа неокантианцев) в социальном познании. И окончательно легитимировался статус «единичного» как теоретической основы в познании исторических процессов. В свою очередь, сфера метафоричности, символизации и текстуальности истории как бы рассматривалась в качестве самостоятельно существующей автономности – «экзистенциальной избыточности», как высказывался М.К. Мамардашвили. Допущения «экзистенциальной избыточности», которые существуют в истории, открывают историку новый выход за горизонты открытий: это актуализация персоналий и биографий, новизна интерпретаций исторических сюжетов, открытия иной символики объектов и т. д. Но при этом негласно, в скрытой форме наблюдается отрицание генерализации устойчивых связей закономерностей исторического процесса. Теоретической кульминацией «тихого умалчивания» становится окончательное забвение абсолютизации статуса «единичного» в историческом познании. Теперь во многих историко-философских исследованиях единичное выступает в качестве операционных единиц типа «следы прошлого», «ментальные остатки», «повседневная событийность», «историческое повест-

вование» и т.д.⁷² Но методологические трудности исторического познания связаны не только с абсолютизацией концепта «единичного». Ситуация более глубинна... В силу того, что многие учёные трактуют прошлое не как реальность, а как действительность, схваченную исследователем в качестве возможности, они попадают в одну из «гносеологических ловушек», на которые указывает Д.Д. Левин: «отмечу парадоксальную и вместе с тем фундаментальную особенность категорий «действительность» и «возможность» в теоретическом мире: для их описания не нужна категория времени. Диспозиционные признаки вторичны по отношению к реальным»⁷³. Но без категории времени историческая действительность обесмысливается как прошлое, актуально присутствующее в настоящем, а собственный темпоральный модус бытия истории сводится к метаморфозам, текстам, местам памяти. В данном контексте становится понятной тематизация концепта «места памяти» (memory studies). В своём известном произведении П. Нора подчёркивает: «...если правда, что фундаментальное право мест памяти на существование состоит в остановке времени, в блокировании работы забвения, в фиксировании настоящего порядка вещей, в обесмерчивании смерти, в материализации нематериального (золото есть единственная память денег) для того, чтобы заключить максимум смысла в минимум знаков, тогда очевидно, что именно делает их крайне привлекательным понятием – тот факт, что места памяти не существуют вне их метаморфоз, вне бесконечного нагромождения и непредсказуемого переплетения их значений»⁷⁴. Из содержания отрывка видно, что французский учёный убеждённо акцентирует семантический функционал «мест памяти» как имплюзивную (сжатую) демонстрацию выхода из сферы темпорального.

Резюмируем сказанное. Позитивные результаты интерпретационного конструирования событийных рядов прошлого, полученные с помощью методологических установок релятивизма и плюрализма, позволили историческому познанию, в пространстве которого работает историк, придать оттенок «интимной соприча-

---

⁷²См.: Фуко М.А. Археология знания. М.–СПб.: Гуманитарная академия, Университет-книга, 2004. С. 43; Уайт Х. Метаистория. Историческое воображение в Европе XIX века. Екатеринбург: Уральский университет, 2002.

⁷³Левин Д.Д. Философские категории в современном дискурсе. М.: Логос, 2017. С. 211.

⁷⁴Нора П. Места памяти. Проблематика мест памяти. СПб.: Изд-во С.-Петербур. ун-та, 1999. С. 11.

стности». Тем не менее основные трудности познавательного процесса истории так и не были окончательно разрешены. Главная трудность заключается в том, что любое исследование прошлого, проведённое на микроуровне исторической реальности с помощью операционных единиц «следы прошлого», «ностальгический опыт», «ментальные образы прошлого» и т. д., наталкивается на очень важное, а точнее, главное эпистемологическое препятствие: проблему репрезентативной достоверности той «экзистенциально избыточной» информации, которую на выходе получает любой историк. Последствия этой нерешённой трудности подкрепим примером методологической установки О.В. Герасимова, который пишет: «Разумеется, мы всегда должны помнить, что история – это возможное прошлое, результат исторической реконструкции, в основе которой лежит интерпретация историками следов реального прошлого... Но историческая действительность, складывающаяся из следов реального прошлого, их интерпретаций и оценок, постоянно меняется. Таким образом, подвижный, изменчивый образ прошлого, известный нам под именем «истории», с необходимостью является «непредсказуемым»⁷⁵.

Таким образом, конфигурирование концептами «реальность прошлого» и «реальность сконструированного прошлого» не решает, а запутывает проблему константного различия между ними. Попытки задвинуть или проигнорировать эту проблему часто выводят историка за рамки здравого смысла и оставляют его в полях лишь ментально-художественных образов прошлого. В этих образах историческая предметность выступает в качестве «симулякра-пазла», с которым можно играть по собственному усмотрению.

Подчеркнём, что гносеологическая неопределённость взаимосвязи между исторической реальностью и знанием об исторической реальности ставит аналитика в ситуацию трагического выбора: либо найти эффективный способ примирить факт релятивности познания с классической традицией объективного, предметного знания, либо совсем отказаться от поиска общезначимых ответов на во-

---

⁷⁵Россия и Европа: связь культуры и экономики: Материалы II Международной научно-практической конференции (15 февраля 2012). Ч. 3. – Praha, World Press s.r.o. С. 188.

просы – что есть истина, как она возможна⁷⁶. Заметим, что современными философами в той или иной степени неоднократно делались попытки методологического перевода проблематики истины в плоскость аккумуляции её моделей в коммуникативное пространство познавательных культур⁷⁷. Но принципиальность вопроса: познаваемо ли историческое прошлое вообще? – с повестки дня так и не снята. Приходится признать, что чисто на логическом уровне проблема нерешаема и в силу этого может быть переведена из плоскости разума на позицию веры. С этой позиции историк, да и любой желающий легко по собственному усмотрению конструирует прошлое. В рамках этих конструкций можно отрицать существование Хеопса, Ивана Грозного, Сталина, пересматривать итоги любых мировых событий, населять прошлое драконами, хоббитами и вообще разнообразить «историческое фэнтези».

Если же мы станем на ту точку зрения, что прошлое принципиально познаваемо, и останемся при этом на позициях рационального мышления (т. е. будем полагаться на собственные наблюдения и умозаключения), то можно исходить из предпосылки существования реальности прошлого через фокус «исторической сопричастности» этого прошлого к свершённым действиям и их результатам. Предполагаем, что прошлое познаваемо ровно настолько, насколько точны аналогии былого ситуациям, существующим сегодня в современном мире. А обнаружение в прошлом принципиально иных исторических образований и взаимосвязей будет той самой «экзистенциальной избыточностью», которую можно принимать или не принимать, по выбору. В контексте сказанного историческая память разворачивает свои «структуры памятования»⁷⁸ не только о предполагаемом прошлом, но и о реально существующем прошлом, которое историческая память репрезентует в опыте предметной деятельности. Структуры «памятования» существуют как в природных, так и в социокультурных системах. Если в природных системах

---

⁷⁶См.: Микешина И.А., Опенков М.Ю. Новые образы познания и реальность. М.: РОССПЭН, 1997.

⁷⁷Билалов М.И. Философия истины в коммуникативном пространстве познавательных культур // Вестник РФО. 2016. № 1. С. 10–13.

⁷⁸Дахин А.В. Память, история, Вселенная: на пути новой онтологии реальности // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2012. № 1(3). С. 26.

память презентативна биологическими и генетическими кодами⁷⁹, то в социокультурных системах историческая память репродуцирована символическими и семиотическими кодами. Несмотря на специфику содержательного различия природных и социокультурных систем, их объединяет онтологическое общее – быть, существовать во всей полноте полифонической многомерности. В данном ракурсе историческая память и биологическая память финализируют актуализацию жизни, способность её сохранить и продлить. В социуме историческая память выступает как способ сохранения и продления жизни в экзистенциальном векторе: прошлое – здесь; прошлое – здесь и теперь; прошлое – здесь и там. Так историческая память раздвигает границы жизни – бытия, она оказывается глубже и сильнее отношений акторов в сетевых матрицах. Ведь историческая память предполагает не только представленность, она выступает свидетельством существования. Можно не быть представленным, но всё равно существовать. Тем самым снимается известное противоречие экзистенциала памяти: то, что не представлено действиями различным акторов, не существует, а то, что подвергнуто забвению, не присутствует в памяти как существующее.

Изложенная методологическая позиция расширяет общую онтологическую платформу между статусами исторической памяти и «памяти природы». Любая память как «памятование о прошлом» актуализирует процесс сохранности жизни в любых системах. Так, «генетическая память», наследуя конфигурацию аминокислот, не только передает, но и реализует жизненный цикл белковых молекул. «Биологическая память» таксомирует повторяемость предыдущих эмбрионов в становлении саморазвивающегося живого. «Историческая память» общества, будучи встроена в сложные социокультурные системы, фокусирует экзистенциальные аспекты бытия социума или отдельного индивидуума. Во всех этих системах память не только сохраняет, но и актуализирует существование самих систем. Последние исследования, осуществляемые в рамках междисциплинарных подходов, показали, что социальное поведение человека влияет самым непосредствен-

---

⁷⁹См.: Междисциплинарные исследования памяти / под ред. А.Л. Журавлёва, Н.Н. Корж. М.: Изд-во Института психологии РАН, 2009.

ным образом на работу генов в течение всей жизни организма (работы Gene E. Robinson, университет Иллинойс), что мемы как единицы культурной информации являются самокопируемыми репликами и до известной степени выступают аналогами генных механизмов. Изменения в поведении могут менять уровни и степень интенсивности факторов естественного отбора и влиять на эволюционные изменения (по эффекту Болдуина).⁸⁰ Таким образом, с одной стороны, «...сложные системы имеют память, для них характерно явление гистерезиса – при смене режима функционирования процессы возобновляются по старым следам (прежним руслам)...»⁸¹; с другой стороны, генетические механизмы могут изменять содержание культурной информации. В рамках сказанного можно утверждать, что память как актуализация, сохранение и продление жизни посредством организации информации о прошлом может артикулироваться в любых системах. Таким образом, обнаруживаются общие онтологические моменты у «структур памятования» природы и общества. Но онтологический статус исторической памяти фиксирует более глубинные взаимосвязи. Он закрепляет специфику проявления исторической памяти на различных уровнях бытия. На уровне социального бытия историческая память выступает как способность общества фиксировать этапы взаимодействия с окружающей средой, онтологизируя процесс присвоения человеком природного материала. На институциональном уровне историческая память закрепляет собственное содержание в систему социальных институтов, с помощью которых выполняются функции государственной политики, эффективного управления и воспитания. На экзистенциальном уровне историческая память сохраняет и продолжает жизнь рода, семьи, индивида в пространственно-временных координатах: прошлое – здесь; прошлое – здесь и теперь; прошлое – здесь и там.

При этом подчеркнём, что в обществе историческая память всегда существует в форме социальной памяти и противоречия между историей общества и па-

---

⁸⁰ Эффект Болдуина [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://en.wikipedia.org/wiki/Baldwin_effekt (дата обращения: 12.03.15).

⁸¹ Князева Е.Н. Темпоральная архитектура сложности // Синергетическая парадигма «Синергетика инновационной сложности». М.: Прогресс–Традиция, 2011. С. 78.

мью не существует. Но это бесспорное утверждение вызывает методологические неопределённости. Например, возьмём ситуацию противопоставления истории и памяти, которая обсуждается всем научным сообществом. Известна жёсткая позиция М. Хальбвакса, который любил противопоставлять память и историю. Их противопоставление, а значит различие, он обосновывал разницей между типами прошлого, которое они восстанавливают: память восстанавливает сходство между прошлым и настоящим, а история – их различие⁸². Другая позиция, которую поддерживают Я. Ассман и П. Хаттон, настаивает на бинарной противоположности памяти и истории. Так, Хаттон определяет историю даже особым родом социальной памяти⁸³. Подобные теоретические разногласия по поводу соотношения истории и памяти порождены той методологической нагруженностью, которая содержится в содержании категорий «сходство» и «различие». Содержательная многоаспектность этих категорий связана с ресурсным разнообразием тех признаков, по которым проводится демаркация сходства и различия⁸⁴. В самом деле, если провести анализ многообразных трактовок определения «история», то придется столкнуться с вариативностью признаков, на основании которых определяется конкретное содержание истории. Если в качестве основополагающего признака используется признак процессуальности, то история определяется как процесс развёртывания во времени социального бытия и форм деятельности. Если используется признак различия, то историю определяют как конкретную историю рода, страны или личную биографию. В рамках познавательного процесса история выступает когнитивной единицей знания о прошлом, трактовка которого тоже полифонична. С другой стороны, артикулирование признаков сходства позволяет говорить о феномене исторической памяти как актуализированной информации прошлого в векторах социального пространства и времени. Добавим, что корреляционное соотношение категорий «сходство» и «различие» содержится и в самом ре-

---

⁸² См.: Хальбвакс М. Коллективная и историческая память // Неприкосновенный запас. 2005. № 2–3 (40–41). С. 8–27.

⁸³ См.: Хаттон П.Х. История как искусство памяти [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.gumer.info/bibliotek_Buks/History/hatt/index.php

⁸⁴ См.: Левин Г.Д. Философские категории в современном дискурсе. Гл. 9. Тожество и сходство. С. 86–109. Обращаем внимание на то, что содержание категорий «сходство» и «различие» используется в традиции классического знания, при этом сохраняется уважительное отношение к постмодернистским сюжетам о «различии» и «повторении».

сурсе «исторической памяти». Поэтому перед исследователем встаёт сложная задача вычленения тех методологических маркеров, с помощью которых можно выявить характеристики сходства и различия как между историческими этапами развития общества, так и между социальными и природными системами. Сущностное содержание самого феномена «память» как хранителя, транслятора и актуализатора состояний прошлого в настоящем выступает онтологическим условием продления, существования и развития многообразных форм бытия. При этом историческая память социума не только сохраняет прошлое, но и содержит конструктивную способность выхода за пределы мира и самого человека. Именно так историческая память социума рефлексивует собственную предметность. Поэтому искусственно стереть историческую память социума «...видимо, в принципе невозможно. А если возможно, то исчезает целая культура, её бытийные или онтологические основания, которые реализуются в историческом времени»⁸⁵.

Суммируя сказанное, проясним заявленные методологические позиции. Статус и содержание исторической памяти определяются бытийной структурностью социальной системы. При этом пространственно-временные измерения исторической памяти актуализируют специфику процессов ретроспекции и самопроизводства на каждом конкретном этапе развития общества. Данный контекст позволяет говорить об исторической памяти как фундаментальном феномене общества. Ведь историчность в широком значении содержит потенциал развёртывания небытия, присутствия, исчезновения, забвения, дальнейшего развития. В этом плане взаимосвязь *пространство – время – история* закономерна и в определённом фокусе тождественна. Но если в природных системах эта взаимосвязь жёстко задана алгоритмом «от неживого к живому», «от живого к его воспроизводству и саморазвитию», то в социальных и культурных системах она существует в искусственно созданном мире. В искусственном мире (как раньше говорили, «второй природе») действует иной алгоритм: «цель – деятельность – действие – результат», и ракурс этого алгоритма на каждом этапе развития социума осмысливался и реализовывался.

---

⁸⁵ Дармограй В.М. Цивилизационный выбор России // Восток, Запад, Россия. Философские и социокультурные основания взаимодействия цивилизаций: сб. науч. трудов. Саратов–Москва–Саранск: КУБиК, 2017. С. 43.

вался по-разному в соответствии с социально-культурными запросами общества. Так как искусственный мир был создан разумом, волей и деятельностью людей, то на основе этого генезис искусственного был осознан как субъективный, т. к. искусственное подлежало фиксации в отношении «стороны субъекта». Поэтому взаимосвязь *пространство – время – история* в философско-гуманитарном аспекте осмысливалась как действия людей и результаты этих действий. Иными словами, социальная и культурная реальность в историческом векторе всегда трактовалась производной от действия. «То, что действие помещается в контекст истории, неоспоримо. Исходя из того, что структура первостепеннее действия, посредством действий возможно видоизменить любую структуру (в том числе социума); в противном случае действие лишь могло создать структуру, но не наоборот»⁸⁶.

Таким образом, именно формализация субъективности в социальных процессах постепенно исключила онтологический статус исторической памяти как ресурса для междисциплинарных исследований. Поэтому феномен исторической памяти традиционно исследовался философской рефлексией как явление, присутствующее только социально-культурным системам, а собственный анализ памяти ограничивался рамками гуманитарного знания. В поле гуманитаристики проблематика исторической памяти, её статус, содержание и функциональная векторность стали прерогативой нарративных, акторно-сетевых и коммеративных исследовательских программ. В этих программах историческая память редуцировалась к унифицированным действиям сетевых акторов, пространственным местам памяти, нарративным практикам исторических событий и биографий.

Справедливо заметим, что совместными усилиями теоретиков генно-культурной эволюции, а также представителей популярного научного направления «Большая история» Д. Кристиана, Ф. Спира, Марни Хагс-Варрингтона⁸⁷ исследования по исторической памяти включаются в ракурс междисциплинарных исследований, где акцентируется методология исследования процессов взаимодействия

---

⁸⁶См.: Archer Margaret S. Taking time to link structure and agency. New Delhi: XIth World Congress of Sociology (mimeo), 1986; Archer, Margaret S. The morphogenesis of social agency. Uppsala: SCASSS (mimeo), 1989.

⁸⁷См.: Коротяев А.И.; Бабичев С.А. Роль генетической и умственной систем информации в возникновении и развитии жизни на Земле. Нальчик: Эльбрус, 2009; Huges-Warrington M. Big History. Social Evolution & History, Vol. 4. No. 1, March 2005. P. 7–21.

природных и социальных систем. Оказалось, что ресурсная составляющая исторической памяти в поле этого взаимодействия значительно расширяет горизонты собственной бытийности. При этом историческая память способна разворачивать в одном и том же бытийном срезе многоликий «ансамбль» экзистенциальных и функциональных потенциалов. Разворачивая экзистенциальные и функциональные потенциалы, историческая память наполняет содержание своих «структур памятования» значениями как объективного, так и субъективного бытия. Структуры памятования исторической памяти в формах пространственно-временной процессуальности сохраняют и транслируют материально-духовную предметность прошлого и опыт его освоения.

Сегодня в рамках междисциплинарного подхода на первый план всё чаще выходят исследования по семиотическому взаимодействию механизмов социального наследования и внебиологического кодирования. В этих исследованиях проблематика исторической памяти всё чаще рассматривается в рамках исторического взаимодействия природы и общества. Например, наследственная информация в ДНК играет определённую роль в становлении языковой культуры, а значит, в эволюции человека⁸⁸. Эти виды информации содержатся в первичных клетках памяти и материальных носителях (книги, рукописи, артефакты, электронные записи и т. д.) и создают основу для экзистенциальности социума и человека.

В междисциплинарных исследованиях онтологический статус исторической памяти организует принципы категориального аппарата памяти, задавая им характеристику фундаментальности.

Онтологический статус исторической памяти концептуально задаёт методологический каркас организационным принципам категориального аппарата памяти. Фундаментальность категории «историческая память» проявляется в способности этой категории «работать» в поле междисциплинарных исследований. В этих исследованиях категория исторической памяти способна демонстрировать функционал «структур памятования» в исторических исследованиях взаимодейст-

---

⁸⁸ См.: Коротяев А.И., Бабичев С.А. Роль генетической и умственной систем информации в возникновении и развитии жизни на Земле: монография. Нальчик: Эльбрус, 2009. С. 40–50, с. 173. – 240 с.

вия общества и природы. Онтологический статус исторической памяти общества уточняет содержание границ исторической памяти как способа продления жизни и выводит на проблематику классификационной структуры исторической памяти и поиска её измерительных единиц.

Сделаем краткие выводы:

1. Содержание границ исторической памяти определяется рамками тех методологических установок, которые выбирает исследователь.

2. В современном исследовательском поле исторической памяти доминируют социально-философские теории, апробирующие тот формат исторического знания, который не признаёт свою зависимость от любой эмпирической базы. В результате формируются парадигмы, в рамках которых реальность прошлого представлена как теоретически сконструированная схема. В этой ситуации онтологический статус исторической памяти приобретает зависимость от позиции исследователя и теряет способность определять специфику проявления исторической памяти на различных уровнях социального бытия.

3. Предложенная методическая стратегия направлена на признание равнозначности в презумпции единого и общего в историческом познании. Их взаимодействие организует бытийную устойчивость всех форм социального бытия. В рамках этой устойчивости онтологический статус исторической памяти способен самостоятельно инструментировать специфику её проявления на уровне социума, социального института и экзистенциалов жизни.

Глава 2. Социально-философские и ценностные измерения исторической памяти общества

§1. Методологический ресурс исторической памяти как социально-философская проблема

Аналитика онтологического статуса исторической памяти, проведённая в исследовательском междисциплинарном поле, существенно расширила горизонты эпистемологической ангажированности самого феномена «историческая память». Появилась когнитивная перспектива онтологической форматизации исторической памяти как способности любой сложной системы актуализировать ретроспекцию состояний прошлого в фактуальность настоящего, обеспечивая тем самым будущую жизненность развития конкретной системы. Как неоднократно подчёркивалось, любое оформление «структур памятования» той или иной системы осознавалось человеком в пространственно-временных образах мира. Известно, что сам природный мир не исповедает, не повествует о пространстве и времени. Эти образы – суть наших субъективных представлений, которые лишь отражают безмолвную наличность объективных конфигураций последовательности и структурных состояний конкретной природной системы.

Другое дело – социальные системы общества. Картины социального мира, его пространственно-временные характеристики всегда были наполнены смыслами, ценностями, значениями и символами, через призму которых любая «метафизическая судьба сущего» приобретала оттенок осмысленной историчности, соотносённости бытия и небытия. Исторично всё, что существует и не существует, что заполнено социальностью. Любая социальность конституирована смыслами и одновременно конструирует их, провоцируя тем самым логику вечных изменений.

В предложенном ракурсе историческая память общества оказывается порожденной самим обществом и выступает проекцией этого общества. Поэтому содержание исторической памяти общества структурно амбивалентно. Историческая память общества одновременно целостна и мозаична, динамична и статична,

представлена символической образностью и теоретическими конструктами. Память общества одновременно помнит и забывает, сохраняет одни ценности и отвергает другие.

Становится ясно, что перед исследователем, работающим в проблематике памяти, встают сложные задачи. Решение этих задач связано не только с аналитическим осмыслением исторической памяти общества в контексте её многочисленных трактовок, но и с методологическим обоснованием включения исторической памяти общества в общую теорию. Сама концептуализация классификационной проблематики исторической памяти предполагает разработку тех методологических установок, которые позволяют эпистемологически соединить сетку философских категорий, что описывают общие основания и структуры бытия, с системой концептов с их многочисленными смыслами и организацией опыта бытия. Это, на наш взгляд, методологически необходимо. Ведь раскрытие когнитивных возможностей ранжирования категорий концептов есть важное условие имплементации любого познавательного кода, в матрицах которого сфокусировано всё разнообразие способов объективного и ценностно-смыслового членения мира. Методологическое осмысление этих способов позволяет тематизировать теоретические пласты онтологических оснований исторической памяти, которые можно обосновать с помощью категорий и концептов. Для эвристической наглядности апробируем содержательный аспект исторической памяти сеткой традиционных философских категорий: процесс – состояние – свойство⁸⁹. Отметим, что категории процесса как фундаментально отражающие характеристики бытия наиболее часто используются исследователями для вычленения онтологических оснований исторической памяти. С помощью категорий процесса историческая память фундирует онтологическую общность исторического взаимодействия общества и природы. На эту особенность обратили внимание учёные, исследующие онтологию процессуального развития сложных информационных систем⁹⁰. Категории

---

⁸⁹ См.: Борисова Т.В., Ключникова О.С. Гламур под знаком техногенной цивилизации: монография. Самара: Инсома-Пресс, 2016. С. 27–28. 154 с.

⁹⁰ См.: Суховерхов А.В. Общая теория биологической и социальной памяти: семиотический и процессуальный подходы // Научный журнал КубГАУ. 2011. № 74 (10). С. 1–17.

процесса используют и при анализе исторической памяти общества. Например, известный философ С.Н. Трубецкой, трактуя историческую память общества как динамический процесс, придаёт ей родовой, онтологический смысл. По его мнению, с исторической родовой памятью связан вопрос онтологического существования «сознания вообще»⁹¹.

Таким образом, в ансамбле категориальной алгоритмики процессов, состояний и свойств социальная онтологичность социальной памяти эксплицируется как фундаментальная основательность социокультурных изменений. Вариативность данных изменений определена форматами развития, где историческая память социальной системы коммуницирует не только ресурсы ретроспективной преемственности, но и ресурсы творческого становления бытия. Отметим, что социально-бытийные пласты исторической памяти успешно исследуются научно-философским дискурсом с помощью оперативных единиц системы категорий. Поясним сказанное. В одних исследовательских программах активно корреспондируются те категории, которые характеризуют сложность и системность процессов развития. Одна группа учёных, в рамках парадигмы процессов развития, акцентирует ретроспективный аспект исторической памяти как транслятора и воспроизводителя прошлого. Так, М.В. Соколова отмечает, что историческая память есть канал передачи сведений о прошлом⁹². И.Е. Кознова утверждает, что «в целом историческая память – это передаваемая различными способами и закреплённая информация о прошлом... особой культурной конструкции»⁹³.

В других программах процессы социокультурных изменений артикулируются в фокусе бытийной соотнесённости забвения и памяти пространственно-временных континуумов культуры. Учёный В.Л. Кургузов поясняет, что диалектика памяти и забвения, как фактор эволюции и развития, приводит к становлению нового, ибо «объективное воссоздание старого в новых условиях не может быть

---

⁹¹Трубецкой С.Н. О природе человеческого сознания // Трубецкой С.Н. Сочинения. М.: Мысль, 1994.

⁹²См. подробнее: Соколова М.В. Что такое историческая память [Электронный ресурс]. – Режим доступа: pish.ru/blog/archives/142

⁹³Кознова И.Е. Историческая память и основные тенденции её изучения // Социология власти. 2003. № 2. С. 23–32.

ничем иным, как творением нового»⁹⁴. В целом, эпистемологическое целеполагание категорий, описывающих процессы социально-культурного развития, направлены на сравнительный анализ прошлых и новых форм социального бытия. В этих процессах историческая память выступает реальной константой процесса развития и эволюции социальных систем. Поэтому, историческая память общества занимает достойное место в любых социокультурных процессах, которые направлены на изменение общества.

Систематика категориальных единиц процессов развития нуждается в том, что её в своём роде необходимо адаптировать к различным конкретным видам и формам социального бытия. Такой «адаптационной спецификой» обладают категории «состояние» и «свойство». С их помощью можно изучать способность исторической памяти содержательно хранить и проявлять специфику мировоззренческих установок и ценностных ориентаций на каком-либо конкретном этапе социального бытия общества. Так, упомянутый нами В.Л. Кургузов, сравнивая содержательные аспекты исторической памяти современных европейцев и россиян, утверждает: «...суть не в том, что историческая память у нас развита, дескать, лучше или хуже, чем у других народов, а в том, что она находится у нас в ином, нежели у них, состоянии. «Единицами хранения» у неё служат не столько отдельные события, акты той или иной исторической драмы, сколько проблемы, вопросы, головоломки, причём не историографического, а экзистенциального плана»⁹⁵. Категориальная единица «свойство» продолжает конкретизацию и фиксирует те черты исторической памяти, что обуславливают её отношение к конкретным событийным ситуациям. Это отношение может выражать как общность ситуации, так и оппозицию к ней. Отношение оппозиции, как правило, наглядно проявляется в переломные моменты истории. Известна, например, оппозиционная растерянность некоторых представителей нашей интеллигенции, наивно веривших в линейность отношений со старой культурой и историей. Эти люди были очень удив-

---

⁹⁴ Кургузов В.Л. Историческая память и забвение в культурном пространстве как репрезентация прошлого в настоящем // «Белые пятна» российской мировой истории. 2011. № 1. С. 79.

⁹⁵ Кургузов В.Л. Историческая память и забвение в культурном пространстве как репрезентация прошлого в настоящем С. 83.

лены, когда во время Великой Отечественной войны Сталин сначала вызвал к жизни тени великих предков, введя ордена Александра Невского, Суворова, Кутузова, Ушакова, Нахимова, Богдана Хмельницкого, а затем восстановил почти разрушенную Православную церковь, поддержал создание огромного числа фильмов о наших полководцах прошлых времён и ввёл в армии золотые погоны, которые на протяжении двадцати лет считались непременным атрибутом старого, несоветского мира. При этом настоящих «золотопогонников» – офицеров белой армии, кто не успел уехать за рубеж, – практически или казнил, или уничтожил в лагерях.

Выскажем предположение, что предложенный категориальный инструмент артикулирует историческую память социальной системы в качестве теоретического конструкта, с помощью которого категории отражают реальные константы прошлых состояний социальных систем. В своём прошлом человек накапливал и модернизировал многочисленные практики освоения реальных объектов как материального, так и духовного плана. Возникающие при этом взаимодействия людей по поводу освоения этих объектов носили не только статистический, но и динамический характер, что позволяет говорить о процессуальном основании исторической памяти в социальных системах. В рамках процессуальности историческая память развертывает социальное бытие в пространственно-временных образах мира. Таким образом, историческая память в социальных системах обеспечивала процесс продления жизни не только посредством одноактных действий отдельных акторов, но через взаимодействие всех элементов жизнедеятельности социума. Это гарантировало процесс хранения, воспроизводства и актуализации любой социальной системы в целом.

Но, как известно, категориальные единицы «процесса», «состояния» и «качества» результативно работали в методологии классической рациональности, которая была востребована в фундаментальных исследованиях предельных оснований мира. Гносеологический сценарий этих исследований содержал принцип творческого взаимодействия объекта и субъекта в познавательной деятельности.

Сегодня масштабированный интерес к исследованию искусственных объектов изменил не только этот сценарий, но и содержательную предметность самого

знания. Поясним, что имеется в виду. В отличие от исследования природного объекта, где на выходе мы получаем знания, содержащие допущения объектно-субъектного взаимодействия, современная методология резко «качнулась» в сторону признания субъективности как единственно реальной константы миропорядка. Это привело к антропологическому перевороту в методологии познания, как природного, так и социального. Соответственно появилась необходимость в иной организации способов видения реальности. Это обстоятельство отразилось в построении общей теории памяти. Та методологическая установка, которая объясняла динамику развития социальных систем с позиции упорядоченного универсализма, больше не удовлетворяла аналитические запросы исследователей исторической памяти. Многие учёные подвергают сомнению сам онтологический статус исторической памяти как ресурсного креатора, который обеспечивает актуализацию непрерывности и самопроизводства социальных систем. Другими словами, традиционную сетку категорий необходимо адаптировать к новым реалиям мира, чтобы с их помощью можно было уточнять акторные возможности исторической памяти.

В результате проделанной адаптационной работы появились методологические процедуры, способные организовать такой понятийный аппарат, с помощью которого можно описывать процессы смыслообразования и смыслообразующих действий в любых структурах социального. Та сетка категорий, что изучала общую логику развития любых систем в её цикличности, линейности и детерминированности отдельных изменений, отошла на задний план. На передний план в методологии познания социального вышли когнитивные единицы концептов и нарративов. Когнитивная сетка нарратива и концепта артикулирует вектор гносеологических усилий не на анализ сущности объекта или предмета, а на изучение события. Причём это событие должно быть представлено не в поле пространственно-временных координат, а существовать в качестве экзистенциально наполненного смысла или текстуального рассказа о событии.

Понятно, что в этой ситуации историческая память изменяет свой статус объективного и «строгого» конфигуранта исторических событий, который по вы-

бору реконструирует то или иное состояние прошлого. Этот статус исторической памяти рассеивается мозаичным разнообразием смысловых контекстов. В гносеологическом плане, практически, сходит на нет роль исторической памяти как хранителя и транслятора предметной формы знания. И если в рамках неклассической философии теоретический конструкт исторической памяти социума ещё способен сохранять хоть какую-то дистанцию между предметом и субъектом познания, что позволяло исторической памяти организовывать систему реальных образцов прошлого, то в постмодернистской методологии ситуация резко меняется. В исследовательских программах постмодернизма конфигурация любой реальной предметности замещается консенсумом симулякров, онтология которых выражает принципиальное несогласие с любой реальностью, что содержит хоть какой-то намёк на существование объективной константности. Субъективация реальности становится своего рода «нитью Ариадны» знания, которая выводит современного исследователя из эвристических пещер классических парадигм познавательной деятельности. Но масштабирование роли субъективной реальности в жизни общества не привело к «когнитивному разлому» в гносеологии. Наоборот, необратимый процесс поисков успешной адаптации понятийного и методологического инструментария к новым реалиям продолжался. На смену традиционному, консервативному, с точки зрения современного исследователя, категориальному аппарату стала внедряться иная система понятий и новый методологический инструментарий. Объединившись, они предложили собственные критерии и логику описания тех процессов и событий, что происходят в социальном сущем. Так появился понятийный аппарат концептов, которые в методологическом плане не были «зациклены» на анализе единого, упорядоченного, иерархического континуума. Оперативно вычленяя многослойность ментальных представлений в способах описания, как прошлого, так и настоящего социальной системы, концепты всё же в своём основании сохраняли онтологичность. Эта онтологичность проявлялась в заданной установке на существование общей схематики бытийности субъективного при анализе социальных трансформаций. С другой стороны, система концептов, надевая одежды субъективного, заставляла исследователя переходить от одного уровня

описания прошлого к другому в режиме персонализации событий прошлого с позиций собственных предпочтений. Позиция собственного предпочтения и выбирает ту точку пространства, с которой учёный начинает конфигурировать прошлое. Соответственно историческая память общества, репрезентативная концептами, стала заполняться структурными единицами ментальных образов значений и переживаний. Для наглядности актуализируем наиболее «знаковые» концепты исторической памяти. Итак, историческая память – это «чувство прошлого» (Р. Джонсон), «диалог создания значения» (П. Нора), «символическое представление о прошлом в контексте социальных действий» (Д. Нерон), «внегенетическая память человечества» (Д. Лихачёв, Ю. Лотман), «ностальгическое переживание, выстраивающее смысловые цепочки» (Ф. Анкерсмит) и др. Понятно, что данные концептуальные единицы описывают ментальные срезы микропрошлого с вкраплением эмоциональной и психологической составляющей. Конечно, подобный срез прошлого, фиксируемый исторической памятью, представляет определённый интерес.

Наряду с системой концептов в исследовательском поле проблематики социума сегодня активно педалируется методологическая стратагема, претендующая на разработку новой онтологии социального. Позиционирование новой онтологии социального развивается по двум направлениям. В рамках теоретического направления ведутся поиски ответа на вечный вопрос – что такое социальное? В прикладном направлении анализируются те механизмы, с помощью которых что-либо в обществе приобретает характеристику социального⁹⁶. По мнению разработчиков акторно-сетевого подхода, теоретический конструкт общества определяется не посредством другого теоретического конструкта «социальное», а через акторно-сетевую структуру. Эта структура представляет совокупность связей и отношений между акторами (объекты и не-объекты). Так как связи и отношения между различными акторами формирует пространство сети, то и сама сеть может конституировать гибкость любых действий акторов, их перемещения и выбор той или

---

⁹⁶См.: Латур Б. Пересборка социального. Введение в акторно-сетевую теорию. М.: ВШЭ, 382 с.; Аникин Д.А. Топосы социальной памяти в обществе риска. Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 2011. С. 144.

иной точки пространства. Т. е. сеть через действия акторов определяет способ конструирования социального, а само социальное – «...это совокупность связей и отношений между акторами (людьми и не-людьми)»⁹⁷. Да кто бы спорил! Действительно, высказанная позиция отражает те реальные трансформации, с которыми человечество столкнулось сегодня. Современный мир имеет дело с теми вещами, которые изменяют мир быстрее, чем мы этого хотим и предполагаем. При этом продолжает нарастать (как не раз отмечалось) тенденция замены природного мира техносредой. В операционном манипулировании с искусственными объектами и вещами закладывается онтологическое основание алгоритма, формат которого определён прикладным целеполаганием, а результат оценивается с позиции сегодняшнего дня. И содержание этого операционного алгоритма не включает стратегию осмысленного выбора того или иного способа освоения мира. Поэтому характеристика темпоральности становится не модусом развития, а модусом настоящего «здесь и сейчас». Можно согласиться с мнением О.В. Головашиной, которая критически оценивает эту точку зрения за её «высокомерное отношение» к содержанию темпоральности. «Современный человек постоянно переговаривается с разными акторами, от действия которых будут зависеть его передвижения. Время перестаёт течь, оно прыгает от одних сетей к другим, и чем больше объектов, тем быстрее эти прыжки... И чтобы сделать этот мир своим... всё больше требуется переговоров и новых сетей... ускорение замещает возможные модусы времени»⁹⁸. Обобщая сказанное, сделаем вывод, что «пересборка акторов», отодвигая всё дальше границы своих взаимодействий, начинает ограничивать себя отсутствием предела этих взаимодействий, в результате чего взаимодействия начинают настолько рассеиваться, что не поддаются социальной фиксации, а значит, не могут выступать в качестве социального. Поэтому можно согласиться с О.В. Головашиной в том, что не сущность социального определяется сетью

---

⁹⁷ Аникин Д.А. Динамика социальной памяти: сетевые основания [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/dinamika-sotsialnoy-pamyati-setevye-osnovaniya/viewer>

⁹⁸ Головашина О.В. Социальное время: от объектов к концептам // Вояджер: мир и человек. 2017. № 9. С. 141–147.

взаимодействия акторов по поводу объектов, а «объекты, взаимодействуя, формируют сущность времени»⁹⁹.

В целом, поддерживая идеи О.В. Головашиной, которые возвращают на повестку дня анализ сущности и роли темпорального в темпоральных системах, обозначим вопросы. Что скрывается в основаниях темпоральности той или иной социальной системы? Какие временные характеристики исключают человека из природного мира и делают его бытие социальным? Для ответов на поставленные вопросы возвратимся снова к акторно-сетевой теории. Признаем, что согласование акторами «пересборки» социального друг с другом не только поддерживает согласие и солидарность, а значит, сохраняет определённую целостность «здесь и сейчас». Пересборка социального – суть механизма замещения одного объекта другим, в силу чего «...последний становится сущностью первого»¹⁰⁰. Механизм понятен, но современными исследователями «тихо игнорируется» важное обстоятельство: именно существование базовой реальности в её конкретной предметно-духовной форме определяет операционный сценарий замещения одного другим в рамках ситуации «здесь и сейчас». Именно конкретика базовой реальности (материально-культурные возможности этапа развития общества, его пространственно-временные модели, потребности, мотивационные операции освоения мира, архитектура природы и др.) определяет действие механизмов замещения. Например, время церковного колокола и время циферблата часов – это разное социальное время, т. к. взаимодействуют разные объекты, а значит, акторы выстраивают разные взаимодействия. Но в основании действий акторов и их взаимодействий выступает один и тот же природный цикл. Мотивационные различия между потребностью первобытного человека в изготовлении крепкой палицы и потребностью современного человека в приобретении последней марки айфона становятся понятными. В основании этих различий находится базовая реальность – существование предметно-технической возможности общества. Поэтому какие бы музеи современный человек ни посещал, какие бы сети взаимодействия с другими акто-

---

⁹⁹ Головашина О.В. Социальное время: от объектов к концептам С. 147.

¹⁰⁰ Латур Б. Когда вещи дают отпор: возможный вклад «исследований науки» в общественные науки // Социология вещей: сб. ст. М.: Территория будущего, 2006. С. 342–365.

рами по поводу первобытного общества он ни выстраивал, не нужно современному человеку каменное орудие труда или палица! А всемирную компьютерную паутину, несмотря на её амбициозные притязания вытеснить базовую реальность мира, вообще можно ликвидировать, отключив компьютер от электрической сети. Все остальные взаимодействия акторов – интересантов по поводу пересборки пространственных и временных точек социального конструируются сетевыми матрицами. А эти же матрицы, в свою очередь, конституируют согласованные взаимодействия акторов. Т. е. сетевые матрицы как паутинки то отрываются от базовой реальности, свободно парят в пространстве, то циркулируют тонкими потоками внутри базовой реальности. Таким образом, акторы, взаимодействующие друг с другом, способны как формировать субъективно желаемую реальность, полностью оторванную от базовых констант общества, так и учитывать влияние элементов базовой реальности на формирование сетевых взаимодействий. При этом само существование элементов и субъективной, и базовой реальности определяется теми границами, которые обозначенные реальности себе определяют.

Для научной справедливости согласимся, что акторно-сетевой подход при исследовании общества «эпистемологически изящно» отражает те трансформации социального, которые действительно существуют в современном мире. Так, современный мир сталкивается не только с ускоренным производством массы вещей и их избыточным потреблением, но и с ситуацией масштабированного «перевозбуждения» от информации, которую надо узнать и сообщить быстрее всех, раньше всех интерпретировать. В результате общество заполняется не вещами, сущность которых устанавливается соотношением базовых характеристик цена – качество. Общество заполняется образами, имиджами, желаниями. Всё это в совокупности формирует артикуляцию согласования действий акторов. А «перевозбуждение» от ускорения информации замещает мыслительные процессы. Из них постепенно вытесняются познавательные единицы, такие как убеждение, принципы, проверяемость эмпирических фактов, правдивая информация. Им на смену приходят или вариации огромного спектра мнений, или фейковые сценарии событий. Поэтому правдивый анализ события или эмпирического факта легко заменить проце-

дурами интерпретаций. С грустью констатируем, что в современном познавательном арсенале роль эмпирической базы исследований неуклонно снижается, а роль интерпретаций значительно возрастает.

Главная трансформация современного мира связана с ускорением процесса деантропологизации человека. Итогом деантропологизации станет замена антропологической сущности человека биологическими и технологическими конструкциями. Например, известный философ и филолог П.С. Гуревич осмысливает процесс деантропологического переворота как «...авантюру вечной трансформации... произвольной сборки некто в нечто и наоборот»¹⁰¹. Человеческая природно-социальная целостность и ценностное ядро личности расчленяются и демонтируются. При этом личность получает возможность не только самоотождествлять свою субъективность с собой, но и отождествлять себя в качестве любой вещи (объект, артефакт, актант и т. п.). Именно на этих основаниях выстраивается взаимодействие сетей. Таким образом, сетевые основания выступают базой для взаимодействия акторов, которые своими действиями санкционируют расширение границ социального. В результате пересборки социального происходит отождествление различных людей и не-людей в коллективное, согласованное «мы». «Мы» тоже выступает в качестве как индивидуального, так и коллективного актора. Вот так теория акторно-сетевого подхода как раз и выявляет и наглядно демонстрирует реальные трансформации общества. Поэтому не вызывает удивления появление в рамках акторно-сетевого подхода новой онтологии, онтологии сети, где взаимодействия и взаимоотношения акторов предшествуют не только сущности, но и существованию. Получается, что взаимодействие акторов оказывается имплементировано, а сущность и существование – нет. В рамках этой имплементации оппозиция объектно-субъектного и субъектно-объектного отношения к миру снимается. При этом только при условии полного отождествления друг с другом объект и субъект становятся акторами социального и участвуют в процессе сетевых взаимодействий.

---

¹⁰¹Гуревич С.П. Феномен деантропологизации человека // Вопросы философии. 2009. № 3. С. 21.

В русле сказанного частично согласимся с мнением учёного Дж. Ло, который в своей работе «Объекты и пространства» утверждает, что «объект остаётся тем же самым объектом, пока сохраняет своё место в устойчивой сети отношений»¹⁰². То есть любое событие или факт меняет своё место и трансформируется в результате смены отношений в сети. Свою позицию Дж. Ло демонстрирует на примере сравнительного анализа объекта под названием «корабль Тесея», известного ещё со времён античности, и современного космического корабля «Шаттл». Отмечая социальную динамику объекта корабля, автор утверждает, что его идентичность определяется не аутентичностью материала и деталей, из которых он сделан, а тем местом, которое корабль занимает в сетевых взаимодействиях. Большую роль в процедуре поиска идентичности играют устойчивые ассоциации или привычные образы нашего сознания. С их помощью мы имеем возможность идентифицировать какой-то объект с коннотацией «корабль». Согласимся, что сознание человека сохраняет устойчивость образов и ассоциаций, с помощью которых мы можем провести аналогию коннотации «корабль» с конкретным объектом. При этом наше сознание четко отражает динамику изменений реальных элементов и деталей в тех объектах, которые мы называем «кораблём». Но Дж. Ло делает неожиданный вывод: так как в ходе динамических изменений объекта в результате взаимодействия акторов произошло постепенное замещение элементов, которое можно ассоциировать с античным «кораблём Тесея», осталась только коннотация «корабль», а сам объект полностью растворился в прошлом и не может служить основанием для ассоциативного сравнения с космическим «Шаттлом», который существует в настоящем. Отчасти согласимся с доводами учёного Дж. Ло. Для их уточнения детализируем те методологические установки, что имплицитно присутствуют в исследовательских программах акторной сети. Прогноировав эпистемологический запрет этой программы на априорное разведение культуры/природы, человеческого/не-человеческого, микромира/макромира, обратимся к классическим традициям категориального ряда: тождество и различие. Историко-философский дискурс доказал значение этих категорий для выявления

---

¹⁰²Ло Дж. Объекты и пространства // Социологическое обозрение. 2006. Т. 5. № 21. С. 34.

специфики соотношения между объектами и понятиями. Посредством этих категорий была разработана процедура сравнительного анализа сходных и индивидуальных отличительных признаков как внутри самого объекта, так и между разными эмпирическими объектами. Содержательность этой процедуры сводилось к рефлексивному поиску критериальной констатации тождественных признаков и признаков различия в объектах, которые существуют как в локальных, так и в разновременных пространствах. Но негативно-скептическое отношение представителей акторно-сетевого подхода к утверждению о существовании временной последовательности между явлениями свело на нет когнитивную роль «классических категорий» в гносеологии. В онтологии стало постулироваться смешение времён, пространств, акторов, актантов в социальном мире взаимодействующих сетей. Онтологизация гибридности и гетерогенности акторов сети предполагает наличие некоторых допущений, которые включены в разнообразные сценарии конструирования научных фактов и эмпирических объектов нового мира материальной семиотики. При этом задача исследователя меняет собственный аналитический вектор. Процедура поиска критериев, с помощью которых можно констатировать тождественность или различие (неповторимость, уникальность), свелась к процедуре фиксирования пространственного места, которое по согласованному взаимодействию акторов должен занимать тот или иной материальный объект.

В итоге усилия учёных, работающих в сетевом контексте, направлены не на исследования разноплановости отношений между объектами, а на анализ производства отличий, с помощью которых структурируется место объекта в сети взаимодействий. Потом исследуются те «метафизические оттенки» сетей, которые конституируют вектор производства отличий. Отличие, являясь разновидностью категории «различие», не ставит задачу сопоставления реальных признаков объекта с эталонной системой категории в фокусе времени. Отличие чувственно игнорирует реальность и любые её объективно-константные характеристики. Отличие не отражательно ориентировано, а семантически ориентировано. Отличие легитимизирует свою позицию через когнитивные единицы концептуального ряда: представления, схемы, фреймы, гештальт-образы, ассоциации и т. д.

Данные единицы концептуального ряда начинают не только заявлять себя в качестве образцов научного знания, но и претендовать на роль чувственно-практического инструментария, посредством которого можно изменять социальность. С его помощью стало возможным перемещать объекты в разные пространства, обозначать одни предметы через другие, игнорируя при этом их материальные свойства, а также превращать характеристики одного предмета в знак другого.

Данный эпистемологический разворот выводит аналитика социального в исследовательское поле интерпретаций, мнений, ассоциаций, оценок, в рамки контекстов, событий и ситуаций.

Постепенно на первый план выдвигается система концептов, своего рода чувственных категорий, неких «квантов структурного знания»¹⁰³. Эвристическая задача такого концепта не направлена на поиск предельных оснований устойчивых или разнородных признаков у эмпирических объектов. Задача этого концепта связана с «переписыванием» объекта таким образом, чтобы любые его материальные свойства и характеристики «растворились» в переговорных взаимодействиях между акторами. На передний план переговорного процесса выдвигается консенсус по согласованию единой позиции в интерпретационных оценках и нахождению ассоциативных аналогий. Именно интерпретации и аналогии закладываются в механизмы формирования и идентификации объектов. Заметим, что процедура идентификации проводится не на основе алгоритма пространственно-временных отношений между объектами. Она определяется теми местами, которые занимают объекты в сети взаимодействий. При этом пороговая оценка занимаемых мест в сети определяется границами замещения одного объекта другим в отрыве от материального основания объекта. В этом случае приём ассоциативных связей, который должен определять аналогию сходных признаков у объектов, на самом деле выступает эффективным средством отличия, с помощью которого завершается процедура согласования идентификаций. Ещё раз подчеркнём, что процедура идентификации одного объекта с другим осуществляется в рамках пространственных конфигураций. Временные же границы пороговых значений отличия (ко-

---

¹⁰³Кубрякова Е.С. Язык и знание. М.: Языки славянской культуры, 2004. С. 314–316.

торые могли бы фиксировать реальность константных характеристик объекта) по общему умолчанию не принимаются в расчёт.

Сказанное позволяет считать выводы, сделанные Дж. Ло и всеми, кто работает в акторно-сетевой парадигме, философски легитимными. Действительно, если оценка пороговых границ замещения одного объекта другим происходит без учёта констант реальности, то согласимся с тем, что их онтологический статус теряет всякий смысл. Поэтому объект, именуемый кораблем Тесея и отягощённый материальным наполнением в виде деталей элементов, остаётся в прошлом. В прошлое уходит и тот ассоциативный контекст, на фоне которого можно выявить сходство аналогий с другими объектами, называемыми «кораблём». Например, торговый корабль, корабль военно-морского флота, космический корабль, «корабль пустыни» и т. д. И хотя наше сознание способно отождествлять разные объекты с помощью ассоциаций даже при условии разрыва пространственных мест прошлого и будущего, в ситуации настоящего объект, не имеющий эмпирического наполнения, представляется исследователями в форме оценочно-эмоциональной коннотации. Сам же принцип коннотации, попав в семантическое поле взаимодействия акторов, превращается в инструментальный способ определения нужного места объекта в сети. Но метафизическая сущность корабля как объекта не сводится только к детанированному обозначению его в названии (имени). Если в сетевых взаимодействиях актуализация места объекта определяется как переменная величина гибритизации начала и конца проявления объекта, то метафизические измерения актуализируют сущностные способности объекта как творческого способа освоения и преобразования мира. Объект-корабль в данном аспекте проявляет свой экзистенциальный потенциал, направленный на расширение пространственно-временных границ бытия человека. Накопленный при этом опыт ассоциативных рядов помогает провести аналогию между объектом «корабль» и человеком, выполняющим свою метафизическую миссию временного бытия. Это способ на все времена. С его помощью человек раздвигает границы своего существования

и выполняет глобальную задачу «...вечного преодоления природной ограниченности и компенсации собственной изначальной неспециализированности»¹⁰⁴.

Для перманентного выполнения заявленной задачи человек использует историческую память в качестве модератора, регулирующего самопроизводство любой социальной системы путём взаимодействия общественных субъектов с предметной средой. В результате такого взаимодействия появляются рефлексивные и экзистенциальные жизненные практики в любом социальном оформлении, будь то коллективная, родовая, биографическая память или «память мира». В завершение актуализируем вывод о том, что онтологичность исторической памяти социума проявляется триадно. С одной стороны, историческая память социальной системы латентно содержит и артикулирует свойства любых живых систем воспроизводить и сохранять себя посредством тех или иных состояний прошлого. Только социальные системы сохраняют и продлевают своё бытие через совершенствование разнообразных форм человеческой деятельности, которая определяет векторный сценарий предметных отношений с миром. В данном аспекте историческая память социума – онтологически процессуальна, т. к. обеспечивает фундаментальные характеристики человеческого существования во времени. С другой стороны, историческая память общества выступает ипостасью социальной памяти. В этом аспекте историческая память является сложным культурно-многослойным конструктом, который тематизирует не только бытийные этапы жизни людей и их воспоминания о прошлом, но и представления человека о самом себе в настоящем с проективным выходом на будущее. Ещё раз напомним, что в отличие от природных живых систем в обществе действуют люди со своими ценностями, оценками, мотивацией и т. д. Поэтому любые жизненные процессы, в том числе и процессы воспоминания людей, реализуются через действие – символическую единицу деятельности.

В современном философском поле исторической/социальной памяти дискурс действия как конструирующей способности субъекта переформатировать

---

¹⁰⁴Плеснер Р. Ступени органического и человек // Проблемы человека в западной цивилизации. – М.: Прогресс, 1989. С. 128.

своё прошлое наиболее ярко представлен в рамках топологического подхода. Топологизм акцентирует внимание на анализе коммеморативных практик. Реализуясь, эти практики сводят содержание исторической памяти социума к описанию фактов и событий прошлого по лекалам концептуальной схематики, априорно лишённой объективной предметности прошлого. Предметность прошлого в этом случае встаёт перед глазами субъекта как пространство текста или пространственное место памяти. Но смысловые пространственные характеристики текста и топосы памяти не способны создавать субстанциональную онтологию исторической памяти в принципе, так как исключается фактор темпоральности. Выходя за пределы реальной предметности, историческая память становится способной лишь нарратировать и концептуализировать места в пространстве. Выражаясь поэтическим языком, скажем, что историческая память лишь вышивает узорный покров событий, контуры которых способен намётывать каждый желающий.

Заметим, что методологические принципы плюрализма, конструктивизма и топологизма расширяют границы эпистемологической свободы для доступа к нашему прошлому. Но при этом не следует забывать, что современный культурный «...разлом в основаниях и принципах идентичности...»¹⁰⁵ и навязчивые попытки сохранить себя только в настоящем «Я» постепенно приводят к рассеиванию временной глубины исторической памяти и дроблению её пластов на отдельные места памяти. Согласимся с тонким замечанием российского философа Д.В. Гарбузова: «...если за человеком ничего не стоит, ни Бог, ни история рода, если он представляет самого себя и у него нет корней в мире, то что может заставить Другого признать ценность его жизни? Человек, за которым ничего и ничто не стоит, и сам ничего не стоит. Если убрать такого индивида из мира, то там ничего даже не шелохнётся, лишь освободится пустое пространство»¹⁰⁶. Добавим, что в процессе сохранения себя в исторической памяти важна роль творческих способностей, которые реализует человек. Именно через творческую деятельность человек опредмечивает и распредмечивает результаты своего существова-

---

¹⁰⁵ См.: Аникин Д.А. Топология коллективной памяти: от социальных рисков к цивилизационным вызовам. Саратов: Наука, 2016. – С. 38–41.

¹⁰⁶ Гарбузов Д.В. Антропология времени: монография. Волгоград: Изд-во ВолГУ, 2008. С. 188. 355 с.

ния, коммуницируя себя в социальные и межличностные интеракции. Известно, что в результатах человеческой деятельности, как материальной, так и духовной, содержится содержательная структура культурно-генетического кода общества. В рамках этого кода осязаемые облики бытия персонифицируются в творениях великих гениев или в уникальной неповторимости конкретных эпох. И в этом контексте историческая память социума есть не «блеклый» след истории, что тоскливо размывает все смыслы творческой жизненности, а сама жизнь, живое свидетельство красоты и стойкости человеческого духа, включённого в струящийся поток вечного времени.

Что касается философско-культурологических дискурсов, так или иначе затрагивающих проблематику исторической памяти во всех её социальных проявлениях, то эти дискурсы диагностируют разные онтологические схемы мира и соответствующие им каркасы категориальных построений. При этом вдумчивый аналитик прекрасно осознаёт всю палитру условных допущений при взаимодействии тех методик, которые по-разному трактуют реальность и способы её существования. Любой исследователь «метафизически» способен признать наличие глубинно-сущностных оснований мира в целом как непрерывное развитие многоликих систем. Эта глубинная, часто неосознанная установка позволяет исследователю обнаружить «метафизические точки» присутствия принципов логоцентризма и бинарности не только в программе традиционной философии, но и в постмодернистской рефлексии, придающей, как известно, существующим нарративам оттенок онтологичности. Постепенно приходится признать: из того факта, что текст нарратива творчески копирует, отражает реалии мира, не следует, что мир не поддаётся научному осмыслению. Как остроумно заметил И.В. Дёмин, из того, «...что сущее существует для человека текстуально, вовсе не следует того, что невозможно научное познание истины»¹⁰⁷.

Но современные социально-философские модели конструктивизма, отказавшись от статуса корреспондентской истины, предлагают в качестве альтернативы модель «нормативного релятивизма», в рамках которого размываются эври-

---

¹⁰⁷Дёмин И.В. Семиотика истории и герменевтика исторического опыта. С. 271.

стические границы между онтологией и гносеологией как в социальном, так и в историческом познании. В результате на первый план аналитических исследований исторической памяти выдвигается концепт «след», ставший «нитью Ариадны» для современной эпистемологии истории, которая переносит акцент исследования на осмысление алгоритма конструирования исторических топосов памяти. При этом вся совокупность конкретных факторов (геополитических, культурных, философских, психологических и т. д.) влияет на сознание учёного, определяя при этом доминирующий вектор конструирования. С этим особо никто не спорит, всем известно, что контекст конкретной эпохи всегда влиял на мировоззрение учёного и его познавательные установки. Другое дело, если речь идёт о степени соотношения абсолютного или относительного влияния. Ведь если бы влияние факторов всегда носило абсолютный характер, то было бы затруднительно объяснить так называемый «эффект опережения своей эпохи», которым владели все гении научной мысли. Но призывы «нормативного релятивизма» к абсолютизации влияния контекста, совокупности факторов на исследовательские позиции историков философии»¹⁰⁸ не меняют того обстоятельства, что учёный в собственном сознании не способен провести черту между своими задачами научного поиска и той системой факторов, что могут изменить конфигурацию исследования. Любой здравомыслящий аналитик с лёгкостью обозначит границу между эмпирической базой изучаемых фактов, событий прошлого и наслоенными интерпретациями, заказанными кем-то конструкциями прошлого. Это возможно сделать хотя бы в рамках здравого смысла. Согласимся с мнением, что современный релятивизм – это не завершённая концепция, а скорее «ловушка соблазна»¹⁰⁹ для исследователя. Поэтому лучше не заикливаться на нелепостях современного релятивизма в историческом познании, который не только предлагает произвольный выбор между конкурирующими теориями историческими процесса, но и не желает хоть как-то выйти из «гносеологического тупика», связанного с отождествлением двух исследовательских операций. Первая операция связана с вычленением предметной реальности

---

¹⁰⁸ См.: Буллер А. Введение в теорию истории. М.: Наука, 2013. С. 12–13.

¹⁰⁹ Левин Г.Д. Философские категории в современном дискурсе. М.: Логос, 2017. С. 152.

прошлого и актуализацией исторической памятью этой предметности. Вторая операция связана с анализом того, как с помощью психологических процедур историческая память восстанавливает образы прошлого. При этом некорректной с точки зрения норм научности будет канонизация роли психологической процедуры как абсолютного значения в исследовании состояния прошлого социальной системы. Выходом из «гносеологического тупика» может стать программа «гносеологического равноправия» категориального и концептуального инструментария, направленная на позитивную координацию методологических установок исторической памяти в социальных системах общества. Как известно, любая традиционная категория, отражая реально существующие связи и отношения, способна организовывать предметность знания о прошлом, что впоследствии актуализирует методологический ресурс исторической памяти. Современная система концептов, не совпадая по принципиальным моментам с классическими философскими категориями, тем не менее, способна зафиксировать онтологическую специфику современных социальных трансформаций, что также актуализирует методологический ресурс исторической памяти. Другими словами, для адекватного отражения динамических процессов взаимосвязи прошлого, настоящего и будущего методологический ресурс исторической памяти успешно использует эвристические преимущества традиционной сетки классических категорий. Но эти же процессы, трактуемые историками как смена исторических событий и фактов, можно описывать с помощью нарративов, которые в «чистом» виде, т. е. очищенном от эмпирических наслоений, присутствуют в пространстве как «...отдельные, не связанные между собой процессы мутаций и трансформаций»¹¹⁰. В этом случае методологический ресурс исторической памяти направлен не на актуализацию сохранения оснований для развития социальной системы во временном аспекте. Здесь историческая память действительно представляет лишь след прошлого в пространственных точках «здесь и сейчас». Эти точки, культурно оформленные как места исторической памяти, в рамках повествования оказываются лишь «...историографическими фикциями. Ресурс социальной памяти как репрезента-

---

¹¹⁰Хапаева Д. Прошлое как вызов истории // Франция – Память. СПб.: Изд-во С.-Петербург. ун-та, 1999. – С. 312.

ция прошлого в настоящем играет промежуточную роль», – отмечает Д.А. Аникин¹¹¹.

Разница в трактовках исторического процесса как системной целостности или хаотичного нагромождения фактов и событий (как считают многие историки) не делает их непримиримыми. Просто в современном мире присутствует взаимодействие монистического и плюралистического бытия, или, другими словами, «...прямое бытие, которое растёт от многого к единому, и обратное бытие, растущее от единого ко многому»¹¹². Поэтому союз категориального и концептуального инструментария может стать плодотворным для работы с историческим прошлым. Сказанное подтвердим использованием категориального ряда *общее – особенное – единичное* в сравнительном анализе различных видов памяти: культурная, коммуникативная, постпамять и др. Например, в мире так называемого «обратного бытия», где первична онтология единого, исследователь с помощью категории «общее» выделяет принцип универсальности как канонизации текстов в ячейках культурной памяти. Как известно, текстовые поведенческие каноны репрезентированы мифологемами и эпосами. В коммуникативной памяти категория «особенное» помогает выявлять специфику уникальных и вариативных воспоминаний одного поколения о конкретном событии, преломляя их через призму канонизации прошлого. И, наконец, с помощью категории «единое» в ячейках «постпамяти» обнаруживаются самостоятельно существующие травматические переживания в пространстве личной биографии человека. И при этом эти переживания могут превратиться в новый универсально-канонический образ прошлого и снова самостоятельно существовать в поведенческих практиках целого поколения.

Таким образом, при сравнении онтологии «прямого и обратного» социального бытия используется интегративный опыт категориального и концептуального инструментария как эффективного методологического ресурса исторической памяти. Методологическую роль концептов «след», «сети», «потoki», «акторы», с помощью которых исследуется реальность прошлого, можно усилить методоло-

---

¹¹¹Аникин Д.А. Топология коллективной памяти: от социальных рисков к цивилизационным вызовам. Саратов: Наука, 2016. – С. 43.

¹¹²Моисеев И.В., Войцехович В.М. Кризис в науке. Что делать? // Вестник РФО. 2018. № 2. С. 46.

гией традиционных категорий. С другой стороны, феномен «избирательности» исторической памяти общества, регулирующий культурное разнообразие её сюжетов и образов, учёный правомерно корреспондирует единицами концепта.

Сделаем выводы:

1. Картина социального мира всегда наполнена смыслами, целями и значениями, через призму которых историческая память осмысляет «судьбы социального существа» через соотношение бытия и забвения.

2. Методологические ресурсы исторической памяти адаптируют интегральный опыт категориального и концептуального инструментария в решении тех задач, которые стоят перед современными теориями исторического познания.

3. С помощью традиционной сетки категорий не только осмысливаются механизмы транслирования и забвения в проекции социальных трансформаций, но и обосновывается классификационная структура видов памяти. Когнитивные единицы концептов исследуют избирательность исторической памяти в фокусе переживаний и воспоминаний каждого поколения, раскрывая тем самым всю уникальность индивидуальных историй.

§2. Классификационная структура и содержание исторической памяти общества

Проблематика социально-онтологических измерений исторической памяти позволяет выявить единство бытийных оснований у природных и социальных систем и тематизировать смысловую значимость любых взаимодействий внутри общества. При этом проявляется ресурсная способность исторической памяти общества погружаться как в линейное, так и в нелинейное время. Это позволяет исторической памяти проводить актуализацию прошлого, настоящего и будущего. Анализируя эти взаимосвязи, известный маститый методолог исторического познания А. Ассман отмечает, что историческая память приобретает особую значимость не в свете прошлого и настоящего, а в свете будущего, при этом особый акцент ставится на то, как в будущем может быть представлено настоящее и про-

шное¹¹³. «Иными словами, – завершает сказанное В.Г. Федотова в рамках дискуссионного обсуждения избранных трудов В.С. Стёпина, – речь идёт о том, что, планируя настоящее и будущее, мы реконструируем прошлое, создавая традиции, соответствующие нашим новым планам»¹¹⁴.

Известно, что приоритет выбора методологического инструментария (например, соответствующей сетки категорий или концептуальных единиц) в процессе реконструирования исторической памяти «следов прошлого», повторяющихся состояний системы и т.п. определён, как правило, онтологической схематикой социального мира, которая содержит его предельное основание. Ранее было замечено, что в зависимости от того, какая схема социального содержится в голове исследователя, работающего с проблематикой исторической памяти, зависит формирование его эпистемологических установок и набор методологического инструментария. Если образы социального мира содержат реально-эмпирические характеристики социальных объектов как результатов человеческой деятельности, то эти образы можно смело эксплицировать сеткой таких классических категорий, как часть и целое, вещи и процессы, пространство и время. Если же образы социального мира представляют набор мыслительных конструкторов, замещающих характеристики объектов, то эти образы с успехом можно исследовать с помощью системы концептуальных единиц: акторы, симулякры, различение, исторический опыт т. д. Поэтому проблематизация статуса исторической памяти общества как рангового таксона в структуре квалификационного описания общей теории памяти во многом определяется бытием той социальной предметности, которую историческая память «впитывает», сохраняет, транслирует и актуализирует.

Подчеркнём, что вариации социальной предметности как фрагменты и состояния прошлого историческая память общества воссоздаёт с помощью процедур интерпретаций. А так как по устоявшейся философской традиции любая эмпири-

---

¹¹³ См.: Ассман А. Распалась связь времён? Взлёт и падение темпорального режима Модерна / пер. с нем. Б. Хлебникова; пер. англ. цитат Д. Тимофеева. М.: Новое литературное обозрение, 2017.

¹¹⁴ Федотова В.Г. Анализ структуры и динамики науки в социокультурном контексте. Материалы обсуждения избранных трудов В.С. Стёпина // Вопросы философии. 2017. С. 22.

ческая предметность в социуме существует как результат деятельности индивидуального или коллективного субъекта, то, по меткому замечанию известного отечественного философа В.С. Библера, любой социальный предмет есть воспроизведение чего-то. И, как следствие сказанному, получается, что историческая память общества не «...отражает, а отображает, создаёт и передаёт образы социального мира»¹¹⁵. Именно отображение, а не отражение выступило когнитивной основой для создания идеализированных мыслительных конструкций социальной предметности. Но процесс интерпретации – процессу интерпретации рознь! В одном случае в рамках процедуры интерпретаций осуществляется тенденция отождествления прошлого с настоящим. В результате этого исторической памяти в лице индивидуального или коллективного субъекта отводится роль лишь актуализатора настоящего в качестве наличного бытия. В другом случае результатом интерпретации является отождествление предметности реального прошлого с концептуализацией прошлого, т. е. с представлением учёного о самом прошлом. В этом случае делается вывод о том, что прошлое нам не дано и поэтому становятся бессмысленными всякие разговоры о прошлом как наличном бытии настоящего. Исследователь в обоих случаях сталкивается с такой формой интерпретации социального, в рамках которой любые идеально сконструированные образы социальной предметности прошлого выступают в качестве конвенций, принятых на основе идеологических, геополитических и личностно-психологических соглашений. В результате методологический ресурс исторической памяти направлен не на обоснование продолжения жизни (в духовном, материальном, биографическом плане), а на обслуживание идеологического заказа государства или статусной группы.

Отметим, что рассмотренные идеализированные конструкции прошлого презентатируют идею разорванного или внутреннего времени, во власти которого оказывается вся предметность прошлого социального мира. Но прошлое ведь обнаруживается лишь только там, где происходит изменение во времени. Но любое

---

¹¹⁵Левин Г.Д. Принципы сохранения и монизма как методологическая основа методологии // Вопросы философии. 2017. № 12. С. 99.

изменение само по себе не исключает наличия в изменённом предмете либо прямых элементов прошлого, либо культурно-генетически связанных с ним процессуальных элементов прошлого. Например, возьмём известный памятник древней истории – знаменитую пирамиду Хеопса. Она является признанным всеми памятником предметной культуры человечества. Внутренняя присущая этому памятнику временная длительность позволяет идентифицировать пирамиду как предмет далёкого прошлого (с точки зрения астрономического времени). Но с другой стороны этот памятник существует и в настоящем. С этой точки зрения нелепо, например, говорить о том, что пирамида Хеопса есть только «след» далёкого прошлого, его символический осколок. Несмотря на значительные изменения и разрушения, накопленные в течение нескольких тысячелетий, это сооружение остаётся генетически тождественным самому себе: в нём как бы сохраняется связь времён – настоящего и прошлого. В этих случаях «прошлое» оказывается обладающим практически той же степенью наличного бытия, что и настоящее, которое никто не станет отождествлять с проекцией на реальность собственных концептуальных представлений об истории.

Но если рассматривать пирамиду Хеопса как феномен культуры, то в своём культурном качестве пирамида претерпела радикальные исторические трансформации. Прежде всего изменилась культурная функция этого творения древнего зодчества. Сегодня египетские пирамиды несут в себе совсем другой культурный смысл, т. к. символические функции этого памятника обусловлены ценностными ориентациями современного мира.

Таким образом, в определённом отношении, а именно в вещественном своём содержании пирамида Хеопса является осязаемым прошлым, которое налично как бытие сегодня. В другом отношении, в качестве культурного феномена, пирамида утратила безвозвратно многие свои специфические функции, например религиозные, культовые и т. д. И в этом качестве прошлое пирамиды Хеопса объективно нам не дано. Оно (это прошлое) может быть мысленно реконструировано на основе определённых доступных нам источников.

Вышеизложенное позволяет сделать вывод, что историческая память общества выступает интересантом в развёртывании сущностных сил человека на основе опыта предметной деятельности прошлых поколений. Результатом предметной деятельности в истории выступают различные предметы и технологии материальной культуры. Отметим, что временные аспекты освоения «прошлого бытия» присутствуют не только в предметах материальной культуры, но и в инструкциях, правилах и нормах, регламентирующие их производство. Изучение этих источников, инструкций помогает исследователю с помощью мыслительных форм идеализации реконструировать те «следы прошлого», что непосредственно нам не даны. Но оказалось, что в собственных языковых структурах текста можно обнаружить присутствие «следов прошлого» как реально существующей предметности. И дело, конечно, не только в базовом постоянстве собственной графической структуры текста. Всегда необходимо учитывать семантические аспекты текста, которые, как всем известно, во временном ракурсе зависят от изменений в содержании социокультурного контекста. При этом само содержание социокультурного контекста регулярно подвергается «круговороту» реинтерпретации, т. е. процессу постоянного смыслового перенесения тех или иных элементов текстовой структуры на предметную реальность. Следует заметить, что сама возможность реинтерпретации текста покоится на определённом постоянстве, тождестве семантической структуры употребляемых как сегодня, так и в прошлом одноимённых языков. Способность и умение лингвистического перевода текста древнего письменного источника свидетельствует о том, что в постоянстве и тождестве семантической структуры скрывается не только представление о прошлом как идеальной конструкции, но и социальная объективность предметности прошлого. Таким образом, предметность прошлого как отражённая реальность может существовать не только в материальной культуре, но и в письменных источниках. И даже эпистемологическая изящность утверждения о том, что реальный статус бытия предмета определяется не столько его внутренней самостью, сколько контекстом связей системы, в которой он прибывает, не сви-

детельствует о фиктивной наличности предметного мира прошлого. Например, вся история науки показывает, что сама научная мысль всегда существует в объективированных предметных формах научного текста, содержание которого оставалось неизменным в потоке текущего времени. Так, труды И. Ньютона в контексте его эпохи имели иное влияние на современников, чем на живущих сегодня. Но разве из этого следует, что разрыв с контекстом эпохи Ньютона привёл к тому, что научная значимость его идей канула в Лету и существует лишь в представлении историков науки? Конечно, определённые свойства объектов, и даже их символические характеристики под влияние обстоятельств исчезают, растворяются в прошлом. В этом случае эти свойства и характеристики объекта становятся сегодня актуально не существующими. Но, во-первых, эти процессы происходят не всегда и не со всякими объектами. Во-вторых, историческая память науки как элемент общей памяти всегда будет хранить и транслировать во времени сам статус научной мысли как предметной формы научного текста. Данная установка позволяет исследователю с оптимизмом дать оценку значимого парадокса постметафизической философии истории. Известно, что этот парадокс в теоретико-методологическом плане выводит аналитика на идею о «конце истории» и постистории¹¹⁶.

Обобщая вышеизложенное, сделаем вывод: историческая память общества успешно «помятует» прошлое через организованные мыслительные операции, например интерпретацию, которая способна как отображать предметную реальность прошлого, так и содержать его «чистые конструкты».

В связи с этим попробуем ответить на вопрос: целостное состояние или фрагмент социального прошлого реконструируется или конструируется учёным в процессе его интерпретационной работы с прошлым? Выскажем гипотезу, что демаркационный водораздел между реконструированием и конструированием событий прошлого определяется конечным результатом процедуры интерпретации как способа мышления. Если в ходе интерпретации смысловую нагруженность

---

¹¹⁶См. подробнее: Дёмин И.В. Семиотика истории и герменевтика исторического опыта. Монография. Самара: Изд-во Самар. гуманитар. академии, 2017. С. 39.

события, письменного источника или исторического факта удаётся соотнести с объективными параметрами предметной реальности прошлого и при этом верифицировать это соотношение сохранившимися предметами быта, технологическими стандартами, культурными традициями и ритуалами, то реконструирование прошлого в его конкретном многообразии возможно. Через призму единого многообразия в рамках конкретной исторической эпохи можно реконструировать даже поведенческие сценарии людей и их способы отношения с миром.

Но если процесс интерпретации направляется на установление соответствия одних значений и смыслов другим значениям и смыслам, при этом исходный смысл события или факта становится отправной точкой, основанием для другой интерпретации этого же события, то в этом случае исследователь «смело конструирует прошлое». Для подтверждения сказанного проведём сравнительный анализ реконструирования и конструирования одних и тех же исторических событийных матриц на примере отечественного сериала «Золотая Орда» режиссера Тимура Алпатова (см. таблицу).

Сравнительный анализ разных способов восстановления прошлых исторических событий показал доминирующую роль вымысла, различных придумок, собственных фантазий, которые презентатируются как реально существующие структурные элементы той или иной событийной матрицы.

Сравнительный анализ

Конструкция	Реконструкция
<i>Событийная матрица: Бунт против орды</i>	
Один из главных героев – великий князь Владимирский Ярослав хочет сбросить гнёт ига Золотой Орды со своего народа.	Ярослав – персонаж <i>вымышленный</i> . Но многие русские князья периодически хотели выйти из Орды. Например, два брата Александра Невского, которых подбил на бунт Даниил Галицкий. Причём это восстание произошло в тот момент, когда Невский находился в Орде. Но он имел настолько высокий авторитет, что смог убедить монголов, что сам разберётся с этой ситуацией, и тем самым уберёт Русь от большого кровопролития.
<i>Событийная матрица: Брак с замужней женщиной</i>	
Хан Менгу-Темир должен угнать в Орду тысячи русских воинов, но готов довольствоваться частью, если ему отдадут княгиню Устинью.	Ни один русский князь <i>никогда не отдавал</i> свою законную жену татарским ханам. Причём не из-за гордости, а потому что таинство брака чтилось как на Руси, так и в Монголии. К слову, если на Руси был скрытый матриархат, то в Монголии он царил в открытую. Супруги правителей сидели рядом с мужьями во время дипломатических переговоров, давая им советы. Например, жена хана Батыя сыграла огромную роль в Орде.

<i>Событийная матрица: Гаремы монголов</i>	
Угнанную в Орду Устинью клеймят на чужбине.	<i>В Орде не клеймили наложниц.</i> Там всегда с уважением относились к женщинам. Когда один из ханов убил вдову своего предшественника, против него поднялись все подданные. <i>Гаремов как таковых в то время не было.</i> Хан имел одну жену и наложниц. Например, у Чингисхана был целый городок женщин, которых ему присылали подданные. Он не мог отказываться от таких «подарков», но и не имел права официально объявить их жёнами.
<i>Событийная матрица: Отношения между народами</i>	
Народ не принимает чужестранку Наргиз и восстаёт против князя Ярослава. Девушку нарекают ведьмой.	<i>Это чистая выдумка.</i> У русских, как и у татар, не было национализма в сегодняшнем понимании этого слова. Более того, при Александре Невском молодой князь Ростовский влюбился в ордынскую татарку и привёз её домой. Родные поначалу были против, но девушка крестилась, приняв православие, вышла замуж и после этого стала полноправным членом семьи. Есть примеры, когда монголы женились на наших женщинах и принимали православие.
<i>Событийная матрица: Грозные правители</i>	
Великий хан Золотой Орды Берке – неоднозначный персонаж.	<i>Это собирательный образ,</i> как и образ Менгу-Темира. У любых народов есть как добрые правители, так и беспощадные (таким у нас был Иван Грозный). Один из ханов, приняв ислам, заставлял других обратиться в религию. <i>Сама мысль заставлять верить по-другому считалась в монгольском обществе дикой и нелепой.</i>
<i>Событийная матрица: Восточная роскошь и славянская скромность</i>	
Хан Берке живёт в роскошном дворце, а Ярослав – в скромных деревянных хоромах. Монголы купаются в роскоши и золоте, а русские ведут аскетичный образ жизни.	<i>Было действительно так.</i> Славяне спокойно относились к жилью. Делали его удобным и украшали по минимуму. Каменных домов они в принципе не строили – в них в нашей полосе холодно. А у монголов – напротив, каменное жильё было в моде. Зато русские любили наряжаться сами (это показано и в сериале). По идее в любой день могла возникнуть необходимость переезда, поэтому всё своё должно было быть на хозяевах. <i>И жёны русских князей не вешали ковры на стены, а украшали себя.</i> ¹¹⁷

Ради справедливости отметим, что не во всякой конструкции встречаются только вымыслы. Многие конструкции, восстанавливая прошлое, выражают озабоченность поиском соответствия между придуманными образами и реальностью исторических событий – это заметно и в сериале «Золотая Орда». Но часто, особенно в художественном творчестве, приходится иметь дело с «абсолютным конструктом», т. е. вымысел полностью замещает реальность прошлого. Например, в фильме «Миллион лет до нашей эры» 1966 года режиссёра Дона Чэффи (Англия, Seven art – hammer 20-th century fox) наблюдается полное смешение исторических и геологических эпох. Так, в сюжете фильма, посвящённого жизни первобытной общины, симпатичные блондинки и брюнетки-кроманьонки бегают

¹¹⁷ «Золотая Орда»: могла ли княгиня стать наложницей гарема [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.wday.ru/stil-zhizny/kultura/zolotaya-orda-mogla-li-knyaginya-stat-nalojnitsey-garema/>

со взбитыми причёсками, усердно укреплёнными лаком, с ухоженным маникюром на руках, сумочками-ракушками с изысканными кожаными ремешками на плечах. Эта бегодня разворачивается на фоне борьбы за существование между алозабрами, мегалозабрами, птеродактилями и шерстистыми мамонтами, которые вообще-то жили в разные геологические эпохи: юрский – меловой (мезозойская эра) – ледниковый период (кайнозойская эра). Данный фильм – пример «чистой конструкции», т. е. конкретная историческая ситуация очищена от любой предметной реальности. Но некоторые фильмы стараются показывать исторические события, бережно реконструируя в своих сюжетах реальные исторические элементы прошлого. Можно назвать фильм «Последний неандерталец» 2010 г. (адаптация романа М. Клапчински) режиссёра Ж. Малатье (Франция, UGC France 2 Cinema).

Проведённый анализ интерпретационной работы событийными и фактологическими смыслами выявил по крайней мере три способа возможного восстановления исторической целостности прошлого:

1. Вариант реконструкции, результатом которого является найденное соотношение внешней и внутренней сторон исторического события (Р. Коллингвуд)¹¹⁸, – другими словами, выявленная взаимосвязь между «объективным» и «субъективным» и верификация этой взаимосвязи.

2. Вариант конструирования, результатом которого является найденное соотношение различных контуров мыслительных структур (часто в форме идеализации). Основанием этих мыслей и форм выступают априорные когнитивные, лингвистические, аксиологические структуры.

3. Смешанный вариант конструкции / реконструкции, результатом которого является «относительное примирение» оппозиции: предметная реальность – чистая конструкция.

Учёный, работающий с процедурами интерпретации, часто встречается ещё с одним способом описания прошлого – условно назовём его «исторической фейк-реконструкцией». Её содержанием является осознанная или бессознательная

---

¹¹⁸Известно, что автор провёл различия между внешней и внутренней сторонами исторического события. См.: Коллингвуд Р.Дж. Идея истории: Автобиография. М.: Наука, 1980. 485 с. С. 202–203.

фальсификация исторического события или факта. Мотивация этой фальсификации поражает своим многообразием. Можно встретиться с идеологической мотивацией, мотивацией материального вознаграждения, стремлением повысить свой авторитет или имидж, искренним заблуждением. Ярким примером фейкового восстановления исторического прошлого может служить знаменитая история о нахождении гигантской мумии индейца из Северной Америки в одной из пещер недалеко от Сан-Диего. Профессор Томас Уилсон, куратор отдела доисторической антропологии Смитсоновского института, заверил, что мумия подлинная. Но потом возник скандал: эксперты Американского института альтернативной археологии обвинили коллег в том, что данные о мумии засекречены. В итоге выяснилось, что мумия поддельная. Вместо кожи у неё засохший желатин, вместо волос – пакля. Кости, правда, человеческие, но отодвинутые в суставах друг от друга, чтобы создать эффект «вытянутого тела». При этом обнаружилось, что самого Американского института альтернативной археологии (AIAA) в принципе не существует. Под его вывеской скрывался ни в чём не повинный Американский институт авиации и астронавтики. Получается, что общественность в данном случае имеет дело не просто с фейком, а с эффектом так называемого «двойного коммуникативного фейка». И сколько подобных фейковых историй хранит историческая память во всех уголках мирового сообщества!

Обобщим сказанное. В рамках интерпретационных процедур появляется возможность использовать различные методы восстановления прошлого. Наиболее популярными методами являются конструкция и реконструкция, которые в современной методологии исторического познания присутствуют в качестве относительной оппозиции. Сегодня, к сожалению, всё больше философов разменивают проблематику исторической реальности бытия прошлого на логику и философию ценностей (Г. Риккерт) или на философию языка и теорию нарратива (Х. Уайт, Х. Келлнер, Ф. Анкерсмит). Оба этих подхода работают в рамках единой установки – замещения онтологии гносеологической проблематикой. Как всем известно, реализация этой установки привела к трактовке исторической реальности прошлого в качестве «вещи в себе». Заметим, что предметную реальность можно ин-

терпретировать конструктом – это обычная исследовательская практика. Но то, что события прошлого сконструированы, не означает, что нужно отрицать наличие предметной реальности, которая объективирована в артефактах, достоверных письменных источниках и формах научной мысли. А то, что изучение прошлого проводится посредством исследования письменных источников, не отрицает того, что можно получить достоверное знание о конкретном событии или факте. Из сказанного следует, что при работе с прошлым необходимо учитывать всю полноту и объёмность контекста, в рамки которого погружены те или иные события прошлого. Содержание контекста любой эпохи, события или факта может быть включено как в предметную деятельность, так и в концептуальную схему (картину мира), которые исследователь восстанавливает с помощью конструкции или реконструкции. При этом совсем не обязательно исходить из того, что предметность и схематика контекста прошлого находятся в жёсткой оппозиции, делая при этом ссылку на существующий «эпистемологический разлом» между онтологией и гносеологией. Заметим, что предметность и мыслительные схемы могут находиться в оппозиции, но могут и мирно сосуществовать друг с другом, наглядно демонстрируя всю многоцветную панораму прошлого. Например, верно подмеченное Б. Раушенбахом¹¹⁹ отсутствие перспективы в древнеегипетской живописи не отрицает, на наш взгляд, присутствия перспективного воображения у зодчих, ремесленников, строителей, которые успешно воздвигали знаменитые пирамиды, строили хорошие дороги и насыщали потребительский рынок продуктами ремесленного труда¹²⁰. Отметим, что в контексте древнеегипетской цивилизации спокойно сочетались художественный срез устоявшегося и вечного бытия (сравним рассуждения эллиатов) и алгоритмистика предметно-практической деятельности человека.

Таким образом, объединяя опыт предметной деятельности с философскими картинками мира, историческая память усиливается методологическим ресурсом «структур памятования». С их помощью историческая память одновременно вы-

---

¹¹⁹Раушенбах Б.В. Пространственные построения в живописи. М.: Наука, 1980. С. 67–100.

¹²⁰См. Снегирёв И.Л., Францов Ю.П. Монография. Древний Египет. Ленинград: ОГИЗ, 1938. С. 71–74. С. 119–125.

стует способом сохранения, продления жизни и освоения новых жизненных практик. Поэтому в исторической памяти общества одновременно сфокусированы акты сохранения, становления и ценностно-этического действия. Эта специфика исторической памяти определила особенность её структуры и содержания. В свою очередь, сама специфика и содержание исторической памяти определяются набором тех константных величин, которые включены в онтологическое основание исторической памяти. Система констант определяет историческую память как сложное, целостное социально-культурное явление. Если константы педалируют процессуальность, то в структуре исторической памяти доминируют компоненты непрерывности и преемственности, в контексте которых историческая память актуализирует предметно-культурные формы социального бытия. Сказанное можно подкрепить примерами из обширного дискурса по исторической памяти – «историческая память воспроизводит непрерывность и прерывность социального бытия».¹²¹ Если же «в константный файл» исторической памяти заложено сознание, то через его призму высвечиваются когнитивные структуры исторической памяти – формы коллективного сознания, индивидуальное сознание, акты пережитого опыта: мифологические представления, разные типы знания. Так, учёный В.Э. Бойков включает в структуры исторической памяти такие элементы, как осознанное «Я», осознанное «Мы», система символов, различные знания и верования.¹²² Солидарна с его позицией автор К.С. Романова, которая считает, что прошлое (с которым работает историческая память. – уточнено мною) – это глубинная основа актуального процесса познания»¹²³. Эти позиции поддерживает известный исследователь Ж.Т. Тощенко, который выделяет в исторической памяти слои: историческое сознание, коллективное историческое сознание и личное историческое сознание, при этом саму историческую память он трактует через призму «сконцентрированного сознания».¹²⁴ Нельзя не отметить значимость константы

---

¹²¹ Дискурсы исторической памяти [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/diskursy-istoricheskoy-pamyati>

¹²² Бойков В.Э. Состояние и проблемы формирования исторической памяти // Социологические исследования. 2002. № 8. С. 85–89.

¹²³ Романова К.С. Дискурсы исторической памяти [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/diskursy-istoricheskoy-pamyati>

¹²⁴ Тощенко Ж.Т. Историческая память и социология // Социологические исследования. 1998. № 5. С. 3–6.

топоса в социальном пространстве. Именно топосы реализуют многочисленные технологии меморизации исторической памяти¹²⁵. В целом эти технологии выступают механизмами взаимодействия коллективных и индивидуальных форм памяти, а также способами репрезентации исторической памяти в обществе. Таким образом, констатирующее основание исторической памяти и выстроенная соответствующая ранжировка её структурных элементов способны организовывать прошлое в формах предметно-культурного опыта деятельности. Возвращаясь в сферу сознания, историческая память «рассеивает» прошлое в геополитические или сакрально-культурные смыслы настоящего.

В целом взаимодействие константных величин в онтологической базе исторической памяти организует вектор направленности для «структур памятования», с помощью которых разворачивается разноцветная панорама исторических событий. На основе анализа бытийных констант и процедурных норм предметной деятельности А.В. Дахин¹²⁶ сравнивает различные типы бытийных отношений между «структурами памятования» и выделяет типы бытия: а) присутствие здесь и сейчас; б) «присутствие того, что отсутствует» (М. Хайдеггер). Именно взаимодействие этих отношений корреспондирует соотносённость бытия/не-бытия, присутствия/отсутствия в актуализации прошлого. Отметим, что значимую роль в структурах «памятования» играют константы сознания и технологии действий над арт-объектами. При этом структурные элементы исторической памяти могут расслаиваться – гибко перемещаться под воздействием той или иной константы. В то же время сами константы могут разъединяться и объединяться друг с другом, гарантируя гибкость и прозрачную субординацию связей между собой. Сложность процессов, происходящих внутри «структур памятования», каждый раз обостряет задачу нового обоснования метафизических перспектив и границ исторической памяти с обязательным уточнением её содержательных дефиниций. Решение этой задачи затрудняется, на наш взгляд, фило-

---

¹²⁵ См.: Ростовцев Е.А., Сосницкий Д.А. Направления исследований исторической памяти в России // Вестник С.-Петербургского университета. 2014. Сер. 2. Вып. 2. С. 107–111.

¹²⁶ Дахин А.В. Память, история, Вселенная: на пути новой онтологии реальности // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2012. № 1(3). С. 27–28.

софским спором о ведущей роли междисциплинарного и трансдисциплинарного подходов в современном научном познании. Активное обсуждение этой проблематики выходит на новый уровень¹²⁷, что открывает перспективы для дальнейшего развития общей теории памяти. Ключевым результатом этих дискуссий стал «философский исход» тех исследовательских программ, что предлагали смещать и отождествлять онтологические и гносеологические аспекты в познавательной деятельности. Это положило начало разработке «новой онтологии» исторической памяти в рамках синтеза междисциплинарности и трансдисциплинарности. Оба подхода взаимно дополняют друг друга и корректируют содержание исторической памяти. Оказалось, что междисциплинарный контекст позволяет включить феномен исторической памяти в теорию развивающихся и саморазвивающихся живых систем.

В этом аспекте междисциплинарность придаёт фундаментальный контекст феномену исторической памяти, раскрывает её роль в социальной мегаэволюции человечества.¹²⁸

Трансдисциплинарный подход, не игнорируя роли исторической памяти в динамике сложных саморазвивающихся систем, экстраполирует ресурсы исторической памяти в сферу социального действия¹²⁹. В социальном действии историческая память актуализирует не только пространственно-временные характеристики, но и технологии своей репрезентации, смысловые компетенции, когнитивные и практические способы работы с прошлым.

Отметим, что «дорожная карта» трансдисциплинарности до конца не разработана. Но уже ясно, что в её рамках появляется возможность исследовать способности исторической памяти как эксперта в анализе последствий «опрокидыва-

---

¹²⁷См. Трансдисциплинарность философии и науки: подходы, проблемы, перспективы: кол. монография под общ. ред. В. Бажанова, Р. Шольца. М.: Навигатор, 2015. 564 с.; Крушанов А.А. «Междисциплинарные» и «трансдисциплинарные» исследования: проблемы самоопределения // Вестник РФО. 2018. № 2. С. 41–49.

¹²⁸ См.: Гринченко С.Н. Социальная мегаэволюция человечества как последовательность шагов формирования механизмов его системной памяти // Электронный журнал «Исследовано в России». М., 1999–2001. Т. 1. С. 1652–1681; Чанышев А.Н. Трактат о небытии // Вопросы философии. 1990. № 10. С. 158–165; Какзанова Е.М. Время и исторический процесс: категории времени в труде Л. Штайндорффа «Память в Древней Руси» // Вояджер: мир и человек. 2017. № 9. С. 182–187; Суховерхов А.В. Общая теория биологической и социальной памяти: семиотический и процессуальный подходы; Дахин А.В. Философские категории в современном дискурсе и др.

¹²⁹ См.: Бурухин С.С. Социальное действие и его эффективность // Вестник ТвГУ. Серия Философия. 2018. № 3. С. 44–55.

ния» прошлого в настоящее. В заявленном контексте статус исторической памяти общества становится имманентным социальной памяти. Реализуясь в её рамках, историческая память не только выходит на проблематику поиска единой онтологии между обществом и природой, но и обслуживает запросы государства на разработку геополитических стратегий по форматированию прошлого. Выполняя социальный заказ государства, историческая память то стирает любые воспоминания о прошлом как не востребуемые, то, наоборот, активизирует те события прошлого, которые необходимы сегодня. Таким образом, историческая память, обслуживая интересы государства по форматированию прошлого, с помощью методов конструкции и реконструкции исторических событий расширяет смысловые границы собственных дефиниций и коннотаций.

Суммируя многочисленные дефиниции, с которыми работают философы и социологи в своих исследованиях, аргументируем позицию по поводу тех трактовок исторической памяти, которые являются наиболее обоснованными. Так, учёный М.В. Ежов удачно, на наш взгляд, транспортирует сущностные и существенные характеристики исторической памяти общества. Он отмечает: «Историческая память – явление многомерное, многоуровневое, развивающееся во времени и испытывающее постоянное воздействие объективных и субъективных факторов... в виде передаваемых из поколения в поколение исторических сообщений, мифов, субъективно преломленных рефлексий о событиях прошлого»¹³⁰. Рефлексируя события прошлого, историческая память не только «отображает» его сущностные уровни, но и, погружаясь в глубину веков, делает транспарентной филигранность смысловых действий человека. Переплетая узоры рационального и эмоционального в действиях человека, историческая память способствует осмыслению всего трагизма «невозвратности» ушедшего, демонстрируя при этом оптимизм уважения к ушедшему в формах заботы о нём. Практики заботы об ушедшем объективируются в культурных пространствах мемориалов и памятников, захоронений и кладбищ, в портретной живописи, скульптурах, фотографиях и др. Имен-

---

¹³⁰Ежов М.В. С чего начинается Родина, или Формирование исторической памяти // Искусство памяти: воспитание национально-культурного сознания молодёжи: Сб. науч. ст. Межрегиональной научно-методической конференции. 24 ноября 2011, СПб. С. 8.

но в практиках заботы о прошлом ярко проявляется актуализация прошлого в настоящем и не умирают надежды на будущее.

Таким образом, через рефлексию о прошлом и заботы о нём историческая память помогает культуре организовать и воплотить извечную мечту человека о бессмертии. В обозначенном контексте историческая память проявляет себя как способ продолжения бытия общества и человека. Но этот способ присущ именно культуре, а не природе. Добавим, что в современном мире Интернет всё больше начинает претендовать на роль социальной памяти, редуцируя её к акторным сетям пространства. В этих сетях формируются нужные контексты исторических судеб и оценочность «...того или иного экстрагированного исторического события»¹³¹. Экспансия «памяти Интернета» в живую ткань общества технологически «размывает» традиционные способы хранения и передачи памяти. Субкультура Интернета активно вытесняет традиционные нормы поведения и привычные ценностные ориентации. Их рассеивание по интернет-пространству является не только предметом научного исследования, но и социальным заказом современной информационной революции. Естественно, что последствия экспансии «интернет-памяти» как антропогенного фактора можно экспертировать в рамках трансдисциплинарного подхода. Напомним, что этот подход позволяет объединить последствия информационной революции с разработкой эффективных методик для работы с феноменом исторической памяти в визуальном интернет-сообществе. В визуальном интернет-пространстве можно зафиксировать стабилизирующую роль исторической памяти, деятельность которой блокирует хаотичные, конфликтные ситуации. С другой стороны, в сетях Интернета наблюдается деструктивная роль исторической памяти, задача которой сводится к копировке мемов, социально заказанных бюрократами-управленцами. Так «живая память общества» постепенно превращается в элемент цифровой экономики, которая успешно «оцифровывает» запросы и желания людей. Вышеизложенное ещё раз подчёркивает необходимость продолжения разработок общей теории памяти как в научно-познавательном пла-

---

¹³¹Шакирова М.Р. Интеллектуал в структуре исторической памяти российского социума // *Философия времени: онтологические начала и ценностные дискурсы*: Сб. науч. трудов Всероссийской конференции VII «Аскинские чтения». Саратов: КУБиК, 2017. С. 62.

не, так и в практически-прикладном. Конечная результативность этой работы во многом зависит от того, как построена взаимосвязь между различными феноменами памяти, т. е. от классификационной структуры социальной памяти. Эффективность этой структуры определяется её константными основаниями (онтологическими, мировоззренческими, экзистенциальными и др.). Большую роль в построении иерархических связей между ячейками (таксонами памяти) играет статусное место каждой ячейки памяти. Статус памяти позволяет уточнить её содержание и ресурсные возможности. В итоге правильно выстроенная классификационная структура памяти теоретически и эмпирически¹³² ранжирует весь накопленный опыт исследователя по работе с социальными и культурными объектами в фокусе символических действий человека. В классификационной структуре каждая ячейка памяти хранит, воспроизводит и актуализирует проверенный временем и адаптированный к изменениям опыт работы с прошлым. Сохраняя в каждом таксоне традиционные, известные всем способы работы с прошлым, память, рефлексивизируя, превращает эти способы в факторы самоорганизации и развития. Параллельно организуются новые нормативные стандарты методологической работы с прошлым. Например, сегодня в качестве таких стандартов используются методологические нормативы акторно-сетевой теории в исследованиях феномена интернет-памяти.

Новые нормативы не отрицают полностью существующих. Но на первый план выдвигаются задачи по разработке новых методологических стандартов механизмов идентификации как для культурных сообществ, так и для отдельных людей. Эти механизмы позволяют без психологических травм и переживаний соотносить себя с прошлым. Для выполнения этой задачи используется когнитивный опыт гештальта, нарратива, гуссерлевской ретенции и протенции воспоминаний. Обозначенные опции памяти направлены не на осмысление своего прошлого, они скорее описывают эмоционально-психологический опыт воспоминаний, сожаления

---

¹³²См.: Розов М.А. Проблема эмпирического анализа научных знаний: монография. Новосибирск: Наука, Сибирское отделение, 1977. 222 с.

ний и «травм памяти»¹³³. К этому добавим знаковую роль «постпамяти», «...от которой требуется не соответствие исторической действительности (ввиду сомнений в наличии таковой...), а умение развлекать потребителя, предлагая ему узнаваемый товар, в качестве какового и выступает прошлое»¹³⁴. В целом новые стандарты работы с памятью предлагают появление и новых ячеек (таксонов) памяти. При этом маркированные границы классификационной структуры памяти значительно расширяются, включая в контекст глобальной трансформации общества и культурного разлома новоявленные таксоны памяти. Так, в классификационной структуре социальной памяти появляются такие таксоны, как культурная память, библиотечная память, биографическая и семейная память, пост-память и др. В новые стандарты работы с прошлым включены «правила узнавания» ячеек памяти. Эти правила помогают отрефлексировать и обнаружить общие взаимосвязи между различными таксонами памяти. Другими словами, отношения между традиционными и новоявленными ячейками не только финализируют статусные места конкретных типов памяти, но и актуализируют взаимосвязи между ними. «Эвристическую природу» взаимодействия ячеек (таксонов) памяти можно осмыслить с помощью категорий «часть» и «целое». В ракурсе этой связки «...социальная память определяется как часть исторической памяти..., а индивидуальная память определяется как часть общеисторической памяти»¹³⁵. Но при этом необходимо учитывать, что взаимодействие этих категорий не выражает всю палитру существенных характеристик бытия. Они лишь выражают механическое суммирование сложных социокультурных явлений. Предположим, что другая группа категорий *всеобщее (общее) – особенное – единичное* более тонко сублимирует всю специфическую палитру универсалий и конкретных уточнений социального бытия и жизни человека. Например, в контексте «прямого бытия» (вектор движения направляется от многого к единому) категория всеобщего (общего) отражает способность социальной памяти хранить в своей классификационной ячейке накоп-

---

¹³³ Анисимова С.Ю. Экзистенциалы смерти и боли как травмы исторической памяти: ценностное основание // Историческая память: травмы прошлого, противоречия настоящего, перспективы будущего / Под ред. В.Н. Сырова: Сб. ст. по итогам всероссийской научной конференции. Саратов: Наука, 2018. – С. 9–11. 279 с.

¹³⁴ Аникин Д.А. Топология коллективной памяти: от социальных рисков к цивилизационным вызовам: монография. Саратов: Наука, 2016. С. 39.

¹³⁵ Шакирова М.Р. Интеллектуал в структуре исторической памяти российского социума. – С. 61–63.

ленный опыт по взаимодействию природы и общества как условие воспроизводства социального бытия. Статус исторической памяти в данном случае отражает категорию «особенное», в которой общее преломляется через единичное. Здесь историческая память, с одной стороны, «...объединяет все алгоритмы и способы социальных действий...»¹³⁶ в универсальные образы ушедших времён. Сегодня эти образы опредмечены уникальными феноменами культуры и искусства. С другой стороны, историческая память резюмирует единичные факты и события прошлого через призму идеологических и геополитических интересов политических групп, которые выдают групповой интерес за социальный заказ всего общества. Таким образом, категория «особенное» фиксирует способности исторической памяти универсализировать и унифицировать контуры прошлых времён в конкретной практике жизни. Одновременно историческая память преобразует единичные образы прошлого в универсально-смысловые конструкции.

В рамках так называемого «обратного бытия» (движение следует от единичного ко множеству) сознание и жизненный мир человека представлены единицами этого бытия. В контексте «обратного бытия» категориальный ряд *всеобщее (общее) – особенное – единичное* по-другому соотносит социальную и историческую память. Историческая память здесь выступает сутью «всеобщего», отражает общую связей всех форм социального бытия в их развитии. Т. е. историческая память выступает всеобщим модератором, продолжая жизнь и существование общества. В категории «особенное» выражается возможность социальной памяти соотносить прошлое социальной системы с единичностью психологических переживаний человека или целого поколения по поводу своего прошлого. Таким образом, операционная измерительность категориального ряда *всеобщее (общее) – особенное – единичное* не только учитывает стратификационную соподчинённость различных дефиниций памяти, но и наглядно демонстрирует необходимость организационной работы с классификационными ячейками (таксонами) памяти. В процессе работы обнаруживается, что в ячейках памяти содержится транслированный

---

¹³⁶Устьянцев В.Б., Барышков В.П. Историческая память – институциональный аспект ментальности // Социальная память российской цивилизации. Саратов: Приволжское книжное издательство, 2001. С. 70.

и актуализированный опыт по освоению прошлого в формах как предметной, так и духовной деятельности человека. Обратим внимание на структуризацию самого опыта по освоению прошлого. Специфика этой структуризации определяется онтологическим допущением конкретных картин мира и соответствующих им «методологических скреп», что выбрал исследователь. В рамках сказанного можно производить ранжировку различных статусов памяти, оперируя гибкими границами между ее ячейками. При этом отслеживается заинтересованность общества или группы в выборе и популяризации нужной ячейки памяти. В заключение дополним, что мобильное взаимодействие между ячейками памяти эффективно работает в условиях постоянного обновления классификационной структуры памяти. При этом разрабатывается новая методология исследования различных видов памяти.

Сделаем краткие выводы:

1. Классификационная структура есть способ организации исторической памяти посредством работы с понятийным аппаратом и статусами (ячейками памяти). Измерительные единицы исторической памяти организуют и операционно распределяют ячейки (таксоны) памяти по их статусным местам.

2. С помощью различных категорий корреспондируется специфика и конфигурация мест различных видов памяти.

3. Методологические стандарты классификационной структуры памяти меняются. Сегодня они содержат не только известные процедуры по реконструкции и конструированию исторических событий. Активно разрабатываются методики исследований психологических переживаний и исторических травм по поводу прошлого.

§3. Ценностные координаты исторической памяти общества

Сегодня в исследовательском поле гуманитарных наук и социальных практик сложилось устойчивое мнение о том, что современный мир продолжает переживать информационную революцию со всеми её недостатками и достоинствами. Основным глобальным результатом указанной революции является переформати-

рование границ между природной средой и техносферой. Возникающие при этом цивилизационные вызовы и риски конституировали «ансамбль» новых возможностей для освоения обществом и человеком своего прошлого. При этом «субъекты», которые осваивают прошлое, в лице различных социальных групп (учёные, деятели культуры и искусства, политики, идеологи и др.), а также отдельные персоны сталкиваются не только с когнитивными трудностями перехода с одного уровня рефлексии на другой, но и с трудностями самого саморефлексирующего субъекта, который пытается как-то управлять познавательным процессом и собственными амбициями. Другими словами, при попытке воспроизведения, зарисовок «картин прошлого» аналитик встречается не только с процедурной «...сложностью воспроизводства сложного прошлого, но и со сложностью наблюдателя сложности»¹³⁷. Сама сложность наблюдения сложного усиливается позицией релятивизма, который позиционирует условность значимости любой ценности. При этом релятивизм редуцирует значимость ценности к оценочно-субъективной функциональности. Для устранения этих сложностей учёные всё больше прибегают к помощи междисциплинарности. В поле междисциплинарности историческая память получает возможность многогранно соотносить значение исторических событий с их ценностью. На роль междисциплинарности в исследованиях исторической памяти указывал известный английский историк П. Хаттон. В своей знаменитой книге «История как искусство памяти» он актуализирует значение исследовательской программы «археологии памяти» М. Фуко для успешного формирования разносторонних подходов к восстановлению прошлого. «Когда я начал заниматься памятью, я обнаружил, что эта тема была квинтэссенцией междисциплинарных интересов. Это была тема для всех, однако ни у кого не было на эту тему преимущественного права».¹³⁸ Таким образом, междисциплинарный подход стимулирует многоаспектность исследований исторической памяти в области «...философии, психологии, филологии, культурологии»¹³⁹, а также в области гео-

---

¹³⁷ См.: Алексеева И.Ю., Алексеев А.П. Философия исторической памяти // Вопросы философии. 2018. № 10. С. 69.

¹³⁸ Хаттон П. История как искусство памяти / пер. В.Ю. Быстрова. СПб.: Владимир Даль, 2005. С. 91.

¹³⁹ Репина Л.П. Феномен памяти в современном гуманитарном знании // Учёные записки Казанского университета. Гуманитарные науки. 2011. Т. 153. – С. 191–193.

политики, теории массовых коммуникаций и цифровых технологий. В этих исследованиях не только осмысливается «сложное» положение познающего субъекта, но и раскрываются «окна возможностей» для исторической памяти. «Окна возможностей» позволяют человеку осознать смысл жизни, свою роль в истории в векторе «прошлое – настоящее – будущее». Подчеркнём, что эвристические координаты «окна возможностей» опрокидываются в область социальных практик и жизненных миров людей, сфера которых изучается в рамках трансдисциплинарного подхода¹⁴⁰. Именно в социальных практиках «и мире человека» «... философия исторической памяти может рассматриваться как часть жизненной философии человека, осознающего себя в качестве носителя памяти и оценивающего содержание последней. Индивидуальное и коллективное измерения исторической памяти тесно связаны, хотя не одно из них не сводимо к другому».¹⁴¹

Выскажем предположение, что в рамках междисциплинарного подхода эвристическая роль «окон возможностей» экстраполируется в фокус ценностного контекста. В ценностном контексте любое историческое выступает в качестве смыслообразующих принципов, поведенческих ориентиров и мировоззренческих установок. Поэтому согласимся с позицией А.И. Юдина, который утверждает, что «... понятие ценности – это центральная категория исторической науки и всего социально-гуманитарного познания».¹⁴²

Известно, что дискурс социальной философии продемонстрировал наглядные успехи аксиологической проблематики. В целом аналитика «философского фактажа» аксиологии прошла тернистый путь. Начав с осмысления значимости ценностных оснований эстетического и этического отношения к миру, философия периода Античности до Нового времени тематизировала исследование самих ценностей: их смыслы, специфику, роль и место в конкретном историческом взаимодействии людей друг с другом. Философское знание Нового времени и эпохи

---

¹⁴⁰Трансдисциплинарность философии и науки: подходы, проблемы, перспективы: кол. монография под общ. ред. В. Бажанова, Р. Шольца.

¹⁴¹Алексеева И.Ю., Алексеев А.П. Философия исторической памяти // Вопросы философии. 2018. № 10. С. 69.

¹⁴²Юдин А.И. Ценность как метод познания социальной действительности и её практического преобразования: Г. Риккерт и П.Л. Лавров [Электронный ресурс]. С. 2. – Режим доступа: http://e-notabene.ru/fr/article_13606/html

Просвещения, а впоследствии и немецкая классика вывели аксиологию на уровень рациональности, в рамках которой можно подтверждать статус ценности как философской категории, наполненной онтологическим, гносеологическим и методологическим содержанием. В дальнейшем картина аксиологической мозаики заполнялась всё новыми и новыми пазлами. Так, парадигма иррациональной философии наполнила содержание ценности экзистенциальными переживаниями и страданиями, редуцировав при этом оптимистический потенциал ценности к пессимизму. Впоследствии традиция философии неокантианства Баденской школы окончательно закрепила демаркацию между исследованиями ценности как социального феномена и ценности как категориальной единицы. Это позволило аналитической программе герменевтики в лице Г. Риккерта не только представить методологию ценностного подхода в историческом познании, но и окончательно развести категории общего и единичного в их бытийном основании.

Можно и дальше продолжать изучение динамики особенностей аксиологического знания и методологических подходов к их исследованиям, но, следуя известному совету У. Оккама, акцентируем внимание на наиболее значимых результатах аксиологической теории, чтобы продолжать исследование специфики исторической памяти общества.

Для теории и практики исторической памяти большое значение имеет успех аксиологии, связанной с презумпцией субстанциональной константности в исследовании ценностей как социально-культурного феномена. С одной стороны, эта презумпция позволила «сдвинуть в сторону философское рвение» навязывания всем трансцендентального характера ценности, сущность которой пребывает вне пространства и времени. Известно, что эту позицию поддерживала целая плеяда великих философов, таких как Платон, Э. Шеллер, Н. Гартман, Н. Бердяев, Н. Лосский и др. В русле сказанного ярким примером выступает теория Н. Гартмана о ценностях. В своей книге «Этика» философ довольно прямолинейно обосновывает тезис о «над-онтологическом» основании существования ценностей. Он пишет: «Ценностные структуры суть именно идеальные предметы, существующие по ту сторону бытия и небытия, даже по ту сторону реального ценностного

чувства, которое одно их схватывает». ¹⁴³ Отметим, что признание субстанциональной константности ценностей не только подчёркивает их универсальный характер, но и обосновывает выход на исследование ценностных оснований исторической памяти в конфигурации пространственно-временных координат. Появляются новые эпистемологические горизонты, связанные с дальнейшим осознанием специфического содержания ценностей. «...Ценность есть особое качество, которое связано с объектами и субъектами и характеризуют их единственность, единство, их место во всеобщей взаимосвязи». ¹⁴⁴ Другими словами, качественное содержание ценностей может быть проявлено посредством включения их в объектно-субъектные или субъектно-объектные отношения социального бытия. Именно в социальном бытии артикулируются потенциал и ресурсы ценностных оснований исторической памяти. Ценностная база исторической памяти становится пусковым механизмом в творчестве социальных практик, изменений и преобразований жизни. Функциональное действие этого механизма описал, как ни странно, известный русский революционер-народник Пётр Лавров. Он считал, что сам человек творчески объективирует систему ценностей в форме общественного идеала, который необходимо реализовать. Не демаркируя естественное и историческое научное знание и считая при этом, что история есть классификационная наука, П.Л. Лавров вводит в исторический процесс явление повторяемости. Повторяемость он трактует как социологический закон, в результате которого мысленно перерабатывается вся предшествующая культура. «Рассказов из истории немало, — замечает П.Л. Лавров, — но факты истории остаются, а понимание изменяет их смысл, и каждый период, приступая к истолкованию прошлого, вносит в него свои современные заботы. Таким образом, исторические вопросы становятся для каждой эпохи связью настоящего с прошлым» ¹⁴⁵.

Связь настоящего с прошлым, как известно, актуализирует историческая память общества. Но сама актуализация, по мнению П.Л. Лаврова, возможна в

---

¹⁴³ Гартман Н. Этика / пер. А.В. Глоголева. М.: Владимир Даль, 2002. С. 176.

¹⁴⁴ Матвеев П.Е. Ценностный подход в этике: монография. Владимир: ВФ РУК, Собор, 2009. С. 4. 312 с. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: [https:// studfiles.net/preview/2385059/](https://studfiles.net/preview/2385059/)

¹⁴⁵ Лавров П.Л. Философия и социология // Антология мировой философии в 4 т. Т. 4. Философская социологическая мысль народов СССР XIX века. М.: Мысль, 1970. С. 355.

формате той системы ценностей, которая объективирована критически мыслящей личностью в соответствии с запросами общества. Таким образом, в творчестве П.Л. Лаврова не только прослеживается праксиологическая составляющая ценностной системы, но и намечаются методологические подходы, позволяющие рассматривать роль ценностей в актуализации исторической памятью прошлого.

Подчеркнём, что успехи аксиологического дискурса в анализе субстанциональных и праксиологических основ ценностей выводят исследователя на решение проблемы критериальной ранжировки ценностей в системе ценностей. Процедура критериального ранжирования определяет величину значимости как конкретной ценности, так и системы ценностей в целом по фундаментальным или идеологическим основаниям. И если упомянутый П.Л. Лавров в рамках идеологической установки финализировал систему ценностей в качестве разнообразных форм творческих преобразований действительности, то в дальнейшем горизонты аксиологических пространств продолжают расширяться. Появляются новые обоснования для выбора значимости той или иной ценности. Так, видный советский учёный В.П. Тугаринов предложил ранжировать значимость ценностей по экзистенциально-бытийным основаниям. Он считает, что спецификой ценности является не объективная закономерность социальной структуры общества, а приватная субъективность человеческой жизни. «Жизнь, здоровье, радости жизни, общение с себе подобными – это целая и особая группа ценностей»¹⁴⁶, – отмечает он.

Суммировав сказанное, предположим, что выявленные экзистенциально-бытийные контуры ценностных меридиан манифестируют направленность целеполагания для исторической памяти. Так, эти ценности и историческая память совместно «метафизически работают» на статус позитивности жизни как общего предписания для социума. Но если конкретная ценность персонифицирует жизнь и сопутствующие ей радости «здесь и сейчас», то способность продлевать жизнь через «прошлое – здесь», «прошлое – здесь и теперь», «прошлое – здесь и там» демонстрирует именно историческая память.

---

¹⁴⁶Тугаринов В.П. Природа, цивилизация, человек: монография. Л.: ЛГУ, 1978. С. 6. 128 с.

В определённом смысле можно говорить об утончённом, диалектическом (хотя в трудах некоторых современных философов диалектика – это устаревшее понятие) взаимодействии ценности и исторической памяти. Например, ценность жизни оправдывает сам факт существования исторической памяти, а историческая память сама выступает ценностью, значимость которой связана с продолжением жизни.

Следует уточнить, что ценностное основание исторической памяти связывает её не только с историко-культурной средой общества. Система ценностей способна задать для исторической памяти смыслообразующий контекст. С его помощью историческая память усиливает экспансию прошлого в диапазоны настоящего и будущего, актуализируя в них всеобщность и единичность (уникальность) жизни. В этих процессах онтологический и аксиологический статусы исторической памяти корреспондируют прозрачность и гибкость, сохраняя при этом баланс «эпистемологической дружбы» и методологических разногласий.

Ценностное измерение исторической памяти связано не только с попытками обосновать её в качестве способа продолжения жизни общества и человека. Возникает необходимость разработать такие методологические установки, с помощью которых можно провести демаркацию между существенным и несущественным в классификации ценностей. Именно при демаркации существенного и несущественного происходит соотнесение объекта с ценностью, что и делает объект, по мнению Г. Риккерта, историческим объектом. «Связывание с ценностью, – утверждает Г. Риккерт, – составляет одну из самых существенных сторон исторического метода»¹⁴⁷. Появляется возможность анализировать ценностные основания исторической памяти в рамках социально-исторического познания¹⁴⁸, где ценности выполняют не только социальную, но прежде всего гносеологическую функцию. В гносеологическом плане структуризация особенного и единичного в истории без соотнесения их с ценностями – невозможна, так как «...уничтожение связи объекта с ценностью приводит к уничтожению интереса к истории и самой исто-

---

¹⁴⁷Риккерт Г. Философия жизни. Киев: Ника-центр, 1988. – С. 206.

¹⁴⁸Автор придерживается той точки зрения, которая признаёт отсутствие чёткой демаркации между социальным и историческим познанием.

рии... Поэтому историческое сознание... есть сознание аксиологическое, ценностно ориентированное»¹⁴⁹. По мнению Риккерта, сущность ценности состоит в её значимости, значимости культуры. Из этого можно сделать вывод, что сам познавательный процесс с его нормативными правилами, идеалами, конечным результатом в виде полученного и обоснованного знания тоже представляет значимую ценность для людей, науки, истории, культуры в целом.

Определив аксиологическую доминанту исторического познания, Риккерт ранжирует логическую последовательность ценностей. В историческом познании он выделяет: «Прежде всего – ценности, на которых зиждутся формы и нормы эмпирического исторического познания; во-вторых, это ценности, которые в качестве принципов исторически существующего материала конституируют саму историю; в-третьих, это ценности, которые постепенно реализуются в процессе истории»¹⁵⁰. Другими словами, познание истории начинается с эмпирического исследования прошлого. Всем известно, что эмпирическую базу исследования составляет совокупность фактов-знаний, достоверность которых доказана. С точки зрения большинства историков и историографов, «...исторический факт – это фундамент всего знания исторической науки. Он существует независимо от интерпретации, исследовательского подхода и оценки»¹⁵¹. Любой научный факт, в том числе и исторический, имеет сложную гносеологическую структуру. В эту структуру включена объективная составляющая, когнитивный аспект (зависимость способа фиксации и интерпретации факта от системы теоретических и социокультурных установок), а также разные формы выражения. Факт может выступать в форме реальности, в форме события, как факт-ощущение, факт-восприятие, факт-суждение и факт-оценка. Трудность «гносеологической ситуации» факта заключается в том, что его статус как исторического факта, входящего в структуру исторической памяти, по-разному оценивается учёными, работающими в когнитивном поле истории философии или естественных наук. Отметим, что исторический факт как

---

¹⁴⁹ Дёмин И.В. Семиотика истории и герменевтика исторического опыта: монография. Самара: Изд-во Самар. гуманитар. академии, 2017. С. 58–59.

¹⁵⁰ Риккерт Г. Философия жизни. С. 263–265.

¹⁵¹ См.: Ипполитов Г.М. Историографический факт и историографический источник как категории исторической науки: непростая диалектика // Известия Самарского научного центра РАН. 2013. Т. 15. № 1. С. 180–195.

«гносеологически сложное наблюдаемое» является «...результатом системного взаимодействия с предметной средой»¹⁵² прошлого. С одной стороны, исторический факт есть определённый фрагмент реально существовавшего прошлого и презентатирован письменными источниками или предметной средой. В этом аспекте исторический факт в форме достоверного знания описывает ту предметность прошлого, которая овеществлена в культуре. И это овеществленность существует независимо от того, хочет или не хочет её познать человек. Для примера обратимся к весьма плодотворному, на наш взгляд, высказыванию К. Маркса: «...история промышленности и сложившееся предметное бытие промышленности является раскрытой книгой человеческих сущностных сил, чувственно представшей перед нами человеческой психологией... в объективной материальной промышленности... мы имеем перед собой под видом чувственных, чужих, полезных предметов, под видом отчуждения опредмеченные сущностные силы человека. Такая психология, для которой эта книга, т. е. как раз чувственно наиболее осязаемая, наиболее доступная часть истории, закрыта, не может стать действительно содержательной и реальной наукой»¹⁵³.

Конечно, если промышленность является раскрытой книгой человеческих сущностных сил в метафизическом значении, то история науки в значительной мере подтверждает высказывание К. Маркса в буквальном смысле. В научных текстах научное мышление объективировано так, что прошлое человеческой мысли сохраняет свою данность в качестве объекта, существующего актуально.

Таким образом, ценностная миссия исторической памяти заключается в осмыслении значимости как позитивных, так и негативных последствий науки. А также историческая память в ценностном ракурсе оправдывает использование научного знания с учётом всего спектра экономических, юридических и моральных практик в разные периоды истории. Сегодня ценностная миссия, проводимая исторической памятью, наиболее актуальна для современной России, которая

---

¹⁵²Костин А.А. Научный факт как феномен когнитивной активности: автореф. дисс. ... канд. филос. наук: 09.00.01 / А.А. Костин. – Самара, 2008. – С. 8. 20 с.

¹⁵³ Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. 2-е изд. К. Маркс. Экономическо-философские рукописи 1844 года. Коммунизм. – С. 123, с. 41–174.

«...реализует научно-технические прорывы, мобилизацию творческого потенциала всего общества»¹⁵⁴. Напомним, что при встрече с прошлым фактологический арсенал исследователя содержит достоверность знания-факта, которая доказана, а также факта-ощущения и факта-восприятия. С их помощью формируются исторические образы конкретных персоналий или событий. Известно, что фиксирование этой группы фактов обслуживается теми теориями, которые в силу разных причин выбирает автор или исследователь. Именно в этом скрываются причины существенных расхождений по поводу трактовок исторической личности или события. Например, явление опричнины, введённой Иваном IV Грозным, видные представители дворянской историографии М.М. Щербаков и Н.М. Карамзин под влиянием писем известного князя А.М. Курбского рассматривали только негативно. Они оценивали положительно только первый период правления Грозного, когда были достигнуты внешнеполитические успехи и проведены важные реформы благодаря мудрым советникам. Но сам образ царя с точки зрения этих историографов – это образ психопата, психически больного человека, а соответственно опричнина – продукт его больной патологии.

Совсем другой образ царя представляет известный историк С.М. Соловьёв. С одной стороны, он не оправдывает жестокости Грозного: «Можно ли оправдать человека... неумением устоять против искушений, неумением совладать с порочными склонностями своей природы?» – спрашивает историк.¹⁵⁵ И тот же С.М. Соловьёв, положительно оценивая деятельность Ивана IV как укрепителя русского централизованного государства, оправдывает его поступки контекстом того времени, в которое жил царь: «...век задавал важные вопросы, а во главе государства стоял человек, по характеру своему способный приступать немедленно к их решению»¹⁵⁶. Явление опричнины в свете сказанного оценивалось Соловьёвым как акт сознательный и исторически оправданный необходимостью ситуации.

Таким образом, историческая память, работая с прошлым, попадает в «трудную ситуацию», когда в процесс воспоминания конкретного события вклю-

---

¹⁵⁴ Алексеева И.Ю., Алексеев А.П. Философия исторической памяти // Вопросы философии. 2018. № 10. С. 73.

¹⁵⁵ Соловьёв С.М. Сочинения. Т. 6, гл. 7. М.: Мысль, 1989. С. 688.

¹⁵⁶ Соловьёв С.М. Сочинения. Т. 6, гл. 7. М.: Мысль, 1989. С. 684.

чаются разные ценностно-нормативные системы. Противоречие этих систем может привести к завуалированию или даже размыванию достоверного исторического факта. Ситуация усложняется наличием так называемой «платформы нетождественных наук», т. е. художественно-нормативных систем. Эти системы не могут обойтись без художественного вымысла творчески одарённых деятелей искусства. Можно восхищаться тем, как по-разному представлен образ Ивана Грозного в художественных фильмах: «Иван Грозный» режиссёра С.М. Эйзенштейна, 1-я серия 1945 г., 2-я серия (боярский заговор) 1958г.; «Царь» режиссёра П.С. Лунгина 2009 г.; «Годунов» режиссёров А. Андриянова и Т. Алпатова.

Заметим, что различие ценностно-нормативных систем, в рамках которых историческая память фиксирует значимость человека или события, не является абсолютным. В этих системах можно обнаружить сходные составляющие. Все ценностно-нормативные системы, как научные, так и художественные, базируются на атомарной самостоятельности исторического факта, в достоверности которого убеждён тот исследователь, который способен отличить факты от вымысла, мнений, искажений и предположений. Всем известны, например, исторические даты введения опричнины (1565 г.) и её отмены (1572 г.), венчания Ивана IV Грозного на царство (16 января 1547 г.) и т. д. Они сопоставлены различными источниками, летописями, актами и т. д. и существуют как реальные, объективные факты.

Суммируя сказанное, сделаем вывод: достоверный факт может использоваться исследователем как аргумент в доказательстве и как базис теории. Именно в этом и заключается его аксиологическая составляющая, его ценность как знания о прошлом, которое хранит и транслирует историческая память. Но ценность исторического знания-факта может быть разрушена желанием субъектов ликвидировать существующие устои гуманитарно-исторического познания. Как правило, это происходит в кризисные периоды развития общества, когда все «объяснительные системы познания» рушатся – так это произошло после распада Советского Союза. Своеобразной формой такого краха выступила «новая хронология» математика А.Т. Фоменко. «Согласно взглядам Фоменко, большинство событий человеческой истории произошло после 960 г., и лишь часть из них – между 300 и 960 гг. н.э.,

то есть прошлое радикально укорачивалось, большинство событий античной и средневековой истории объявлялись вымышленными. Кроме того, математик пересмотрел трактовку многих событий русской и зарубежной истории, назвав хана Батю казачьим «Батькой», раздробив Ивана Грозного на четырех разных людей, одним из которых оказался Василий Блаженный, и т. д.»¹⁵⁷. Можно согласиться с той оценкой «новой хронологии» А.Т. Фоменко, которую даёт специалист в области исторического познания О.А. Лосева. Она справедливо считает, что исторические взгляды Фоменко нельзя отнести даже к постмодернистскому «тренду» в силу «...отсутствия у него исторической методологии как таковой»¹⁵⁸. И дело не только в отсутствии методологического обоснования хронологической концепции у А.Т. Фоменко. Ситуация представляется гносеологически более глубокой. Содержание «новой хронологии» не только игнорирует саму идею эволюции и развития общественной жизни. «Суть истории» А.Т. Фоменко заключается в экзистенциальном отказе ценностного обоснования значимости любых форм деятельности человека в прошлом. В этой ситуации эмпирическая роль исторической памяти как актуализатора «настоящего-прошедшего» и «прошедшего-будущего» сводится на нет. Запутываясь в лабиринтах радикального ускорения и прерывания прошлого, историческая память в «новой хронологии» А.Т. Фоменко способна только конфигурировать лабильные пазлы истории, жонглируя событиями, фактами и персоналиями. Ценностные смыслы исторического растворяются в опрокинутой бездне небес.

Завершая сказанное, повторим, что формирование фактологической базы исторического познания – это сложный, многоаспектный процесс «переваривания» полученной информации о прошлом в факты исторической науки. Следует учитывать, что отбор фактов происходит в процессе их сопоставления как с нормативной базой ценностных оснований изучаемой эпохи, так и с оценочными позициями самого исследователя. Другими словами, учёным может считаться тот, кто сможет достойно выйти из двойственной ценностно-рефлексивной си-

---

¹⁵⁷ Лосева О.А. Соотношение методологических и аксиологических детерминаций исторического познания: философский анализ: автореф. дис. ... докт. филос. наук: 09.00.01 / О.А. Лосева. – Саратов, 2004. – С. 29.

¹⁵⁸ Там же. С. 29.

туации, используя при этом ресурсы исторической памяти, направленные на тематику выявления и отбора фактов по оценочной шкале их значимости и важности. Осознавая всю специфику исторического факта и особенности его детерминации¹⁵⁹, не абсолютизируя (как это часто делается) «...расхождение между историческим фактом и событием»¹⁶⁰, снова приходишь к выводу о целесообразности соотношения логического и ценностного в историческом познании и важности роли исторической памяти в этом соотношении. Историческая память, с одной стороны, сохраняет и транслирует логику существования и обоснования форм исторического знания в познании; с другой стороны, транслирует саму ценностную основу жизни и бытия в истории. Тем самым историческая память в рамках собственного «памятования» может быть не только быть бесполезным следом прошлого, который может быть познан или остаться в забвении. Историческая память предоставляет и сохраняет достоинство надежды на живое продолжение и воплощение в будущем.

Таким образом, открывается ещё одна грань ценностного вектора исторической памяти: не только быть памятью о прошедшем, но и стать живой памятью. Сегодня живая историческая память по своей природе становится всё более и более аксиологичной. Она ценностно осмысляет вызовы современности и ответы на них. Подтверждением сказанному является пример движения «Бессмертный полк», которое приобрело популярность не только в России, но и во всём мире. И хотя знания и представления о Великой Отечественной войне, по мнению исследователей, в сознании новых поколений остаются в прошлом¹⁶¹, ценностно-культурный эффект этой акции показал эмоциональные намерения и желания многих людей быть приобщёнными к своему великому и значимому прошлому. Ведь «хорошее прошлое» (личная биография, биография рода, события страны и др.) способствует позитивному психологическому настрою человека, повышает

---

¹⁵⁹ См.: Мартынович С.В. Факт науки и его детерминация. Саратов: Изд-во Саратов. гос. ун-та, 1989. 38 с.; Ляпин С.Х. О познавательной деятельности научного факта // Ценностные детерминации в научном познании. – Вологда: Изд-во Вологод. гос. пед. ин-та, 1984. С. 59–63.

¹⁶⁰ Герасимов О.В. Историческое познание: опыт исторической эпистемологии. С. 51–54.

¹⁶¹ См.: Аникин Д.А. Топология коллективной памяти: от социальных рисков к цивилизационным вызовам. Саратов, 2016.

его самооценку и ценностно-личную значимость в глазах других людей. Другими словами, «живая память хорошего прошлого» помогает человеку во многом «...реализовать его новый жизненный проект»¹⁶² и выстроить позитивную идентификацию.

Сегодня в структуре живой исторической памяти активно задействована мифологизация. Конечно, речь идёт не о традиционной мифологической картине мира древних цивилизаций, а о современных мифах. Причина «ренессанса» мифов связана с динамикой техногенного общества и его «родовых» характеристиках: мозаичного восприятия мира, гипертрофированного индивидуализма, абсолютизации свободы, избыточного потребления и т. д. Учитывая всем известные результаты техногенной глобализации, обратим внимание на её негативные последствия, такие как утрата социальных связей живого общения, «автономное» одиночество, хаотизация культурных смыслов и запретов. Все эти последствия породили психологический дискомфорт личности, блокировка которого связывается с появлением новой мифологизации. Надежды людей связываются с тем, что современная мифология сможет успешно конституировать новые системы легализации социального и бытийного.

Содержание нового мифа по сравнению с традиционным полифонически усложняется. Оно дополняется срезами избыточной информации, которые приспособляются к конкретике политических ситуаций и геополитических интересов. Поэтому современный мир содержит не только упрощённое истолкование реальных фактов, где смешивается истинное и воображаемое, искажённое, придуманное. В структуре новой мифологии по-прежнему «активно работает» символический континуум, посредством которого «...осуществляется приобщение к особому личностному типу»¹⁶³, который запускается архетипическими алгоритмами. Другими словами, с помощью мифа можно реализовать механизм идентификации

---

¹⁶² Сыров В.Н. Существует ли постнациональная память? // Историческая память в постиндустриальном мире: мифы, ритуалы, репрезентации. Саратов: Наука, 2017. С. 136, с. 132–138.

¹⁶³ Смазнова О.Ф. Познание мифического как методологическая проблема // Эпистемология. Философия науки. 2008. Т. XVII. № 3. С. 189.

человека или группы с выбранным позитивным или негативным персонажем (Герой, Победитель, Злодей, Освободитель, Враг, Богатырь и др.) или стать носителем семейно-родовых этических норм, таких как долг, честь, достоинство и т. д. Так формируется набор «хороших» этико-психологических компонентов, на основе которых можно позиционировать достоинство своего «Я» и высокую самооценку с последующей легитимизацией этих достоинств в общении с другими людьми. Представленный символический континуум блокирует психологический дискомфорт и тревожность, ограждая тем самым сознание и поведение человека от трансформации культурного кода сакральности, приватности, свободы и групповой общности.

Содержательный ракурс современного мифа, сохраняя возможность выбора между добром и злом, тем самым актуализирует собственную сверхценность. При этом усиливаются и ценностные возможности исторической памяти, которая в форме мифа сохраняет и транслирует опыт присвоения позитивных характеристик его персонажей и опыт практического приобщения к заданным поведенческим сценариям. Заметим, что в глобальном культурном пространстве опыт мифотворчества, передаваемый исторической памятью, расслаивается, а границы его применения значительно сужаются. Условными индикаторами, фиксирующими процесс периформатирования содержания символического континуума, могут быть знаковые коннотации названий известных фильмов и популярных ток-шоу, смысловая нагруженность которых выступает своеобразными «рэперными точками», по которым можно выявить определённые культурные тенденции. Смысловая нагруженность коннотации – названия определяет и конкретную сюжетность. Например, в популярном российском ток-шоу «Последний герой» (2001 г.) пронзительные слова песни, исполняемой российской группой «Би-2», характеризуют образ человека, который отчаянно хочет быть героем:

*«Остаться в живых!
Отчаянный псих.
Ни свой, ни чужой.
Последний герой».*

Но черты мифического героя, такие как мужественность поступка, смелость, целеустремлённость, пассионарность, уходят в прошлое. А приобщаться к образу героя, который представляется в ток-шоу, как-то не хочется... Исход в прошлое позитивного каркаса мифологического персонажа показан в фильме «Последний самурай» (2003 г., режиссёр Э. Цвик, США), в сюжете которого красота мира и поступков человека изгоняется наступающей техногенной цивилизацией; а в фильме «Последний богатырь» (2017 г., режиссёр Д. Дьяченко, The Walt Disney Company, Yellow Black and White, Kinoslovo) отвага, удаль, желание спасти и охранять конфигурируется в предательство, насмешку, переходящую в сарказм, демонстрируется перформанс главных героев. И хотя конец фильма более или менее Happy End, богатырь-то всё равно не настоящий...

В приведённых примерах пока ещё не явно, но все же прослеживается определённая тенденция некоего печального исхода настоящих героев, богатырей, воинов. Их освободившиеся культурные места должны быть заполнены другими персонажами. Эти «Другие», позиционируя себя в бытийности информационного общества, вынуждены когнитивно диссонировать между ушедшими мифическими персонажами – носителями субъектного творчества и новыми образами «...субъекта в качестве последнего источника всех возможных когнитивных содержаний».¹⁶⁴ Источники этих возможностей скрываются в рискогенных ситуациях¹⁶⁵, в пространстве которых формируется деструктивная установка «война всех против всех». Этим обстоятельством объясняется выход на первый план в современном мифотворчестве образа инстинктивной интенции – врага, ибо «изгнанный миф жестоко мстит за себя» (Э. Кассирер). В заданных условиях современное мифотворчество актуализируется ещё одним срезом – политикой памяти, которая легко осуществляет мгновенный процесс становления новых установок, изменяет представления людей о себе и своём месте в современном мире. В результате «мгновенная» мифотворческая деятельность сама становится феноменом истори-

---

¹⁶⁴ Шестаков А.А. Трансцендентализм как метафизическая исследовательская программа // Философия. Наука. Культура: Сб. ст. Самара: Офорт, изд-во Самар. гос. арх-стр. ун-та, 2015. С. 114, с. 103–114.

¹⁶⁵ См.: Устьянцев В.Б., Аникин Д.А. Социальная память в обществе риска: опыт философской концептуализации [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://docplayer.ru/40603178-V-b-ustyancev-d-a-anikin-socialnaya-pamyat-v-obshchestve-riska-opyt-filosofskoy-konceptualizacii.html>

ческой практики, общепризнанным эталоном профессиональной концептуальной простоты и обывательско-наивной непротиворечивости.

Государство глобального мира исходя из собственных идеологических, политических и геополитических интересов неустанно трудится не над производством фактологического знания, а над конструированием привлекательных для общества представлений о прошлом и настоящем.

Наряду с известными мифами о «коварном враге» появляются новые мифо-образы, например всем доступный для осознания и популярный сегодня миф о «всегда виноватом», вынужденном вечно признавать собственную вину и каяться. При этом созданные новые мифические идеологемы должны соответствовать логическому построению структуры мифа и быть аккумулированными в энергетику исторической памяти, чтобы оставаться всегда живыми. Многочисленные технологии нового мифотворчества удачно исследуются в рамках трансдисциплинарного подхода, который активно тематизирует сферу социальных практик и жизненного мира человека. Именно в топосе жизненных практик и миров человека можно зафиксировать динамику переформатирования образа врага в образ травматической жертвы, которая никак не может существовать с грузом имеющейся исторической памяти. Поэтому общество, группа, человек вынуждены искать и формировать новую модель исторической памяти, которая будет способна преодолеть психологический дискомфорт между исторической реальностью и желаемой. Ценностное основание исторической памяти в этом случае выходит за пределы смыслового назначения – быть жизнью. Ценностная значимость исторической памяти становится теперь перформансом – утешением жизни.

Сказанное проявляется в деятельности Института национальной памяти в Польше (Instytut Pamięci Narodowej, английское название – Institute of National Remembrance). Его деятельность основывается «на представлении о полувековом периоде истории этой страны как череде преступлений против польского народа, совершённых нацистами и коммунистами. В размещенном на официальном сайте института документе под названием «Краткая история Польши 1939–1989», характеризующем указанный период как включающий «немецкую и советскую ок-

купации, а также историю Польши при коммунистическом режиме», утверждает: «Репрессии Гитлера были направлены прежде всего против политической, культурной, религиозной, социальной и интеллектуальной элиты. Подобным же образом (similarly) сотни тысяч польских граждан с территорий, оккупированных Советским Союзом, были депортированы в Сибирь и Казахстан, где жили в нечеловеческих условиях» (<https://ipn.gov.pl/en/brief-history-of-poland/l,Brief-history.html>). Институт национальной памяти выполняет целый ряд функций, обычно рассредоточенных по разным организациям. В распоряжении института находятся архивы спецслужб Польской Народной Республики, институт занимается вопросами расследования преступлений, публикацией архивных данных (включая имена секретных сотрудников госбезопасности ПНР), памятными мероприятиями, а также национальным образованием и историческими исследованиями. В 2018 г. в закон от Института национальной памяти были внесены поправки, предусматривающие наказания за использование выражения «польские лагеря смерти», за публичные высказывания, приписывающие польскому народу ответственность за участие в нацистских преступлениях против человечности, а также за отрицание преступлений, совершённых украинскими националистами и служащими украинских формирований, сотрудничавших с Третьим рейхом. Примечательно, что в задачи Украинского института национальной памяти, созданного по образцу польского, входит «популяризация в мире вклада украинского народа в борьбу против тоталитаризма» (<http://www.memory.gov.ua/page/polozhennya-pro-ukrainskii-institut-natsionalnoi-pamyati>), а националисты, действовавшие на территории Польши, считаются сейчас на Украине героями такой борьбы...»¹⁶⁶.

Заметим, что современное мифотворчество активно использует технологии не только переформатирования мифологических персонажей, но и переформатирования самого исторического фона событий и фактов. Так, петербургская писательница Е. Чижова на радость многим зарубежным политикам предъявила обществу собственную историческую версию о том, что ненависть Сталина к Ленин-

---

¹⁶⁶Алексеева И.Ю., Алексеев А.П. Философия исторической памяти // Вопросы философии. 2018. № 10.

граду помогла планам Гитлера, в силу чего ленинградцы сами уморили себя голодом...!¹⁶⁷

В целом процесс становления новых мифологем современного мира манифестируется исторической памятью, которая не только подтверждает порядок социальных изменений, но и санкционирует их существование. Поэтому всё более востребованной становится государственная политика «мифологической безопасности», которая направлена на поддержание стабильности общества через консенсус интересов политических групп и населения.

Подчеркнём важную роль мифологической безопасности, задачей которой является разработка позитивных механизмов идентификации с помощью конструктивных мифов. Они помогают человеку успешно выходить из «пограничных состояний» и фрустраций. В заявленном ракурсе ценностные координаты исторической памяти «работают» на утверждение эффективности всей системы установок и ориентиров, посредством которых человек с оптимизмом воспринимает прошлое, а через него и настоящее.

В современной глобалистике нельзя обойти проблематику «постпамяти». Многие исследователи представляют феномен постпамяти как продукт трансформации социального. По их мнению, задача постпамяти заключается в организации содержания «постнациональной идентичности», имеющей транснациональный характер. Можно согласиться с точкой зрения известного философа В.Н. Сырова, что пока говорить о постпамяти и соответствующей ей постнациональной идентичности – преждевременно.¹⁶⁸ Учёный считает, что постнациональная идентичность предполагает не просто переформацию или фальсификацию конкретных историй, а забывание прошлого как ценностного основания. К тому же, подчёркивает учёный, конечным результатом процесса забывания всё равно остаётся повторяющийся шаблон траектории исторической памяти. Этот шаблон всегда воспроизводит в культурном национальном пространстве демаркацию между своими и

---

¹⁶⁷ Стешин Д. Писательница Елена Чижова: «Блокадный Ленинград уморил Сталин» [Электронный ресурс] // Комсомольская правда, 08.05.2019. – Режим доступа: <https://www.krsk.kp.ru/daily/26974/4032010/>

¹⁶⁸ Сыров В.Н. Существует ли постнациональная память? // Историческая память в постиндустриальном мире: мифы, ритуалы, репрезентации. Саратов: Наука, 2017. С. 132–137.

чужими. Тем не менее нельзя абсолютно отрицать наличие в глобальном мире стратегических элементов постпамяти, таких как этика «сожаления о прошлом» или попытки людей найти новые площадки собственной идентичности. Эти попытки идут в двух направлениях: реализация технологий сожаления о прошлом, чтобы быть в образе вечной жертвы; самому стать субъектом ризомной памяти, например в многочисленных сетевых историях. В них можно демонстративно игнорировать существующие государственные и научные нормы, принимать участие в многочисленных войнах памяти, проявляя при этом «...допустимые в силу внутреннего убеждения эгоцентристские отношения в сети»¹⁶⁹. Используя потенциал онлайн- и оффлайн-реальностей, моддинг (модификация любительских компьютерно-фанатских онлайн-практик), современные пользователи сетей активно артикулируют культуру медиапроизводства истории в парадигме Web 2.0. Концепция Web 2.0 была выдвинута, как известно, Тимом О'Рейли. «В соответствии с ней Интернет должен стать системой, внутри которой сетевые взаимодействия становятся тем лучше, чем больше людей ими пользуются»¹⁷⁰. Эта парадигма задаёт новые ценностные основания для работы с исторической памятью – свободу самовыражения, любительскую креативность, персональную самобытность. Ярким проявлением самовыражения в сетевых историях является обмен критическими оценками не только «от многих к одному», но и «от многих ко многим». Можно привести примеры наиболее творческих, критических отзывов в Интернете по поводу обсуждения известного американского блокбастера «300 спартанцев: расцвет империи» – пеплума режиссёра Н. Мурро в формате 3D и IMAX 3D, мидквел (2013 г.). Действие происходит до, во время и после событий фильма «300 спартанцев» 2006 года. Сюжет этого фильма содержит известную мифологию Героев, Победителей и Завоевателей. Наряду с позитивными отзывами есть и такие: «300 спартанцев больше похожи на толпу стриптизёров, чем на античных воинов, как и сам Ксеркс, где это вообще видано, чтобы персидский

---

¹⁶⁹Порозов Р.Ю. Нормативное измерение виртуальной реальности // История. Семиотика. Культура: Сб. материалов научной международной конференции, посвященной 250-летию Фридриха Шлеермахера. Самара, 2018. С. 282, 279.

¹⁷⁰Тихонова С.В. Память Интернета и социальная память: перспективы слияния // Философия времени: онтологические начала и ценностные дискурсы: сб. науч. тр. Саратов: КУБиК, 2017. С. 71, с. 68–73.

руководитель, да ещё и главнокомандующий по совместительству, так одевался. Америкосы в очередной раз сняли полный бред ради того, чтобы бабла срубить», «что за мутанты монстры в армии персов», «двухметровая гей-королева, покрытая пирсингом» и др.¹⁷¹. Но не только критические замечания, представленные в сетевых историях, являются творческим актом медиасубъекта. С расширением доступа к технике и развитием программного обеспечения у пользователей сетей появляется всё больше возможностей самим конструировать прошлое с помощью фрагментарного монтажа, т. е. практически выступать акторами сетевой исторической памяти. Цифровое поколение легитимирует свои культурные ценности, носителями и передатчиками которых само же и является. Узловые точки существования артефактов прошлого, их ценностную значимость распределяют теперь сами пользователи сети в качестве готовых версий истории. И неважно, существовало ли то или иное событие прошлого реально, – ценностно значимой становится лишь организация события offline. Например, проанализируем Battlefield 5 – компьютерную игру, в основу которой легла операция «Ганнерсайд» в Веморке (Норвегия) по уничтожению тяжёлой воды, использовавшейся при создании атомного оружия во время Второй мировой войны. Исторические факты свидетельствуют, что объект был уничтожен группой норвежских военных из состава управления специальных операций в 1943 г. До этого неудачная попытка ликвидации объекта была предпринята и в 1942 г. В игре же Battlefield 5 объект был уничтожен вымышленным персонажем – одной женщиной-«суперменом», участницей диверсионной группировки; все остальные погибли. Примерно по такому сценарию создаются сетевые истории.

Таким образом, сетевая/ризомная память не идеологизирует теперь трансцендентные статусы бытия, такие как жизнь, бессмертие, время и т. д. Сетевая память ведёт диалог с непосредственным, эмоциональным опытом любительства. При этом любительский опыт сетевых историй жёстко отстаивает своё право на интерпретацию исторических событий и версий в рамках своего представления

---

¹⁷¹ Все грехи фильма «300 спартанцев» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://imperiya.by/video/J7jmGv-GVnG/vse-grehi-filma-300-spartantsev.html>

о критериях научности знания, о «хорошем» или «дурном» вкусе. Масштабированность этого опыта сетевыми контентными имеет двойственные последствия. С одной стороны, любительский опыт в сетях генерирует коннотации творческой свободы, новизны и самобытности. На их основе создаются бренды трансмедийных проектов исторических событий. С другой стороны, пользователи, выступая акторами сетевой ризомной памяти, в своей фанатской самоудовлетворённости архивируют историческую память не в живой мир реальности, а в мир компьютерных метаморфоз.

Сделаем краткие выводы:

1. Система ценностей не просто связана с историко-культурной средой общества, а способна задать для исторической памяти смыслообразующий контекст, который усиливает экспансию прошлого в диапазоны настоящего и будущего, актуализируя в них всеобщность и уникальность жизни.

2. Потенциал и ресурсы ценностных оснований исторической памяти сосредоточены в социальном бытии, поэтому качественное содержание ценностей может быть проявлено посредством включения их в объектно-субъектные или субъектно-объектные отношения социального бытия.

3. В ракурсе ценностных измерений не только историческая память выступает ценностью жизни, но ценностью являются формы её репрезентации: знания, миф, художественный образ. Процесс воспоминания конкретного события часто сталкивается с разными ценностно-нормативными системами, что может привести к завуалированию и даже к размыванию достоверности исторического факта.

4. Социальная трансформация общества изменяет нормативную систему ценностей, в рамках которой историческая память осваивает прошлое. Ценностями «сетевой истории» выступают бренды трансмедийных проектов исторических событий, а также компьютерные метафоры истории.

Заключение

Подводя итоги диссертационного исследования, следует обратить внимание на сложные проблемы теории и практики исторической памяти. Дальнейшее осмысление этих проблем послужит стимулом не только для последующих исследований исторической памяти, но и для формирования эффективных практик работы с исторической памятью в качестве инструментария геополитики и стабилизации безопасности государств. В диссертационном исследовании была предложена «философская карта» социально-онтологических и ценностных измерений исторической памяти как феномена бытия. «Условными философскими измерительными единицами» выступили онтологические составляющие исторической памяти, совокупность которых образовала онтологическую платформу, онтологические основания исторической памяти. Проведённый анализ онтологических составляющих исторической памяти, таких как пространственно-временные характеристики, бытийность, сознание, процедурная схематика алгоритмов человеческой деятельности, позволил не только определить специфику социокультурного контекста эпохи, с которой «работает» историческая память, но и объяснить её решение, связанное с выбором того, что сохранить, а что подвергнуть забвению в истории.

Проведённый историко-философский дискурс проблематики исторической памяти выявил факты философских разночтений в трактовках онтологических оснований исторической памяти. Эти разночтения привели к появлению огромного блока различных трактовок и определений исторической памяти в социально-философских теориях.

В диссертации автором обосновывается положение о том, что наличие онтологических составляющих исторической памяти позволило определить её онтологический статус как феномена социального бытия. В свою очередь, наличие онтологического статуса исторической памяти позволило выделить специфику её проявления на различных уровнях: уровне социального бытия, институциональном уровне и экзистенциальном уровне. Онтологический статус исторической памяти

способствовал включению её проблематики в поле междисциплинарных исследований, что придало феномену исторической памяти фундаментальный характер.

В рамках междисциплинарного подхода появилась возможность выявить общие онтологические основания в «структурах памятования» общества и природы. Выявление общих онтологических оснований в «структурах памятования» стало осуществляться в фокусе формирования «новой онтологии», в рамках которой идёт процесс синтеза гуманитарного, технического и естественнонаучного знания.

Известно, что существует множество установок в теориях социальной философии, с позиций которых формируются границы исследовательского поля исторической памяти. К этим установкам часто добавляется жёсткая научная позиция учёного, который подбирает систему понятийного аппарата исторической памяти и выбирает общий контекст исследования событий прошлого. При этом выбранная методологическая позиция часто претендует на статус «абсолютной истины». В силу этого методологическое расхождение между теоретиками исторической памяти принимает характер непримиримой оппозиции, что затрудняет дальнейшее развитие методологии исторического познания. Поэтому в диссертации обосновывается роль методологического ресурса исторической памяти как теоретической установки, которая легитимизирует равноценную значимость разных методологических подходов к исследованию исторической памяти и работе с прошлым. Автор подчёркивает инструментальную роль методологического ресурса исторической памяти, которая проявляется в его способности синтезировать философские категории и концепты и адаптировать их к задачам исследования современных социокультурных трансформаций общества. С помощью групп категорий *общее – особенное – единичное, часть и целое* обосновываются когнитивные границы между различными видами памяти. Автор подчёркивает, что в контексте монистического и плюралистического бытия категории по-разному соотносят границы социальной и исторической памяти.

Например, в рамках монистического бытия (прямое бытие) категория «общее» (всеобщее) раскрывает содержание исторической памяти как транслятора

всего накопленного культурного опыта социальной жизни. В этом плане социальная память актуализирует социальное бытие общества. Содержание исторической памяти уточняется категорией «особенное». С одной стороны, являясь частью социальной памяти, историческая память актуализирует бытие общества. С другой стороны, историческая память очень институциональна. Через многочисленные социальные институты (государство, система образования и воспитания, традиции и т. д.) историческая память выбирает из истории те события и факты, в презентации которых задействованы политические и геополитические интересы.

В рамках плюралистического бытия (обратное бытие), где первичной является онтология «единого», уже культурная память претендует на всеобщность и сохраняет в своих ячейках незыблемые каноны текста и живописи. В этом аспекте историческая память утрачивает свои притязания выступать в рамках категории «особенное», так как она размывает свою способность актуализации бытия общества. Историческая память выступает в качестве единичного следа в пространственных точках «здесь и сейчас». На первый план выходит коммуникативная память, которая через категорию «особенное» выявляет специфику психологических образов прошлого, сохраняя при этом темпоральную взаимосвязь поколений. В плюралистическом бытии огромную роль играет так называемая постпамять, которая через категорию «единичное» фиксирует «травмы прошлого» в личной биографии человека.

В диссертации проводится мысль, что познавательные единицы категорий и концептов демонстрирует свой потенциал в разных онтологических схемах мира. Поэтому продуктивным является вывод о том, что интегральный опыт категорий и концептов является эффективным методологическим ресурсом исторической памяти в освоении и описании событий прошлого.

При выяснении эвристической роли методологического ресурса исторической памяти автор предостерегает от опасности увлечения методологией «нормативного релятивизма», в рамках которого размываются границы между онтологией и гносеологией. На первый взгляд, отождествление онтологии и гносеологии и принцип «нормативного релятивизма» расширяют границы эпистемологической

свободы для познания прошлого. Но здесь возникают определённые трудности. Во-первых, в рамках «нормативного релятивизма» сложно провести демаркацию между эмпирической базой исторических фактов и событий и их многочисленными интерпретациями и конструкциями прошлого, выполненными по социальному заказу. Во-вторых, с повестки дня снимается проблема существования реального прошлого, хотя бы в аспекте его предметной деятельности. По мнению многих авторов, историческое прошлое существует лишь как возможная действительность. Но, как было показано в диссертации, особенностью категорий «действительность» и «возможность» является то, что в рамках теории для их описания не используется категория времени. Однако без темпоральных характеристик историческая память теряет собственную онтологическую процессуальность и фиксируется только топосами пространства. Это сужает содержание и функциональную роль исторической памяти как способа продления социального бытия человека. Вся многогранность социальной бытийности человека сводится к нарративному повествованию о событиях прошлого и переживанию по поводу событий прошлого. Практически сводится на нет роль исторической памяти в актуализации накопленного опыта по освоению человеком материального мира природы. Многие философы истории оставляют за бортом анализ исторической памяти как транслятора полученного опыта научных открытий и технологических прорывов, сводится на нет историческая роль творческих способностей человека, опредмеченных в артефактах культуры. Как тонко замечают представители акторно-сетевой теории (которые научно корректно провели анализ социальных трансформаций общества), историческая память сегодня всё больше становится сетевым актором в «пересборке» желаемых исторических событий.

В диссертации отмечается, что результативность методологического ресурса исторической памяти должна быть усилена работой по организации понятийного аппарата и разработкой эффективных способов по освоению прошлого. Эти задачи выполняет так называемая классификационная структура исторической памяти, которая, с одной стороны, определяет статусное место каждого вида памяти, с другой стороны, определяет результативность каждого способа работы с про-

шлым. В диссертации проводится сравнительный анализ эффективности интерпретации, конструирования и реконструирования исторических событий, сравниваются их положительные стороны и недостатки. Особо отмечается негативная роль фейк-реконструкции, с помощью которой восстанавливаются сознательно придуманные истории. В классификационную структуру исторической памяти включаются методологические стандарты работы с прошлым. В рамках этих стандартов образуются и формируются новые виды памяти: интернет-память, библиотечная память, постпамять, биографическая память и т. д.

Бытийное основание исторической памяти непосредственно связано с ценностным отношением к миру, которое предполагает освоение прошлого через систему смыслообразующих ориентиров. В диссертации подчёркивается мысль, что эти ориентиры формируют вектор избирательности в освещении исторической памятью тех или иных фрагментов прошлого. В пространственно-временных координатах социального бытия существует система ценностных измерений, с помощью которых историческая память актуализирует ранговую значимость исторического события. В диссертации подчёркивается, что сама память может являться ценностью бытия и её формы презентации могут выступать в качестве значимых ценностей. Так, историческое знание-факт выступает ценностью в ракурсе исторического познания, многие позитивные мифы выступают в качестве ценности, значимость которой используется политическими и государственными структурами.

В диссертации подчёркивается, что не только ценностный аспект исторической памяти, но и сама её проблематика в целом в условиях современной трансформации общества может стать неактуальной. Перспектива дальнейшей разработки теории исторической памяти зависит от эффективного решения глобального противоречия между природой и техносферой. Если в современной технологической картине мира техносфера окончательно заменит природные процессы, то на первый план выйдет проблематика виртуальной реальности, в рамках которой предметность деятельности замещается симулякрами. В этой ситуации цен-

ностями исторической памяти станут «сетевые истории», а сама историческая память станет разновидностью компьютерной метафоры.

В диссертационном исследовании высказывается мнение, что несмотря на существующие социальные трансформации проблематика исторической памяти будет сохранять свою актуальность не только в теоретическом плане, но и в рамках реализации социального заказа со стороны государства и геополитики.

Список литературы

1. Августин. Исповедь / Августин; пер. с лат. // Творения Божественного Августина. – 2-е изд. – Киев, 1901. – Кн. XI, гл. 27.
2. Алексеев, А.Н. Память семейная и историческая: точки пересечения и разрывы (гипотеза о влиянии семейной памяти на мировосприятие) / А.Н. Алексеев // Телескоп: журнал социологических и маркетинговых исследований. – 2008. – № 5. – С. 49–50.
3. Алексеева, И.Ю. Философия исторической памяти / И.Ю. Алексеева, А.П. Алексеев // Вопросы философии. – 2018. – № 10. – С. 67–76.
4. Андерсон, Б. Воображаемые сообщества / Б. Андерсон. – М.: Канон-Пресс-Ц, Кучково поле, 2001. – 288 с.
5. Аникин, Д.А. Динамика социальной памяти: сетевые основания [Электронный ресурс] / Д.А. Аникин, А.С. Сивоконь // Вестник Волгогр. гос. ун-та. Сер. 7. Философия. – 2016. – № 3(33). – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/dinamika-sotsialnoy-pamyati-setevye-osnovaniya> (дата обращения 08.05.2019).
6. Аникин, Д.А. Топология коллективной памяти: от социальных рисков к цивилизационным вызовам / Д.А. Аникин. – Саратов: ИЦ «Наука», 2016. – 163 с.
7. Аникин, Д.А. Топосы социальной памяти в обществе риска / Д.А. Аникин. – Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 2011. – 144 с.
8. Анисимова, С.Ю. Экзистенциалы смерти и боли как травмы исторической памяти: ценностное основание / С.Ю. Анисимова // Историческая память: травмы прошлого, противоречия настоящего, перспективы будущего: сб. ст. по итогам Всерос. науч. конф. / Под ред. В.Н. Сырова. – Саратов: ИЦ «Наука», 2018. – 279 с.
9. Анисимова, С.Ю. Историческая память в историографии античной Греции: философский анализ взаимодействия / С.Ю. Анисимова // Аспирантский вестник Поволжья. – 2015. – № 3-4. – С. 13–17.

10. Антология мировой философии: в 4 т. Т. 1. Философия древности и Средневековья. Ч. 1. – М.: Мысль, 1969. – 294 с.
11. Антология мировой философии: в 4 т. Т. 4. Философская и социологическая мысль народов СССР XIX века. – М.: Мысль, 1972. – 708 с.
12. Аристотель. О памяти и припоминании / Аристотель; перевод и примечания С.В. Месяц // Вопросы философии. – 2004. – № 7. – С. 161–168.
13. Аристотель. Сочинения: в 4 т. / Аристотель. – М.: Мысль, 1978. – Т. 2. – 345 с.
14. Аристотель. Сочинения: в 4 т. / Аристотель. – М.: Мысль, 1984. – Т. 4. – 665 с.
15. Ассман, А. Распалась связь времён? Взлёт и падение темпорального режима Модерна / А. Ассман; пер. с нем. Б. Хлебникова; пер. английских цитат Д. Тимофеева. – М.: Новое литературное обозрение, 2017. – 272 с.
16. Ассман, Я. Культурная память. Письмо, память о прошлом и политическая идентичность в высоких культурах древности / Я. Ассман. – М.: Языки славянской культуры, 2004. – 368 с.
17. Бадмаев, В.Н. Ментальность и историческая память / В.М. Бадмаев // Вестник Калмыцкого университета. – 2012. – № 1(13). – С. 78–83.
18. Бакиева, Г.А. Философский анализ феномена социальной памяти: дис. ... д-ра филос. наук: 09.00.11 / Бакиева Гульнара Абдуваситовна. – СПб., 2001. – 339 с.
19. Барг, М.А. Эпохи и идеи. Становление историзма / М.А. Барг. – М.: Мысль, 1987. – 348 с.
20. Беседина, Е.А. В этом здании жил и работал...: мемориальные доски как образ исторической памяти / Е.А. Беседина, Т.В. Буркова // Труды исторического факультета Санкт-Петербургского университета. – 2013. – № 16. – С. 45–67.
21. Билалов, М.И. Философия истины в коммуникативном пространстве познавательных культур / М.И. Билалов // Вестник РФО. – 2016. – № 1. – С. 10–13.
22. Бобкова, М.С. «Historia pragmata». Формирование исторического сознания новоевропейского общества / М.С. Бобкова. – М.: ИВИ РАН, 2010. – 339 с.

23. Божченко, О.А. Историческая память как форма музейной рефлексии / О.А. Божченко // Вестник СПбГУКИ. – 2012. – № 3(12), сентябрь. – С. 112–116.
24. Бойков, В.Э. Состояние и проблемы формирования исторической памяти / В.Э. Бойков // Социологические исследования. – 2002. – № 8. – С. 85–89.
25. Борисова, Т.В. Гламур под знаком техногенной цивилизации: монография / Т.В. Борисова, О.С. Ключникова. – Самара: Инкома-пресс, 2016. – 154 с.
26. Борисова, Т.В., Анисимова, С.Ю. Онтология концепта исторической памяти в философском дискурсе / Т.В. Борисова, С.Ю. Анисимова // Вестник Тверского государственного университета. Серия: Философия. – 2017. – № 2. – С. 66–76.
27. Бубер, М. Проблемы человека / М. Бубер; пер. Ю.С. Терентьева // Два образа веры. – М.: Республика, 1995. – 464 с.
28. Буллер, А. Введение в теорию истории: учебное пособие / А. Буллер. – М.: Наука, 2013. – 180 с.
29. Буринская, Е.Н. Библиотеки-музеи как форма сохранения исторической памяти региона / Е.Н. Буринская // XX век. Две России – одна культура. – СПб., 2006. – С. 292–300.
30. Бурухин, С.С. Социальное действие и его эффективность / С.С. Бурухин // Вестник ТвГУ. Серия «Философия». – 2018. – № 3. – С. 44–55.
31. Бэкон, Ф. Сочинения в двух томах / Ф. Бэкон. – 2-е испр. и доп. изд. – М.: Мысль, 1971. – Т. 1. Кн. 1, гл. 1; Кн. 9, гл. 1. – 567 с.
32. Вернан, Ж.П. Происхождение древнегреческой мысли / Ж.П. Вернан; пер. с фр.; общ. ред. Ф.Х. Кессиди, А.П. Юшкевича; послесл. Ф.Х. Кессиди. – М.: Прогресс, 1988. – 244 с.
33. Гарбузов, Д.В. Антропология времени: монография / Д.В. Гарбузов. – Волгоград: Изд-во ВолГУ, 2009. – 360 с.
34. Гартман, Н. Этика / Н. Гартман; пер. А.В. Глаголева. – М.: Владимир Даль, 2002. – 708 с.

35. Гене, Б. История и историческая культура средневекового Запада / Б. Гене; пер. с фр. Е.В. Баевской, Э.М. Береговской. – М.: Языки славянской культуры, 2002. – 491 с.
36. Герасимов, О.В. Историческое познание: опыт исторической эпистемологии: монография / О.В. Герасимов.– Самара: Самар. гос. техн. ун-т, 2016. – 115 с.
37. Гоббс, Т. Левиафан или материя, форма и власть государства церковного и гражданского. Гл. IX. О различных предметах знания / Т. Гоббс // Избранные произведения в двух томах. – М.: Мысль, 1964. – Т. 2. – 748 с.
38. Головашина, О.В. Социальное время: от объектов к концептам / О.В. Головашина // Вояджер: мир и человек. – 2017. – № 9. – С. 143–144.
39. Гринченко, С.Н. Социальная мегаэволюция человечества как последовательность шагов формирования механизмов его системной памяти / С.Н. Гринченко // Исследовано в России: электронный многопредметный научный журнал. Том 1. – М.: 1999–2001. – С. 1652–1681.
40. Грусман, В.М. Музей как институт формирования исторической памяти / В.М. Грусман // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. – 2007. – № 35. – С. 92–99.
41. Гуревич, А.Я. Категория Средневековой культуры / А.Я. Гуревич. – М.: Искусство, 1972. – 318 с.
42. Гуревич, С.П. Феномен деантропологизации человека / С.П. Гуревич // Вопросы философии. – 2009. – № 3. – С. 19–32.
43. Гусева, Н.А. Государственные награды: к вопросу об исторической памяти / Н.А. Гусева // Вестник СПбГУ. – 2011. – Сер. 12. – Вып. 3. – С. 286–292.
44. Гусева, И.И. Ценность индивидуального в новых «форматах схватывания» социального / И.И. Гусева // Ценности. Риски. Коммуникации в изменяющемся мире: сб. науч. тр. Всерос. конф. «VI Аскинские чтения». – Саратов: КУБиК, 2012. – С. 216–219.
45. Гуссерль, Э. Собрание сочинений. Т. 1. Феноменология внутреннего сознания времени / Э. Гуссерль. – М.: Логос; Гнозис, 1994. – 311 с.

46. Дармограй, В.М. Цивилизационный выбор России / В.М. Дармограй // *Восток, Запад, Россия. Философские и социокультурные основания взаимодействия цивилизаций: сб. науч. тр.* – Саратов–Москва–Саранск: КУБиК, 2017. – С. 42–46.
47. Дахин, А.В. Память, история, вселенная: на пути новой онтологии реальности / А.В. Дахин // *Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского.* – 2012. – № 1(3). – С. 19–34.
48. Декарт, Р. Правила для руководства ума / Р. Декарт; пер. с фр. // *Избранные произведения.* – М.: Политиздат, 1950. – 712 с.
49. Дёмин, И.В. Реальность исторического прошлого как онтологическая проблема: автореф. дис. ... канд. филос. наук: 09.00.11 / Дёмин Илья Вячеславович. – Самара, 2008. – 26 с.
50. Дёмин, И.В. Семиотика истории и герменевтика исторического опыта: монография / И.В. Дёмин. – Самара: Изд-во Самар. гуманитар. акад., 2017. – 273 с.
51. Диалоги со временем: память о прошлом в контексте истории / Отв. ред. Л.П. Репина. – М.: Круг, 2008. – 800 с.
52. Доронин, А.В. Историк и его миф. Иоганн Авентин (1477–1534) / А.В. Доронин. – М.: Российская политическая энциклопедия, 2007. – 256 с.
53. Ежов, М.В. С чего начинается Родина, или формирование исторической памяти / М.В. Ежов // *Искусство памяти: воспитание национально-культурного сознания молодёжи: сб. науч. ст. межрегион. науч.-метод. конф. 24 ноября 2010 г. Общество «Знание» Санкт-Петербурга и Ленинградской области.* – СПб: ИВЭСЭП, Знание, 2011. – С. 8–11.
54. Ерохина, Е.А. Историческая память этнической общности в динамике социокультурных трансформаций / Е.А. Ерохина // *Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: Философия.* – 2008. – Т. 6, № 1. – С. 92–97.

55. Жуйков, Д.С. Коллективная память: ключевые исследовательские проблемы и интерпретация феномена / Д.С. Жуйков // Internum. – 2013. – № 1. – С. 6–16.
56. Заклинский, П.А. История и память (Философские аспекты и проблемы исторической памяти). Социальная философия и философия политики / П.А. Заклинский // Первый российский философский конгресс. – СПб: Изд-во СПбГУ, 1997. – Т. VI. – С. 74–76.
57. Заклинский, П.А. Историческое время и историческая память: дис. ... канд. филос. наук: 09.00.11 / Заклинский Пётр Александрович. – М., 1999. – 142 с.
58. Иванов, Е.М. Природа субъективного и квантовая физика / Е.М. Иванов // Философия культуры и философия науки: проблемы и гипотезы: межвуз. сб. науч. тр. – Саратов: Изд-во Сарат. гос. ун-та, 1999. – С. 190–196.
59. Игнатов, В.Н. Историческое прошлое и его значение для постсовременного общества: социально-философский анализ: дис. ... канд. филос. наук: 09.00.11 / Игнатов Владимир Николаевич. – М., 2011. – 167 с.
60. Ипполитов, Г.М. Историографический факт и историографический источник как категории исторической науки: непростая диалектика / Г.М. Ипполитов // Известия самарского научного центра РАН. – 2013. – Т. 15, № 1. – С. 180–195.
61. Историческая политика в XXI веке: сб. ст. / Науч. ред.: А. Миллер, М. Липман. – М.: Новое литературное обозрение, 2012. – 646 с.
62. Какзанова, Е.М. Время и исторический процесс: категории времени в труде Л. Штайндорффа «Память в древней Руси» / Е.М. Какзанова // Вояджер: мир и человек. – 2017. – № 9. – С. 182–187.
63. Кемеров, В.Е. Социальная философия. Словарь / В.Е. Кемеров, Т.Х. Керимов. – М.: Академический проект, 2006. – 624 с.
64. Князева, Е.Н. Темпоральная архитектура сложности. Синергетическая парадигма. Синергетика инновационной сложности / Е.Н. Князева. – М.: Прогресс-Традиция, 2011. – С. 66–86.

65. Кознова, Е.И. Историческая память и основные тенденции её изучения / Е.И. Кознова // Социология власти. – 2003. – № 2. – С. 23–32.
66. Колесников, С.И. Общая биология: учебное пособие / С.И. Колесников. – М.: КНОРУС, 2015. – 288 с.
67. Коллингвуд, Р.Дж. Идея истории. Автобиография / Р.Дж. Коллингвуд; пер. и комментарии Ю.А. Асеева, ст. М.А. Кисселя. – М.: Наука, 1980. – 486 с.
68. Колоницкий, Б.И. Погоны и борьба за власть в 1917 году: монография / Б.И. Колоницкий. – СПб.: Остров, 2001. – 83 с.
69. Колосовская, Т.А. Историческая память о Кавказской войне XIX века в художественном наследии ее участников / Т.А. Колосовская // Научные проблемы гуманитарных исследований. – 2012. – Вып. 1. – С. 68–73.
70. Коротяев, А.И. Роль генетической и умственной системы информации в возникновении и развитии жизни на Земле / А.И. Коротяев, С.А. Бабичев. – Нальчик: Эльбрус, 2009. – 240 с.
71. Коршунова, О.Н. Фальсификация исторических образов как проблема функционирования коллективной исторической памяти / О.Н. Коршунова, Я.М. Поливанов // Вестник Чувашского университета. – 2011. – № 1. – С. 48–53.
72. Костин, А.А. Научный факт как феномен когнитивной активности: автореф. дис. ... канд. филос. наук: 09.00.01 / Костин Антон Александрович. – Самара, 2008. – 20 с.
73. Костина, Е.Н. Память и забвение: диалектика феноменов: социально-философский анализ: дис. ... канд. филос. наук: 09.00.11 / Костина Екатерина Николаевна. – Казань, 2013. – 129 с.
74. Кривошеев, Ю.В. Александр Невский: создание киношедевра. Историческое исследование / Ю.В. Кривошеев, Р.А. Соколов. – СПб.: ИИФ «Лики России», 2012. – 400 с.
75. Крушанов, А.А. «Междисциплинарные» и «трансдисциплинарные» исследования: проблемы самоопределения / А.А. Крушанов // Вестник РФО. – 2018. – № 2. – С. 41–49.

76. Кубрякова, Е.С. Язык и знание: на пути получения знаний о языке. Части речи с когнитивной точки зрения / Е.С. Кубрякова. – М.: Языки славянской культуры, 2004. – 560 с.
77. Кургузов, В.И. Историческая память и забвение в культурном пространстве как репрезентация прошлого в настоящем / В.И. Кургузов // «Белые пятна» российской и мировой истории. – 2011. – № 1. – С. 76–90.
78. Лапин, В.В. Память как товар: коммерческая составляющая Отечественной войны 1812 года / В.В. Лапин // Новое литературное обозрение. – 2012. – № 118. – С. 206–217.
79. Латур, Б. Когда вещи дают отпор: возможный вклад «науковедения» в социальные науки / Б. Латур // Социологическое обозрение. – 2001. – Т. 1, № 1. – С. 44–45.
80. Латур, Б. Переборка социального действия. Введение в акторно-сетевую теорию / Б. Латур; пер. с англ. И. Полонской. – М.: Изд. дом Высшая школа экономики, 2014. – 384 с.
81. Ле Гофф, Ж. Цивилизация средневекового Запада / Ж. Ле Гофф; пер. с фр. – М.: Прогресс; Прогресс-Академия, 1992. – 372 с.
82. Лебедева, А.В. Современное искусство как хранитель исторической памяти (по материалам галереи-мастерской художника Г.С. Райшева) / А.В. Лебедева // Культурное наследие Сибири. – 2009. – № 10. – С. 48–60.
83. Левада, Ю.А. Историческое сознание и научный метод / Ю.А. Левада; отв. ред.: А.В. Гулыга, Ю.А. Левада // Философские проблемы исторической науки. – М.: Наука, 1969. – 320 с.
84. Левин, Г.Д. Принципы сохранения и монизма как методологическая основа эпистемологии / Г.Д. Левин // Вопросы философии. – 2017. – № 12. – С. 91–101.
85. Левин, Г.Д. Философские категории в современном дискурсе / Г.Д. Левин. – М.: Логос, 2007. – 224 с.

86. Леонтьева, О.Б. Историческая память и образы прошлого в российской культуре XIX – начала XX вв. / О.Б. Леонтьева. – Самара: Книга, 2011. – 448 с.
87. Леопа, А.В. Историческое сознание в условиях социокультурного кризиса: монография / А.В. Леопа. – Красноярск: Сибирский федеральный ун-т, 2012. – 242 с.
88. Ло, Дж. Объекты и пространства / Дж. Ло; пер. с англ. В. Вахштайна // Социологическое обозрение. – 2006. – Т. 5, № 21. – С. 30–42.
89. Логунова, Л.Ю. Семейно-родовая память как форма духовного опыта социальной общности: дис. ... д-ра филос. наук: 09.00.11 / Логунова Лариса Юрьевна. – Кемерово, 2011. – 267 с.
90. Логунова, Л.Ю. Влияние исторической травмы на семейно-родовую память сибиряков / Л.Ю. Логунова // Социологические исследования. – 2009. – № 9. – С. 126–136.
91. Лойко, О.Т. Социальная память в контексте историзма / О.Т. Лойко, Н.А. Вакурина // Вестник Томского государственного университета. Серия: История. – 2011. – № 1(13). – С. 158–161.
92. Ломако, О.М. Социальная память как дрящущая актуальность / О.М. Ломако // Философия времени: онтологические начала и ценностные дискурсы: сб. науч. тр. Всерос. конф. «VII Аскинские чтения» / Под ред. профессора В.Б. Устьянцева. – Саратов: КУБиК, 2017. – С. 51–56.
93. Лооне, Э.Н. Современная история философия / Э.Н. Лооне. – Таллин: Ээсти раамат, 1980. – 293 с.
94. Лосева, О.А. Соотношение методологических и аксиологических детерминаций исторического познания: философский анализ: автореф. дис. ... д-ра филос. наук: 09.00.01 / Лосева Ольга Анатольевна. – Саратов, 2004. – 49 с.
95. Лотман, Ю.М. Семиосфера. Культура и взрыв. Внутри мыслящих миров. Статьи. Исследования. Заметки / Ю.М. Лотман. – СПб.: Искусство–СПБ, 2000. – 704 с.

96. Лоуэнталь, Д. Прошлое – чужая страна / Д. Лоуэнталь; пер. с англ. А.В. Говорунова. – СПб.: Владимир Даль; Русский остров, 2004. – 624 с.
97. Лыскова, М.И. Влияние художественной литературы на формирование массового исторического сознания [Электронный ресурс] / М.И. Лыскова // Научно-методический электронный журнал «Концепт». – 2013. – Т. 3. – С. 2961–2965. – Режим доступа: <http://e-koncept.ru/2013/53598.htm> (дата обращения 08.05.2019).
98. Ляпин, С.Х. О познавательной деятельности научного факта / С.Х. Ляпин // Ценностные детерминации в научном познании: межвуз. сб. науч. ст. – Вологда: Вологодский государственный педагогический институт, 1984. – С. 59–63.
99. Малинкин, А.Н. Символика орденов СССР. Исследование по социологии награды / А.Н. Малинкин. – М.: Фонд «Новое тысячелетие», 2005. – 136 с.
100. Мамардашвили, М.К. Как я понимаю философию / М.К. Мамардашвили. – М.: Прогресс, 1990. – 368 с.
101. Маркс, К. Экономическо-философские рукописи 1844 года. Коммунизм / К. Маркс, Ф. Энгельс // Сочинения. 2-е изд. – М.: Издательство политической литературы, 1974. – Т. 42. – С. 41–174.
102. Мартынович, С.Ф. Факты науки и его детерминация / С.Ф. Мартынович. – Саратов: Саратовский государственный университет, 1989. – С. 38.
103. Матвеев, П.Е. Ценностный подход в этике: монография [Электронный ресурс] / П.Е. Матвеев. – Владимир: ВФ РУК, Собор, 2009. – 312 с. – Режим доступа: <https://studfiles.net/preview/2385059/> (дата обращения 08.05.2019).
104. Междисциплинарные исследования памяти / Под ред. А.Л. Журавлёва, Н.Н. Корж. – М.: Институт психологии РАН, 2009. – 283 с.
105. Мелюхин, И.С. Информационное общество: истоки, проблемы, тенденции развития / И.С. Мелюхин. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1999. – 208 с.
106. Мегилл, А. Историческая эпистемология / А. Мегилл; пер. с англ. М. Кукарцевой, В. Кашаева, В. Тимонина. – М.: Канон+; РООИ «Реабилитация», 2007. – 480 с.

107. Микешина, И.А. Новые образы познания и реальность / И.А. Микешина, М.Ю. Опенков. – М.: РОССПЭН, 1997. – 240 с.
108. Митрофанова, С.С. Классификационная проблема в современной науке: монография / С.С. Митрофанова. – Новосибирск: Новосибирский государственный университет, 1989.
109. Моисеев, И.В. Кризис в науке. Что делать? / И.В. Моисеев, В.М. Войцехович // Вестник РФО. – 2018. – № 2. – С. 46.
110. Моль, А. Социодинамика культуры / А. Моль; пер. с фр. – М.: Прогресс, 1973. – С. 43–50.
111. Надеждин, Н.Я. История науки и техники / Н.Я. Надеждин. – Ростов н/Д: Феникс, 2006. – 626 с.
112. Ницше, Ф. О пользе и вреде истории для жизни. Соч.: в 2 т. / Ф. Ницше. – М.: Мысль, 1990. – Т. 1. – С. 161.
113. Нора, П. Проблематика мест памяти. Франция-память / П. Нора, М. Озуф, Ж. де Пюимеж, М. Винок; пер. с фр. Д. Хапаевой. – СПб: Изд-во С.-Петербур. ун-та, 1999. – 328 с.
114. Нуркова, В.В. История как личный опыт / В.В. Нуркова // Историческая психология и социология истории. – 2009. – № 1. – С. 5–27.
115. Пепелина, Н.И. Из истории народного образования в СССР в 1930-х годах: работа над школьным учебником отечественной истории / Н.И. Пепелина // Вестник Московского государственного гуманитарного университета им. М.А. Шолохова. История и политология. – 2013. – № 2. – С. 19–32.
116. Платон. Сочинения: в 3 т. / Платон. – М.: Мысль, 1970. – Т. 2. – 609 с.
117. Плеснер, Р. Ступени органического и человек / Р. Плеснер // Проблемы человека в западной цивилизации. – М.: Прогресс, 1989. – 128 с.
118. Плотин. Об ощущении и памяти / Плотин; пер. Д.В. Бугая // Вопросы философии. – 2004. – № 7. – С. 169–173.
119. Поваляева, Н.Е. История Отечества до начала XX века в современных учебниках: автореф. дис. ... канд. ист. наук: 07.00.09 / Поваляева Наталия Евгеньевна. – М., 2004. – 19 с.

120. Попова, В.Н. Праздник как форма культурной памяти: проблема «забвения» и реконструкции прошлого / В.Н. Попова // Известия Уральского федерального университета. Серия 2: Гуманитарные науки. – 2011. – Т. 87, № 1. – С. 6–16.
121. Порозов, Р.Ю. Нормативное измерение виртуальной реальности / Р.Ю. Порозов // История. Семиотика. Культура: сб. матер. науч. междунар. конф., посвящ. 250-летию Фридриха Шлеермахера. – Самара, 2018. – С. 279–282.
122. Прихотько, Е.А. Историческая память и историческое сознание / Е.А. Прихотько, С.О. Лебедева // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. – Тамбов: Грамота, 2010. – № 1(5). – С. 132–135.
123. Раушенбах, Б.В. Пространственные построения в живописи / Б.В. Раушенбах. – М.: Наука, 1980. – 288 с.
124. Ребане, Я.К. Принцип социальной памяти / Я.К. Ребане // Философские науки. – 1977. – № 5. – С. 94–104.
125. Репина, Л.П. История и память / Л.П. Репина. – М.: Круг, 2006. – 768 с.
126. Репина, Л.П. Историческая наука на рубеже XX–XXI вв. / Л.П. Репина. – М.: Круг, 2011. – С. 435.
127. Репина, Л.П. Феномен памяти в современном гуманитарном знании / Л.П. Репина // Учёные записки Казанского университета. Гуманитарные науки. – 2011. – Т. 153. – С. 191–193.
128. Рикёр, П. Память, история, забвение. Серия: французская философия XX века / П. Рикёр; пер. с фр. И.И. Блауберг, И.С. Вдовиной, О.И. Мачульской, Г.М. Тавризян. – М.: Издательство гуманитарной литературы, 2004. – 728 с.
129. Риккерт, Г. Философия жизни / Г. Риккерт. – Киев: Ника-Центр, 1988. – 512 с.
130. Розов, М.А. Проблема эмпирического анализа научных знаний: монография / М.А. Розов. – Новосибирск: Наука, Сибирское отделение, 1977. – 222 с.

131. Романова, К.С. Дискурсы исторической памяти / К.С. Романова // Вестник Российского государственного гуманитарного университета. – 2008. – № 11. – С. 245–261.
132. Романовская, Е.В. Традиция как форма социальной памяти: герменевтический и институциональный горизонты: дис. ... д-ра филос. наук: 09.00.11 / Романовская Евгения Васильевна. – Саратов, 2013. – 306 с.
133. Россия и Европа: связь культуры и экономики: материалы II международной научно-практической конференции, 15 февраля 2012 г. – Ч. 3. – Прага: World Press s.r.o. – 188 с.
134. Ростовцев, Е.А. Революционные коммеморации в Петербургском университете на рубеже XIX–XX вв. / Е.А. Ростовцев // КЛИО. Журнал для ученых. – 2011. – № 4(54). – С. 89–99.
135. Ростовцев, Е.А. «Образ чужого» в исторической памяти россиян: Турция в текстах русской литературы (XIX–XX вв.) / Е.А. Ростовцев, И.В. Сидорчук // Научно-технические ведомости С.-Петерб. гос. политехнического ун-та. Гуманитарные и общественные науки. – 2014. – № 1. – С. 215–223.
136. Ростовцев, Е.А. Направления исследований исторической памяти в России / Е.А. Ростовцев, Д.А. Сосницкий // Вестник Санкт-Петербургского университета. Сер. 2. – 2014. – Вып. 2. – С. 107–112.
137. Рысаева, С.Ф. Мемориальная доска как историческая и художественная память города Кемерово / С.Ф. Рысаева // Вестник Кемеровского государственного университета культуры и искусств. – 2012. – № 21. – С. 186–193.
138. Рюзен, Й. Утрачивая последовательность истории: (некоторые аспекты исторической науки на перекрестке модернизма, постмодернизма и дискуссии о памяти) / Й. Рюзен // Диалог со временем. Альманах интеллектуальной истории. – М., 2001. – Вып. 7. – 392 с.
139. Савельева, И.М., Полетаев, А.В. История и время: в поисках утраченного / И.М. Савельева, А.В. Полетаев. – М.: Языки русской культуры, 1997. – 800 с.

140. Сагатовский, В.Н. Смерть онтологии? / В.Н. Сагатовский // Вестник РФО. – 2010. – № 4. – С. 95.
141. Светлов, П.Н. Традиции как форма исторической памяти / П.Н. Светлов, В.А. Федотов // Вестник Чувашского университета. – 2007. – № 1. – С. 77–82.
142. Слинин, Я.А. Трансцендентальный субъект. Феноменологическое исследование. Гл. III. Конституирование интенциональных объектов / Я.А. Слинин. – СПб.: Наука, 2001. – 528 с.
143. Смазнова, О.Ф. Познание мифического как методологическая проблема / О.Ф. Смазнова // Эпистемология. Философия науки. – 2008. – Т. XVII, № 3. – С. 182–193.
144. Снегирёв, И.Л. Древний Египет: монография / И.Л. Снегирёв, Ю.П. Францов. – Ленинград: ОГИЗ, 1938. – 300 с.
145. Соколова, М.В. Историческая память в контексте междисциплинарных исследований / М.В. Соколова // Ярославский педагогический вестник. – 2008. – № 2. – С. 22–26.
146. Соколова, М.В. Что такое историческая память / М.В. Соколова // Преподавание истории в школе. – 2008. – № 7. – С. 37.
147. Соловьёв, С.М. Сочинения / С.М. Соловьёв. – М.: Мысль, 1989. – Т. 6, гл. 7. – 783 с.
148. Стешин, Д. [Электронный ресурс] // Комсомольская правда, Россия. – Режим доступа: <https://www.kp.ru/daily/author/182/> (дата обращения 08.05.2019).
149. Суховерхов, А.В. Общая теория биологической и социальной памяти: семиотический и процессуальный подходы / А.В. Суховерхов // Научный журнал КубГау. – 2011. – № 74(10). – С. 2.
150. Сыров, В.Н. В каком историческом сознании мы нуждаемся: к методологии подхода и практике использования / В.Н. Сыров // Вестник Томского государственного университета. История. – 2013. – № 1(21). – С. 183–190.

151. Сыров, В.Н. Существует ли постнациональная память? / В.Н. Сыров // Историческая память в постиндустриальном мире: мифы, ритуалы, репрезентации. – Саратов: ЦК «Наука», 2017. – С. 132–138.
152. Тихонова, С.В. Память Интернета и социальная память: перспективы слияния / С.В. Тихонова // Философия времени: онтологические начала и ценностные дискурсы: сб. науч. тр. – Саратов: КУБиК, 2017. – С. 68–73.
153. Тощенко, Ж.Т. Историческая память и социология / Ж.Т. Тощенко // Социологические исследования. – 1998. – № 5. – С. 3–6.
154. Тощенко, Ж.Т. Историческое сознание и историческая память: анализ современного состояния / Ж.Т. Тощенко // Новая и новейшая история. – 2000. – № 4. – С. 3.
155. Трансдисциплинарность философии и науки: подходы, проблемы, перспективы: монография / Под общ. ред. В. Бажанова, Р. Шольца. – М.: Навигатор, 2015. – 564 с.
156. Трубецкой, С.Н. О природе человеческого сознания / С.Н. Трубецкой // Сочинения. – М.: Мысль, 1994. – С. 483–717.
157. Тугаринов, В.П. Природа, цивилизация, человек: монография / В.П. Тугаринов. – Л.: ЛГУ, 1978. – 128 с.
158. Тягунова, Л.А. Концептуальные основания реальности / Л.А. Тягунова // Гуманитарные проблемы социального и экономического развития России. – М.: Новый индекс, 2004. – С. 34–39.
159. Уайт, Х. Метаистория. Историческое воображение в Европе XIX века / Х. Уайт. – Екатеринбург: Уральский университет, 2002. – 528 с.
160. Устьянцев, В.Б. Историческая память – институциональный аспект ментальности / В.Б. Устьянцев, В.П. Барышков // Социальная память Российской цивилизации. – Саратов: Приволжское книжное издательство, 2001. – С. 70.
161. Устьянцев, В.Б. Социальная память в обществе риска: опыт философской концептуализации / В.Б. Устьянцев, Д.А. Аникин // Философия и общество. – 2011. – № 4 (64). – С. 58-69.

162. Устьянцев, В.Б. Очерки социальной философии: пространственные структуры, порядок общества, порядок глобальных систем: монография / В.Б. Устьянцев, М.О. Орлов, С.А. Данилов. – Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 2010. – 248 с.
163. Уткина, А.Н. Роль традиции, мифа и символа в передаче содержания социальной памяти / А.Н. Уткина // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. – 2012. – № 5–2. – С. 190–192.
164. Федотова, В.Г. Анализ структуры и динамики науки в социокультурном контексте. Материалы обсуждения избранных трудов В.С. Стёпина / В.Г. Федотова // Вопросы философии. – 2017. – С. 22.
165. Ферро, М. Как рассказывают историю детям в разных странах мира / М. Ферро; пер. с фр. – М.: Высшая школа, 1992. – 351 с.
166. Философия времени: онтологические начала и ценностные дискурсы: сб. науч. тр. Всерос. конф. «VII Аскинские чтения» / Под ред. В.Б. Устьянцева. – Саратов: КУБиК, 2017. – 232 с.
167. Фуко, М. Археология знания / М. Фуко; пер. с фр. – Киев: Ника-Центр, 1996. – 208 с.
168. Хайдеггер, М. Бытие и время / М. Хайдеггер; пер. с нем. В.В. Бибихина. – Харьков, 2003. – 366 с.
169. Хальбвакс, М. Коллективная и историческая память [Электронный ресурс] / М. Хальбвакс. – С. 1–13. Режим доступа: <https://magazines.gorky.media/nz/2005/2/kollektivnaya-i-istoricheskaya-pamyat.html> (дата обращения 20.05.17).
170. Хальбвакс, М. Коллективная и историческая память / М. Хальбвакс // Неприкосновенный запас. – 2005. – № 2–3 (40–41). – С. 8–27.
171. Хальбвакс, М. Социальные рамки памяти / М. Хальбвакс; пер. с фр. и вступ. ст. С.Н. Зенкина. – М.: Новое издательство, 2007. – 348 с.
172. Хаттон, П. История как искусство памяти / П. Хаттон. – СПб.: Владимир Даль, 2003. – 424 с.

173. Чанышев, А.Н. Трактат о небытии / А.Н. Чанышев // Вопросы философии. – 1990. – № 10. – С. 158–165.
174. Шакирова, М.Р. Интеллектуал в структуре исторической памяти Российского социума / М.Р. Шакирова // Философия времени: онтологические начала и ценностные дискурсы: сб. науч. тр. Всерос. конф. «VII Аскинские чтения». – Саратов: КУБиК, 2017. – С. 62.
175. Шестаков, А.А. Трансцендентализм как метафизическая исследовательская программа / А.А. Шестаков // Философия. Наука. Культура: сб. ст. – Самара: Офорт; Самар. гос. арх.-строит. ун-т, 2015. – С. 103–114.
176. Юдин, А.И. Ценность как метод познания социальной действительности и её практического преобразования: Г. Риккерт и П.Л. Лавров [Электронный ресурс] / А.И. Юдин. – Режим доступа: http://e-notabene.ru/fr/article_13606/html (дата обращения 08.05.2019).
177. Archer, Margaret S. Taking time to link structure and agency. New Delhi: XI World Congress of Sociology (mimeo), 1986.
178. Archer, Margaret S. The morphogenesis of social agency. Uppsala: SCASSS (mimeo), 1989.
179. Cycles of Contingency: Developmental systems and Evolution / Edited by Susan Oyama, Paul E. Griffiths and Russell D. Gray. Cambridge, MA: The MIT Press, 2001. 377 p.
180. Durham, W.H. Coevolution: Genes, Culture and Human Diversity. Stanford, California: Stanford University Press, 1992. 656 p.
181. Halbwachs, M. La memoire collective // Nouvelle edition revue et augmentee. Paris: Albin Michel, 1997. 297 p.
182. Spier, F. The Structure of Big History, 1996. 120 p.
183. «Золотая Орда»: могла ли княгиня стать наложницей гарема [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.wday.ru/stil-zhizny/kultura/zolotaya-or-da-mogla-li-knyaginya-stat-nalojnitsey-garema/>
184. Все грехи фильма «300 спартанцев» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://imperiya.by/video/J7jmGv-GVnG/vse-grehi-filma-300-spartantsev.html>

185. Huges-Warrington, M. *Big History // Social Evolution & History*. Vol. 4. No. 1, March 2005. Pp. 7–21.